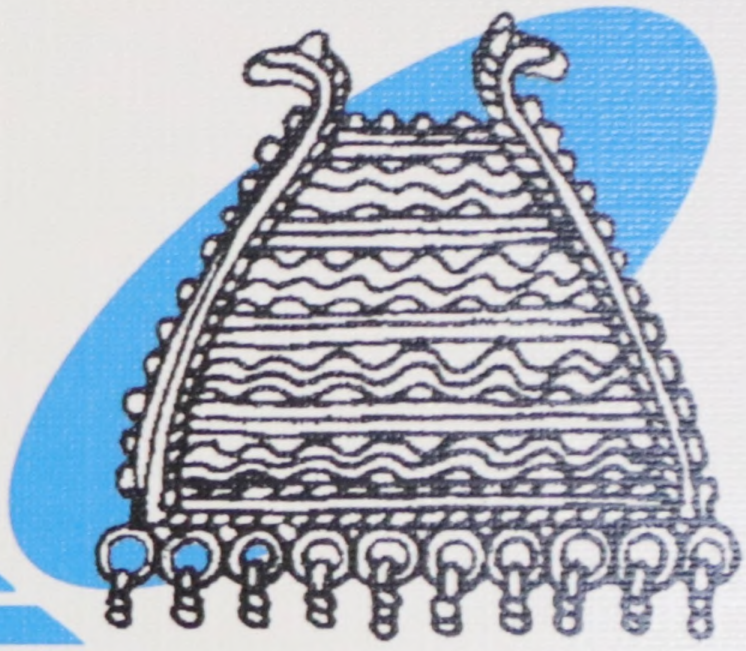
ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

2.2012

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2012, № 2

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 2 раза в год

Редакционная коллегия:

К.Н. Сануков (*главный редактор*)
С.С. Сибатрова (*зам. главного редактора*)
Т.Л. Молотова (*отв. секретарь*)
Л.Е. Кириллова
С. Лаллукка
Н.Ф. Мокшин
И.И. Муллонен
Т.Б. Никитина
Э.И. Пекшеева
А.Н. Ракин
Л.С. Христолюбова

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ им. В.М.Васильева, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Казанцев Д.Е. Диахронические универсалии в области словообразования. .. 3
Чикина Н.В. Детская финноязычная литература Карелии 1960–1980-х годов. 13
Водясова Л.П. Текст и его основные параметры (на материале современного эрзянского языка). 21
Садиков Р.Р. Эстонские поселения на Южном Урале: исторический очерк. . 35

СООБЩЕНИЯ

Садовин И.Г. Марийский аспект в современном международном финно-угорском сотрудничестве. 42
Малева А.В. Лирическая героиня коми поэтессы Л.З. Втюриной: особенности мироотношения. 47
Колчева Э.М. Мужские архетипы в произведениях марийского изобразительного искусства 1920–30-х годов из фондов Национального музея РМЭ им.Т.Евсеева. 52
Сурнина Л.Е. Аспекты народного характера в стихотворениях И.А. Куратова «Голь зон» («Парень-бедняк») и «Гездса ныв карса баринлы» («Деревенская девушка городскому барину»). 59
Уткина Т.В. Традиции и обычаи мордовского народа в сказках Н.А. Подгурской. 69

ПЕРСОНАЛИИ

Гуляева Н.И., Сажина С.А. Жизнь в науке: к 70-летию В.А. Ляшева. 72
Мокшина Е.Н. К 75-летнему юбилею И.М. Петербургского. 76
Морозов В.А. Педагог, ученый, ректор: к 75-летию со дня рождения А.Я. Антипина. 81

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Миннияхметова Т.Г. Рец.: Шутова Н.И., Капитонов В.И., Кириллова Л.Е., Останина Т.И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона: Коллективная монография / Науч. ред., авт. введ. и закл. Н.И.Шутова; УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2009. – 224 с.: ил. + цв. вкл. 84
Лаврентьев Г.И. Викстрем О., Зорина З. Падежная система современного горномарийского языка. – Йошкар-Ола, 2010. – 164 с. 86
Ракин А.Н. Рец.: Ихтионимы и лексика рыболовства в марийском языке. – Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Йошкар-Ола, 2012. – 234 с. 94
Вершинин В.И. Рец.: Metsmägi I., Sedrik M., Soosaar S-E. Eesti etümoloogiasõnaraamat. – Tallinn, 2012. – 792 s. 105

ХРОНИКА

Федосеева Н.А., Шаров В.Д. Итоги региональной научно-краеведческой конференции «Жизнь и творчество Олыка Ипая в контексте современности». 112
Дудина З.М. VI Финно-угорский конгресс «Язык и народ». 115
Сведения об авторах. 118

«Финно-угроведение», 2012, № 2

СТАТЬИ

Дмитрий Казанцев
Йошкар-Ола

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ В ОБЛАСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Универсалогия (от лат. *universalis* «всеобщий» + *lógos* «учение») – это вторая сторона типологии. Ее задачей является изучение общих признаков, присущих большим группам языков, распространенных на огромной территории, и каждому языку в отдельности. Такие признаки принято называть универсалиями. Сам термин *grammatica universalis* возник в XIII в., но получил широкое распространение после появления «Всеобщей и рациональной грамматики» (1660) А.Арно и К.Лансло. Таким образом, начало изучения универсалий относится к достаточно далеким временам. Но первые исследователи под универсалиями понимали не общераспространенные языковые явления. Универсалиями они считали явления одного какого-либо языка, который по тем или иным причинам среди других языков мира признавался языком-эталоном. В средние века таким эталоном считался латинский язык. Его законы механически переносились на другие языки без учета их специфики. Так создавались всеобщие, универсальные грамматики по образцу одного языка – латинского.

Интерес к языковым универсалиям усилился в середине XX в. Но это направление в общем языкознании не следует понимать как простое повторение принципов «Всеобщей и рациональной грамматики». Оно возникло на базе изучения данных различных языков и обобщения их в соответствии с достигнутым уровнем разработки методов и методологии в современной лингвистике.

О пробуждении интереса языковедов к проблемам лингвистических универсалий в 50-е годы прошлого века свидетельствуют несколько международных конференций, проведенных в разных странах (Осло в 1958 г., Нью-Йорк в 1961 г., Кембридж в 1962 г.). Особое значение имела конференция в Нью-Йорке, на которой был принят «Меморандум о языковых универсалиях» (1, с. 31–44). Он дал большой толчок к изучению языковых универсалий в различных странах, в том числе и в нашей. Существуют различные формулировки языковых универсалий. Но их сущ-

ность исследователи в принципе понимают одинаково: языковые универсалии – это закономерности, общие для всех языков мира и для каждого языка в отдельности. Из этого определения следует, что языковые универсалии не являются абстрактными порождениями лингвистики, а представляют собой продукт ее обьекта – языка. При этом необходимо подчеркнуть, что общие признаки, распространенные в разных языках, являются существенными.

Методика обнаружения языковых универсалий в теоретическом плане не разработана, но полагают, что универсалии выводятся из сопоставления фактов многих языков. За основу сопоставления обычно берется один какой-нибудь конкретный язык, в котором отделяют необходимые признаки от остальных, и на их основе переходят к другим языковым системам в поисках всеобщих признаков. Такой метод должен привести исследователей к определению языковых универсалий.

В современной лингвистике единого принципа классификации универсалий до сих пор нет. В ее основе – разные признаки. В зависимости от этого выделяют следующие виды универсалий:

1) абсолютные и относительные;

2) простые и сложные;

3) синхронические и диахронические.

Выделение последних видов универсалий связано с различением двух состояний в языке – синхронии и диахронии. Между синхроническими и диахроническими универсалиями существует определенная связь. Это объясняется тем, что любое синхронное состояние языка является результатом каких-то диахронических процессов, равным образом результатом какого-то диахронического процесса может быть синхронное состояние. Несмотря на это, между двумя типами универсалий имеются существенные различия. Они проявляются, во-первых, в том, что диахронические универсалии труднее обнаружить по сравнению с синхроническими, поэтому они изучены недостаточно; во-вторых, в том, что диахронические универсалии носят, как правило, вероятностный характер.

Диахронические универсалии, как и синхронические, делятся на фонологические, морфологические, синтаксические, лексические и семантические.

Из перечисленных универсалий обратим внимание на морфологические. Они могут быть чрезвычайно разнообразными. К морфологическим изменениям, имеющим характер универсалий, можно отнести агглютинацию.

В современных языках аффиксы, как известно, отличаются от самостоятельных слов. Но в плане диахронии между ними имеются не только различия, но и точки соприкосновения. Нередко аффиксы, подразделяемые на словообразовательные и словоизменительные, восходят к самостоятельным словам, хотя наука не всегда может проследить историю их развития. Переход знаменательных слов в служебные элементы – процесс длительный. Он происходит в несколько этапов.

На первом этапе употребляются свободные словосочетания, состав которых постоянный. Они состоят из свободных полнозначных слов и являются аналитическими.

На в т о р о м этапе утрачивается аналитизм словосочетаний. Один из членов утрачивает свой самостоятельный характер. Это приводит к образованию сложного слова, в котором один из его членов, встречающийся в целой группе других слов, постепенно превращается в служебный элемент.

На т р е т ь е м этапе один из членов сложного слова приобретает обобщенное, абстрактное значение и теряет связь с первоначально тождественным словом. Это условие может считаться одним из основных для грамматикализации лексических единиц. История языков знает много подобных примеров.

Этапы агглютинации в целом одинаковы как для словоизменительных, так и словообразовательных аффиксов. Предметом рассмотрения в настоящей статье является процесс агглютинации, происходящий в словообразовательных аффиксах, которые делятся на префиксы и суффиксы. Поэтому процесс их образования целесообразно показать отдельно.

1. И с т о р и я п р е ф и к с о в. Префиксы восходят к самостоятельным словам главным образом во флективных языках. Так, в немецком языке префикс *er-* (ср. *erkennen* 'узнавать' от *kennen* 'знать') своим источником имеет предлог *ur* 'из', а префикс *ent-* (ср. *entgehen* 'избегать' от *gehen* 'идти, ходить') генетически связан с латинским *ante* 'до' (2, с.17). В немецком языке имеется самостоятельное слово *voll* 'полный, полно', которое может употребляться и как префикс (ср. *vollbringen* 'совершить, завершить' от *bringen* 'приносить'). В английском языке употребляется группа префиксов, выполняющих усилительную функцию. Им соответствуют полнозначные слова; ср. *outbid* 'перебивать цену; превзойти' *(out* 'вне, снаружи'), *over-active* 'сверхактивный' (*over* 'сверх, чрезмерный'), *topfull* 'полный до краев, доверху' (*top* 'верхушка, вершина')(3, с. 41). Примеры слияния самостоятельных слов с префиксами встречаются также в русском языке. Из существительного *под* 'низ, дно русской печи' возник предлог *под* (4, с. 204), превратившийся в конечном итоге в префикс (ср. *подзаголовок* от *заголовок)*.

Префиксы имеются в угорских языках. Они характерны для глаголов. Некоторые исследователи считают, что глагольные приставки в угорских языках возникли под влиянием славянских языков. Существует и другая точка зрения, согласно которой в угорских языках приставки развились после распада их общности вполне самостоятельно, независимо друг от друга (5, с. 173). Что же касается венгерского языка (он в данном случае является предметом нашего рассмотрения), многие глагольные приставки в нем произошли от самостоятельных слов – от существительных, наречий (отдельные из них одновременно могут быть послелогами), большая часть которых восходит к именам в косвенных падежах (5, с. 176–193). С точки зрения происхождения глагольные приставки венгерского языка делят на две группы:

1. Глагольные приставки, образованные от знаменательных слов:

1) приставка *elő-* восходит к существительному *elő, el* 'передняя часть' и обозначает направление движения вперед: *előlépni* 'сделать шаг вперед' от *lépni* 'шагнуть';

2) приставка *ki-* происходит от наречия *ki* 'наружу' и обозначает движение изнутри наружу: *kiásni* 'вырыть' от *ásni* 'рыть';

3) приставка *le-* восходит к наречию *le* 'вниз'. Она обозначает движение сверху вниз: *lemenni* 'сойти, спускаться' от *menni* 'идти';

4) приставки *szét-, széjjel-*. Они могут заменять друг друга. Обе приставки происходят от одного и того же слова *szél* 'край' и обозначают направление действия в разные стороны: *szétkergetni* 'разогнать' от *kergetni* 'гонять';

5) приставка *vissza-* происходит от наречия *vissza/viszont* 'наоборот' и обозначает направление действия в обратную сторону : *visszaadni* 'вернуть' от *adni* 'дать';

6) приставка *túl-* восходит к указательному местоимению *tu*, не сохранившемуся в венгерском языке (ср. фин. *tuo* 'то, тот, та'), и окончанию пространственного падежа *-l*. Она обозначает действие, превосходящее что-либо: *túlhaladni* 'перегнать' от *haladni* 'идти';

7) приставки *oda-, ide-*. Приставка *oda-* происходит от местоименного наречия *oda* 'туда', восходящего к указательному местоимению *az* 'то, тот, та', и древнего суффикса латива *-á*. Приставка *ide-* восходит к местоимению *ez* 'это, этот, эта' и древнему суффиксу латива *-é*. Местоименное наречие означает 'сюда'. Приставка *oda-* имеет более широкое распространение, чем приставка *ide-*, и означает направленность действия к месту, отдаленному от говорящего ('туда'): *odanézni* 'смотреть, взглянуть' (туда) от *nézni* 'смотреть'. Приставка *ide-* означает направленность действия в сторону говорящего: *idenézni* 'смотреть, взглянуть' (сюда).

2. Приставки, образованные от наречий-послелогов:

1) приставка *meg-* восходит к наречию-послелогу *mögé* 'за' и выражает совершенность действия: *megírni* 'написать' от *írni* 'писать';

2) приставка *be-* образована от наречия-послелога *belé*, восходящего к существительному *bél* 'кишка, внутренность', и древнего лативного суффикса *-é*. Приставка выражает направление действия внутрь: *bejönni* 'войти, зайти' от *jönni* 'идти'. В этом значении, являющемся основным, приставка *be-* противопоставляется приставке *ki-*; ср. *bemenni* 'войти' и *kimenni* 'выйти';

3) приставка *el-* происходит от наречия-послелога *elé* 'вперед', образованного от существительного *elő: el* + древний лативный суффикс *-é*. Приставка обозначает удаление: *elmenni* 'уходить' от *menni* 'идти';

4) приставка *fel- (föl-)* восходит к наречию-послелогу *felé (fölé)*, образованному от существительного *fel (föl)* 'верх', и древнему лативному суффиксу *-é*. Она означает направление движения вверх: *felállni* 'встать' от *állni* 'стоять'. В этом значении приставка *fel- (föl-)* является антонимом по отношению к приставке *-le*; ср. *felmenni* 'взойти; подняться' и *lemenni* 'сойти, спускаться';

5) приставка *át-* происходит от наречия-послелога *át* 'через, наискось' и обозначает движение через что-либо: *átkelni* 'переправляться' от *kelni* 'отправляться'.

В венгерском языке некоторые префиксы могут образовать превосходную степень. Одним из таких является префикс *leg-*. Объединяясь с формой сравнительной степени, эта приставка образует превосходную степень прилагательных:

legtágabb ‘самый просторный’ от *tágabb* ‘просторный’. О происхождении этой приставки известны разные толкования. Й.Синнеи, например, считал, что она имеет общее происхождение с марийским *ləŋ* ‘очень, совсем’ (6, с.154)* .

В некоторых северных и южных говорах венгерского языка превосходная степень прилагательных образуется при помощи приставки *naj-*, пришедшей из славянских языков (ср. рус. *наилучший*). Она по аналогии с венгерским префиксом *leg-* присоединяется к форме сравнительной степени: ср. *legszebb* ‘самый красивый’ и (северные говоры) *najszëbb* ‘самый красивый’ от *szebb* ‘красивее’ (6, с. 154–155).

К приставкам относят и частицу *med* ‘наи-, самый’ (от *медся* ‘самый’) в коми языке, которая образует превосходную степень, присоединяясь (в отличие от венгерского языка) к форме положительной степени: *medbur* ‘самый хороший’ от *bur* ‘хороший’. По одной из версий, префикс *med* первоначально обозначал ‘всё; все’ и может быть сопоставлен с венгерским *mend, mind* ‘всё; все’ (6, с. 153).

2. И с т о р и я с л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы х с у ф ф и к с о в. В языках мира многие из них произошли от самостоятельных слов. Известно, что во всех романских языках (за исключением румынского) наречный суффикс *-mente* или *-ment* восходит к латинскому существительному *mens* (*mentis*) ‘ум, разум’. Об этом свидетельствуют испанское *elegantemente* ‘изящно’, итальянское *fortemente* ‘сильно’, французское *elairement* ‘ясно’ (4. с. 203–204; 9, с. 38). Особенно много словообразовательных суффиксов, возникших из полнозначных слов, имеется в немецком языке (8, с. 411). Обратим внимание на некоторые из них. Слово *weiblich*, например, восходит к сложному слову, буквальное значение которого «облик женщины». Впоследствии из конкретного значения простого слова «облик, внешний вид» развилось более абстрактное значение «свойство, качество». Благодаря абстрактному значению второй член сложного слова с течением времени превратился в суффикс (8, с. 411). Сходные преобразования имели место и в других словах. Можно привести такой пример. Суффикс *-heit* в древненемецком языке был самостоятельным словом со значением «способ, вид, образ». Поэтому сложное слово *Schönheit* первоначально обозначало «красивый вид или красивый образ». В современном языке оно употребляется как производное слово, имеющее значение «красота» (8, с. 411; 4, с. 203). С немецким *-heit* исторически связан суффикс *-hood* в английском языке (ср. *childhood* ‘детство’), образующий имя существительное (9, с. 38). Кроме того, в английском языке имеются суффикс *-ly* (*manly* ‘мужественный’), представляющий собой ослабленную форму самостоятельного слова

---

* С точки зрения межъязыковых соответствий сопоставление Й.Синнеи можно считать вполне удачным; ср., например: венг. *tegnap* ‘вчера’ = *teg* + *nap* ‘солнце; день’ и мар. *тенгече* ‘вчера’ = *тен* + *кече* ‘солнце; день’. В современном марийском языке *лыг* имеет, кроме ‘очень, совсем’, и другие значения: ‘много, в большом количестве, полно, обильно; полностью, в полной мере’ (7, с. 488). Они близки к грамматическому значению венгерского префикса *leg-*.

like 'похожий', и суффикс *-dom (kingdom* 'королевство'), который восходит к самостоятельному слову *doom* 'судьба, положение' (10, с. 453). В английском языке суффикс *-ful*, образующий прилагательные *(useful* 'полезный'), восходит к самостоятельному слову *full* 'полный', а суффикс *-less*, который также образует прилагательные (*useless* 'бесполезный'), происходит от полнозначного слова *less* 'меньший'. Образования последнего типа встречаются в немецком, шведском и датском языках. В датском языке суффикс *-fri* образует прилагательные со значением 'свободный от, лишенный чего-либо'. Он соотносится с прилагательным *fri* 'свободный' (3, с. 30, 41).

Историческая связь словообразовательных суффиксов с самостоятельными словами, наблюдаемая в индоевропейских языках, отмечается и в языках, относящихся к другим семьям. Так, в колымском диалекте юкагирского языка имеется слово *пон* в значении 'вещь', которое превратилось в словообразовательный суффикс *-бон*: *эрчэбон* 'зло' (11, с. 33–35). В ненецком языке существует словообразовательный суффикс *-н'а*, который восходит к существительному *н'а* 'товарищ' (12, с. 128).

Особо следует сказать о суффиксе *-чы/-чи*, весьма распространенном в тюркских языках. Он образует имя деятеля или действующего лица: азерб. *дилчи* 'языковед' от *дил* 'язык', кирг. *балыкчы* 'рыбак' от *балык* 'рыба'. Этот суффикс известен также в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках: монг. *bičigči* 'писец', тунг., маньч. *moriči* 'всадник'. В чувашском языке алтайский суффикс *-чи/-чы* превратился в *-çĕ/-çă*; ср. тюрк. языки: *балыкчи, балыкчы* – чув. *пулăçă* 'рыбак' от *пулă* 'рыба'; тюрк. языки: *тимерчи* 'кузнец' от *тимер* 'железо' – чув. *тимĕрçĕ* 'кузнец' от *тимĕр* 'железо'. В марийском языке имеются оба суффикса. Они проникли вместе с тюркскими заимствованиями и подчинились действующей в нем гармонии гласных, образуя грамматические синонимы. Суффикс *-зы, -зе (-зо, -зö)* заимствован из чувашского языка и является более ранним по отношению к суффиксу *-че (-чо, -чö)*, вошедшему из татарского языка: *кӱтӱзö, кътözы* (чув. *кетӳçĕ*) – *кӱтӱчö* (тат. *көтүче*) 'пастух'.

В марийском языке более продуктивным является суффикс *-зы, -зе (-зо, -зö)*. Он может образовать производные формы от исконных слов: *колызо* 'рыбак' от *кол* 'рыба', *коклазе* 'посредник' от *кокла* 'середина», *кӱчызö* 'нищий' от *кӱчаш* 'просить милостыню, собирать подаяние', *мурызо* 'певец' от *мураш* 'петь', *пашазе* 'рабочий' (но *пашаче* 'работящий, трудолюбивый') от *паша* 'работа, дело' (13, с. 18–20; 14 с. 76–78).

Относительно происхождения суффикса *-чи/-чы* существует несколько предположений. Наиболее известным является мнение Г.И. Рамстедта, источником рассматриваемого суффикса он считает китайско-корейское слово *čja* 'мужчина; лицо, человек, персона' (15, с. 209).

Многочисленные случаи превращения самостоятельных слов в словообразовательные суффиксы имеются в финно-угорских языках.

В мордовских языках можно назвать три словообразовательных суффикса, которые производны от самостоятельных слов (16, с. 66–67, 70–71):

1) суффикс *-чи (-ши)*, восходящий к самостоятельным словам *чи* (эрз.), *ши* (мокш.) ‘день’. Он употребляется для образования абстрактных имен существительных от прилагательных: эрз. *парочи* ‘доброта’ от *паро* ‘добрый’, мокш. *оржаши* ‘острота’ от *оржа* ‘острый’;

2) суффикс *-пель (-пяль)*, происходящий от самостоятельных слов *пель* ‘половина; часть’ (эрз.), *пяле* ‘половина; сторона’ (мокш.). Он присоединяется к отглагольным существительным на *-ма (-мо)* и образует новые существительные, обозначающие предмет действия: эрз. *ушмопель* ‘топливо’ от *ушмо* ‘топка’, мокш. *ушмопяль* от *ушмо* ‘топка; отопление’;

3) суффикс *-пуло (-пула)*. Он восходит к самостоятельным словам *пуло* (эрз.) и *пула* (мокш.) ‘роща’: эрз. *пичепуло*, мокш. *пичепула* ‘сосняк’.

Б.А. Серебренников последние два форманта относил к полусуффиксам, хотя они по своему образовательному типу ничем не отличаются от первого.

В коми-зырянском языке называют четыре словообразовательных суффикса, которые произошли от самостоятельных слов (17, с.147, 149, 150, 152):

1) суффикс *-лун*, который образует абстрактное существительное от имени прилагательного: *бурлун* ‘доброта’ от *бур* ‘добрый, хороший’;

2) суффикс *-пас* восходит к слову *пас* ‘знак, метка; клеймо; бирка’: *лыдпас* ‘цифра, данные’ от *лыд* ‘число’;

3) суффикс *-ин (-ни)*, используемый для образования существительных от причастий на *-ан* и прилагательных со значением места: *оланин* ‘жилище’ от *олан* ‘жилой’. Сам суффикс *-ин* восходит к самостоятельному слову *ин* ‘место’;

4) суффикс *-шой*, образующий имя существительное с уничижительным значением: *керкашой* ‘избенка’. Он восходит к самостоятельному слову *шой* ‘груп, падаль’.

В коми-пермяцком языке в роли словообразовательного суффикса употребляется слово *жуг*, имеющее пренебрежительный оттенок: *пожжуг* ‘собачонка’ от *пож* ‘собака’, *черижуг* ‘рыбешка’ от *чери* ‘рыба’. Б.А. Серебренников сравнивает его с коми-зырянским *жуг-жуг* ‘остатки, отбросы’ (17, с.149). Все же грамматическое значение данного суффикса ближе стоит к лексическому значению коми-язьвинского *жуг* ‘крошка’.

В удмуртском языке известны два словообразовательных суффикса, производные от самостоятельных слов (18, с. 26–28; 15, с. 147):

1) суффикс *-ти*, имеющий общее происхождение с коми-зырянским *ти*. Он восходит к самостоятельному слову *шты* ‘место’: *аранти* ‘место жатвы’ от *араны* ‘жать’;

2) суффикс *-шор*, который произошел от самостоятельного слова *шор* ‘середина’: *улошшор* ‘нить жизни, жизненная колея’ от *улон* ‘жизнь’.

В марийском языке к числу словообразовательных суффиксов, восходящих к самостоятельным словам, относят элемент *-ньӧ*, который выделяется в существительном *чӱчӱньӧ* ‘тетя; жена младшего брата матери’ (19, с.24). Указанный элемент: 1) как самостоятельное слово в настоящее время не употребляется, но со-

ответствия ему имеются в родственных языках (ср. эрз. *ни* 'жена', манс. *нэ* 'женщина'); 2) не обладает таким характерным для суффиксов признаком, как повторяемость. В других словах, кроме названного, он не встречается; 3) присоединение *-ньӧ* к *чӱчӱ* 'дядя; младший брат матери' меняет лишь лексическое значение, а не грамматическое значение базового существительного. Поэтому можно считать, что в современном марийском языке слово *чӱчӱньӧ* не является производным. Оно функционирует как сложное слово.

С компонентом *-ньӧ* в марийском сложном слове этимологически связано венгерское слово *nő* 'женщина; жена'. В отличие от марийского соответствия оно полифункционально. Это проявляется в следующем: 1) употребляется как самостоятельная лексическая единица; 2) может быть компонентом сложного слова: *tanító* 'учитель', *tanítónő* 'учительница'; 3) функционирует как словообразовательный суффикс *-né*, который по своей семантике совпадает с марийским соответствием. Суффикс *-né* присоединяется к фамилии мужа для обозначения его жены: *Barta* 'Барта' (фамилия), *Bartané* 'жена Барты'. Он может присоединяться также к названию лиц (мужского пола) по профессии, званию: *tábornok* 'генерал', *tábornokné* 'генеральша' (жена генерала). Между компонентом *-nő* и суффиксом *-né*, несмотря на общность происхождения, имеется существенная разница. Она выражается в том, что суффикс *-né* обозначает жену мужчины, имеющего какую-либо профессию или звание, а компонент сложного слова *-nő* – женщину, имеющую какую-либо профессию или звание; ср. *mérnökné* 'жена инженера' и *mérnöknő* 'женщина-инженер'. Тем не менее в устной речи эти единицы венгерского языка нередко смешиваются (5, с. 24–25).

В венгерском языке имеются и другие словообразовательные суффиксы, возникшие в результате агглютинации. Большинство из них многозначно (5, с. 75–79, 90–91). Но в статье обратим внимание лишь на основное значение суффиксов в производных словах:

1) суффикс *-beli* происходит от существительного *bél* 'кишка; внутренность' и словообразующего суффикса прилагательного *-i*. Суффикс *-beli* означает 'живущий, находящийся на каком-либо месте; имеющий отношение к какому-либо месту': *iskolabeli barátom* 'мой школьный товарищ';

2) суффикс *-féle* по происхождению связан с существительным *fél* 'бок, сторона; половина', но в семантике этого суффикса произошел сдвиг. Его основным значением является 'какого рода; подобный кому-либо, чему-либо': *egy papféle ember* 'человек, похожий на священника' от *pap* 'священник';

3) суффикс *-hat/-het* восходит к глаголу *hatni* 'влиять'. Первоначально он употреблялся в значении 'достигать'. Этот суффикс образует глаголы с оттенками модального значения: *kérhet* 'он может просить' от *kér* 'он просит'; *írathat* 'он может велеть писать' от *írat* 'он велит писать'. Суффикс *-hat/-het* присоединяется к основе инфинитива без *-ni*: *járni* 'идти' – *járhat* 'он может идти'. У неправильных глаголов на *-nni* этот суффикс присоединяется к гласному перед *-nni*: *lenni* 'быть' – *lehet*, *hinni* 'верить' – *hihet*;

4) суффикс *-kora* происходит от существительного *kor* ‘время; возраст’ и лично-притяжательного суффикса *-a*. Он образует прилагательные и местоименные слова, обозначающие ‘какой-либо величины’: *jókora* ‘большой, порядочный’ от *jó* ‘хороший’;

5) суффикс *-szerű* восходит к существительному *szer (szër)* ‘ряд; способ, средство’, к которому присоединяется суффикс *-ű*. Образования на *-szerű* первоначально были сложными словами. Но в настоящее время этот компонент рассматривается как словообразовательный суффикс, имеющий значение ‘подобный чему-либо; согласно чему-либо’: *törvényszerű* ‘законный’; согласно закону’ от *törvény* ‘закон’. В ряде случаев суффикс *-szerű* по своему значению совпадает с суффиксом *-ßéle*.

* * *

Агглютинация известна многим языкам: индоевропейским, финно-угорским, палеоазиатским, кавказским, африканским и индейским (5, с.12). Таким образом, она носит характер диахронических универсалий.

СОКРАЩЕНИЯ

азерб. – азербайджанский язык
венг. – венгерский язык
кирг. – киргизский язык
лат. – латинский язык
манс. – мансийский язык
маньч. – маньчжурский язык
мокш. – мокшанский язык
монг. – монгольский язык
рус. – русский язык
тат. – татарский язык
тунг. – тунгусский язык
тюрк. – тюркский язык
фин. – финский язык
чув. – чувашский язык
эрз. – эрзянский язык

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Дж.* Меморандум о языковых универсалиях // Новое в лингвистике. Вып.V. – М., 1970.

2. *Зиндер Л.Р., Строева Т.В.* Историческая морфология немецкого языка. – Л., 1968.

3. *Кубрякова Е.С.* Что такое словообразование. – М., 1965.

4. *Будагов Р.А.* Введение в науку о языке. – М., 1958.

5. *Майтинская К.Е.* Венгерский язык. Часть II. Грамматическое словообразование – М., 1959.

6. *Майтинская К.Е.* Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. – М., 1979.

7. Словарь марийского языка. – Т. III. – Йошкар-Ола, 1994.

8. *Пауль Г.* Принципы истории языка. – М., 1960.

9. *Одри Ж.* Индоевропейский язык // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXI. – М., 1988.

10. *Блумфилд Л.* Язык. – М., 1968.

11. *Крейнович Е.А.* Юкагирский язык. – М.-Л., 1958.

12. *Прокофьев Г.Н.* Самоучитель ненецкого языка. – Л., 1936.

13. *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. – Ш. – Чебоксары, 1986.

14. *Федотов М.Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. – Саранск, 1990.

15. *Рамстедт Г.И.* Введение в алтайское языкознание. Морфология. – М., 1957.

16. *Серебренников Б.А.* Историческая морфология пермских языков. – М., 1963.

17. *Серебренников Б.А.* Историческая морфология мордовских языков. – М., 1967.

18. *Кельмаков В.К.* К вопросу словообразования имен существительных в кукморском диалекте удмуртского языка // Советское финно-угроведение. 1971, №1.

19. *Галкин И.С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Часть II. – Йошкар-Ола, 1966.

Dmitriy Kazantsev

DIACHRONIC UNIVERSALS OF WORD FORMATION

Agglutination is usually defined as a way of molding and word formation in which unambiguous standard affixes are attached to base or root. The present article is devoted to the study of affixes (prefixes and suffixes), word building, which dates back to the historically separate words. In this case, agglutination serves as an example of grammaticalization of lexical items. Prefixes formed of independent words, there are (as shown in the article), mainly in inflectional languages. Unlike them derivational affixes descended from significant words, distributed, other than those referred to in article languages, other languages. Our examples show that agglutination, which plays an important role in the process of word formation in languages of different types, has the character of diachronic universals.

«Финно-угроведение», 2012, № 2

Наталья Чикина
Петрозаводск

ДЕТСКАЯ ФИННОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА КАРЕЛИИ 1960–1980-х ГОДОВ

Детская литература на финском языке стала развиваться с момента образования Карельской Трудовой Коммуны (1920). Большой вклад в ее становление внесли финны-эмигранты и финны-ингерманландцы Ленинградской области. Одним из важнейших источников, способствующих зарождению детской финноязычной литературы, был национально-творческий подъем. По мнению Э.Алто, «одной из важных для ингерманландцев причин, побудивших участвовать в литературном движении, стал приезд в Петроград финских революционных эмигрантов» (1, с. 17).

Скромные успехи, достигнутые в 1920–1930-е годы в детской литературе на финском языке (2), наметили пути дальнейшего развития, однако период благополучия был прерван изменившейся политической ситуацией в стране. Нарастало напряжение между Финляндией и СССР, которое вылилось в советско-финляндскую войну 1939–1940 годов. В связи с этим роль финского языка в республике была снижена, и в 1937 году приоритет получает, хоть и не надолго, карельский язык. Репрессии, прокатившиеся по стране, затронули и писателей финской национальности, проживающих в Карелии. Оскар Иогансон, Рагнар Руско и многие другие, в том числе и основатель Карельской ассоциации пролетарских писателей (ныне Союз писателей Карелии) Ялмари Виртанен, были сосланы в лагеря или расстреляны (3).

В 1940 году статус финского языка был вновь восстановлен в связи с образованием Карело-Финской ССР. Вскоре началась Великая Отечественная война и с 1941 по 1944 гг. территория Карелии была оккупирована финскими войсками. После ее окончания в 1945 году все силы направлены на восстановление разрушенного народного хозяйства. Оправиться после таких ударов детская финноязычная литература Карелии смогла только спустя двадцать лет.

Шестидесятые годы стали периодом «новой волны». В это время был выпущен целый ряд поэтических книг для дошкольников. Сюжет стихотворения Пентти Росси «Pikku metsästäjä» («Маленький охотник», 1966) прост: отец уходит на охоту, мальчик остается один дома. Ему скучно, и он начинает играть в охотника. Сделав себе лук и стрелы из можжевельника, которые заменят ему ружье, мастерит мишень-лису. Завершается произведение выводом о том, что в следующий раз мальчик подстрелит настоящую лисицу.

Перекликается с книгой П.Росси стихотворение Иосифа Хямяляйнена «Tuomo rakentaa» («Туомо строит», 1968), главным героем которого является мальчик Туомо, строящий весной на ручейке «электростанцию». Ему помогают в этом сестры – натягивают на ивовые веточки нитки. В стихотворении представлена детская сюжетно-ролевая игра. Она понятна и близка детям. Итогом игры является то, что везде «проведено» электричество, даже в будку к собаке. И.Хямяляйнен в занимательной форме посредством комментария к конкретной игре мальчика рассказывает о том, как проводят электричество.

Книги П.Росси и И.Хямяляйнена ярко иллюстрированы, сюжетны, их содержание легко и доступно детям. Даже композиционно эти произведения построены одинаково.

В жанре лирического и пейзажного стихотворений написано произведение Салли Лунд «Kevätvihreä tie» («Весна-красна», 1970). Герой путешествует по улицам, набережной, лесу, радуясь красоте оживающей природы. «В лирике С.Лунд эмоциональное отношение человека к природе Карелии представлено во всем его богатстве», – писала Э.Алто (4, с. 165).

Героями первой книги Тайсто Сумманена (1931–1988) «Oliko norsuja?» («Это были слоны?», 1982) стали дети. Хейкки из стихотворения «Miten Heikki parantui» («Как Хейкки исправился») никогда сам не одевался, ему помогали бабушка, мама, сестра Нина, дедушка и папа. Но однажды наступил момент, когда все были заняты, и мальчик справляется сам. Мораль стихотворения такова – излишняя опека взрослых часто вредит детям.

Произведение «Pikku Pekka piirustaa» («Маленький Пекка рисует»), так же, как и предыдущее, впервые было опубликовано на страницах журнала «Punalippu». Мальчик рисует четыре картины: на одной изображен дед – смелый красный комиссар, на второй – отец, дошедший с боями до Берлина, на третьей – брат, который служит в армии, а на последней сам Пекка – будущий летчик. Ребенку нужно сделать выбор – лучший рисунок отнести в детский сад.

Veli on sotilas... Vaari soti
Isä myös soti. Jätänkö kotiin
Oman kuvani? (5, с. 11)

Брат – солдат… Дед воевал,
Отец тоже воевал. Оставлю
дома свой портрет?

(Подстрочный перевод с финского Н.В. Чикиной)

Наконец выбор сделан – все рисунки Пекка отнесет в детский сад. На этом примере Т.Сумманен показывает военное прошлое одной семьи. Все мужчины – дед, отец, брат – находились на военной службе, поэтому мальчик тоже уже определился. Через стихотворение осуществляется патриотическое воспитание личности.

О том, как много надо знать и уметь, чтобы построить дом, Т.Сумманен рассказывает в стихотворении «Miten Paula rakensi talon naulasta» («Как Паула построила дом из гвоздя»). Для этого нужно:

Tiiliä ja rautaa,
Lasia ja lautaa
Maalia ja puuta
Seka hieman muuta... (5, с. 19)

Кирпичи и железо,
Стекло и доски,
Краску и дерево
И немного всего…

(Подстрочный перевод с финского Н.В. Чикиной)

В конце концов, Паула прибивает гвоздь, чтобы папе было куда повесить куртку и шапку. В. Блинков писал: «Юмор у этой книжки теплый, гайдаровский» (6). Т.Сумманен сначала хотел назвать книгу именно так «Как построить дом из гвоздика», но все же передумал.

В стихотворении «Terve tuloa, Uusi vuosi!» («Здравствуй, Новый год!») поэт объясняет детям, что праздник встречи Нового года, это не только подарки, но и новые путешествия, песни, друзья и еще много нового и хорошего. С каждым годом растет и ребенок, только для него это происходит незаметно:

Kasvavat tytöt	Растут девочки
Kasvavat pojat	Растут мальчики
Kasvavat talot	Растут дома
Ja kaupungit kasvaa... (5, с. 21)	И города растут…

(Подстрочный перевод с финского Н.В. Чикиной)

С такими же мотивами мы встречаемся в прозе Тертту Викстрем. В конце своей повести «Timppa, pikkumies» («Тимппа – добрый человек», 1983) автор подводит юного читателя к выводу, что ребенок растет каждый день, но происходит это незаметно для него самого. Зато это замечают взрослые: Тимппе стали малы рубашки и сандалии, у него выпал молочный зуб. «Я расту!» – вот главный итог, который придает уверенности ребенку в своих силах (7, с. 99).

«Runolipas» («Шкатулка стихов», 1986) – это веселое путешествие в мир поэзии. Сборник стихов является примером содружества авторов Карелии и Финляндии, где тоже развивается детская литература. Во вступительной статье составитель сборника М.-Л.Раунио писала: «Учись слушать красоту слова, его звучание – и из тебя вырастет поэт или музыкант». Таким обращением к детям, она призывала их к творчеству.

Среди авторов из Карелии Вейкко Эрвасти, Лююли Гренлунд, Леа Хело и другие. Книга состоит из двух циклов: «Ympäri vuoden» («Круглый год») и «Satua ja totta» («Сказка и явь»), в каждом из которых представлено творчество поэтов обеих стран. Наибольший интерес представляет колыбельная песня Пекки Пелля.

Литературная колыбельная отличается от фольклорной целями и задачами. Литературную колыбельную можно озвучить в любое время независимо от ситуации. Перед исполнителем не стоит задача усыпить слушателя. Создавая колыбельную, автор не думает, что ее будут использовать только по назначению. Вследствие этого, она не имеет прагматических функций, а, следовательно, и ритуально-магического значения (8, с. 281).

В колыбельной П.Пелля сохранен ритм качания колыбели, специальные припевы:

Tulla-lulla-lulla-laa,	Тулла-лулла-лулла-лаа,
Nukkuu metsä, nukkuu maa...	Спит лес, спит земля…

(Подстрочный перевод с финского Н.В. Чикиной)

В.Головин, анализируя мотивы колыбельных, пишет: «Одним из наиболее популярных мотивов литературной колыбельной следует признать мотив «все спят и

ты спи», как раз не столь распространенный в фольклорной колыбельной» (8, с. 295). С этим мотивом мы сталкиваемся и в приведенном выше отрывке. Причина такого использования мотива П.Пелля может быть связана с опытом, взятым из русской литературной колыбельной.

Следует заметить, что литературные версии колыбельных песен встречались и у других финноязычных писателей Карелии. Они существенно обогатили репертуар колыбельных песен.

В 1934 году Ялмари Виртанен написал «Tsheljuskinilais-äidin kehtolaulu» («Колыбельную челюскинки»). Мать поет ее дочке Розе и через песню сообщает девочке, где находится ее отец.

Merta käy taattosi tie
Voronin keskellä jään
Rohkeita kauaksi vie...
Voittaa myrskyinen sää
Taatollas voimia lie.
Merta käy taattosi tie

С думою: «Только вперед!» –
В море ушел твой отец.
Смелый Воронин ведет
Много отважных сердец.
В море отец твой идет
С думою: «Только вперед!»...

(Перевод А.Титова)

Такой мотив характерен для народной поэзии. Виртанен пишет колыбельную на современный сюжет – поход челюскинцев, однако сохраняет несколько трансформированный мотив охраны, защиты.

В 1950-е годы Николай Лайне написал колыбельную «Kehtolaulu» в народном стиле. Поэт включил в нее эпитеты (sydankäpysein, toivontähti), ласковые обращения (pikkarainen, pienoinen), параллелизм. Карел Лайне с детства впитал народную карельскую поэзию и воплотил ее в колыбельной на финском языке.

Так же как и у Виртанена, мать в колыбельной Лайне сообщает ребенку об отсутствии отца. Усыпляя малыша, мать говорит о предстоящем возвращении кормильца с подарком:

Uni sua tuudittaa
Suljettuaan kaikki ukset
Kohta taattos palajaa,
Sulle lahjaksi tuo sukset...

Сон тебя убаюкивает,
Закрыв все дороги.
Скоро вернется твой отец,
Тебе он подарит лыжи...

(Перевод В. Евсеева)

Можно согласиться с В.Я. Евсеевым, что «в разных исторических условиях колыбельные характеризуются определенным идейно-эстетическим содержанием, выраженным в соответствующей художественной форме» (9, с. 61). Однако по приведенным выше примерам можно сделать вывод, что Я.Виртанен и Н.Лайне сохранили большую связь с фольклором и перенесли его мотивы в литературу.

Функция колыбельной поэзии утрачена, а вместе с ней и сократилось исполнение таких песен в быту. Практическое применение больше находят другие жанры поэзии. Например, финский народный стишок «Ken söi kesävoin?» («Кто съел масло?») имеет сходство с одноименным карельским вариантом. Такие общие куму-

лятивные песни вопросно-ответного типа имеют широкое распространение у всех прибалтийско-финских народов.

По мнению Э.Алто, «развитие в финноязычной прозе малых эпических форм (рассказ и короткая повесть) было непосредственно связано с вхождением в литературу нового писательского поколения» (4, с. 201). Среди писателей нового поколения литературовед называла М.Мазаева, Т.Викстрем, П.Мутанена и П.Пелля.

С суровой северной природой знакомил детей Василий Мякеля в книге рассказов «Hirvensarvet» («Оленьи рога», 1970). Действия книги происходят в северной Карелии. Образный язык В.Мякеля описывает не только окружающую красоту, но и знакомит детей с лесными жителями. Из всех животных автор особо выделяет оленя. В.Мякеля сравнивает его с охранником. Олень умеет охранять лучше, чем собака, только не лает. Повадки животных Севера писатель изображает через восприятие мальчика.

В своих рассказах В.Мякеля продолжает развивать тему «человек и природа». Он поднимает проблему становления личности, воспитания в ребенке бережного отношения к природе. Автор отмечает, что с уничтожением и загрязнением природы разрушаются нравственные барьеры в самих людях. Писатель видит человека частицей самой природы и указывает на то, что, уничтожая природу, человек уничтожает среду своего обитания, а тем самым и самого себя.

Рассказы рисуют эпизоды из жизни леса интересно и занимательно. В них содержится разнообразный познавательный материал. Писатель предлагает любоваться красотой северной природы, изучать повадки зверей и птиц, воспитывать любовь к родной природе.

Книга рассказов Матти Мазаева «Kirjokopsa» («Корзинка полная чудес», 1986) знакомила детей с природными явлениями. «Это рассказы о летних цветах, цветах, запахах и других чудесах природы», – пишет М.Мазаев в продолжение названия. Автор учит не только любить природу, но и понимать ее. Он считает, что это важнее. В предисловии к книге П.Пертту написал: «В рассказах глубокие размышления на тему и вокруг явлений, в которых говорится об особенных чувствах северного человека, так же, как и о картинах природы» (10, с. 3).

Все рассказы распределены на три части. Для Мазаева природа живая и все растения живые существа. У цветов можно разглядеть лицо, глаза, щеки, лоб. Растения могут улыбаться и смеяться. Такое восприятие природы и отношение к ней является художественной особенностью творчества М.Мазаева. Е.Паншина писала: «Мазаев рассказывает о детских впечатлениях с точки зрения взрослого, и хотя читатель осознает это, это не мешает» (11, с. 137).

Сборник рассказов Пекки Мутанена «Kalle Karjalainen» («Калле Карьялайнен», 1989) включает произведения разной тематики: о животных, природе, дружбе. Все они направлены на воспитание доброжелательного и бережного отношения к природе и человеку.

Сюжет рассказа «Kutsumaton vieras» («Незваный гость») разворачивается на дне рождения дедушки. В дом влетает сокол. Затем все действия направлены на то, чтобы выгнать из дома незваного гостя, не причинив ему зла.

Рассказ «Kalle Karjalainen» («Калле Карьялайнен») построен на перипетиях медвежонка. Инспектор охраны дарит его деду Василию. О приключениях медвежонка в квартире, а затем в цирке забавно и весело рассказал П.Мутанен.

О дружбе девочки Ирмы с финскими школьниками написан рассказ «Kirje ystäville» («Письмо друзьям»). Летом Ирма отдыхала у родственников в Финляндии. В августе у школьников начался учебный год, и Ирма идет учиться в финскую школу. Там она не только знакомится с учебным процессом Финляндии, но и находит друзей. По возвращении в Россию она переписывается с ними. Главная мысль рассказа – дружба между детьми.

Действия приключенческого рассказа «Kaikuvaaran arvoitus» («Загадка Кайкуваара») разворачиваются в одном из заповедников Карелии. П.Мутанен рассказывает о деятельности инспекторов охраны. Остросюжетное повествование включает в себя все особенности жанра. Итогом борьбы инспекторов охраны с браконьерами становится поимка последних. В этом рассказе прозаик поднимает проблему охраны редких животных. Описывается жестокий отлов бобров. В основу сюжета положены реальные события.

Рассказы П.Мутанена написаны простым, доступным языком. Они содержательны и информативны. В них просматривается проблема взаимоотношений человека и природы.

Арви Пертту – сын известного прозаика Пекки Пертту и фольклориста Унелмы Конкка. В его рассказах чувствуется влияние родителей, особенно отца. П.Пертту был северным карелом и принадлежал к плеяде писателей, выходцев из Северной Карелии, писавших на финском языке. Поскольку он владел карельским языком, то его сборник рассказов «Vesiperän pakinoita» («Лукавинки», 1980) содержал забавные и поучительные истории из жизни карельского народа, написанные на карельском языке.

Первая книга А.Пертту «Nuotio Hirvenkivellä» («Костер у Лосиного камня», 1989) была предназначена для детей среднего школьного возраста. Она состояла из коротких рассказов. Главный герой – мальчик Рейно отправляется к дедушке в северно-карельскую деревню на летние каникулы. Там он открывает для себя мир природы. Сразу же следует отметить, что рассказы не перегружены описаниями природы.

Дед Хуоти живет один в родной деревне. Он разговаривает с мальчиком по-карельски. В книге это отражено в диалогах, они написаны на карельском языке. Использование такого приема придает повествованию красочность и достоверность. А.Пертту в этом случае продолжает традиции северных писателей-карелов, представителей финноязычной литературы, которые писали на финском языке, а диалоги – на карельском.

В своих рассказах автор поднимает проблему взаимоотношений взрослых и детей. Часто взрослые не понимают детских переживаний, не обращают на них внимания. В рассказе «Savihelmiä» («Глиняные бусы») встреча Рейно с Колей была настолько важна для первого, что при расставании Рейно плачет. Ведь Коля был

первым и единственным товарищем Рейно по играм за все летние каникулы, проведенные у деда. Рейно даже старался говорить с Колей по-карельски.

Переживания мальчика по отношению к девочке переданы в рассказе «Tyttö maitolaiturilla» («Девочка на молочной пристани»). Девочка не обращает внимания на Рейно, и он думает как бы привлечь ее внимание. Он понимает, что надо что-то совершить. Он мог бы ее спасти, если бы она тонула, но Рейно плохой пловец. Мальчику так и не удается ничего придумать. Но тут начинается дождь, и Рейно радуется: «я могу предложить ей свою куртку, и она улыбнется мне в благодарность». Однако мальчику не удается этого сделать, т.к. приходит мама девочки и приносит ей плащ. Фантазии, рожденные образом девочки, передают эмоции, переживаемые ребенком в период становления чувств.

Завершается книга одноименным рассказом. Лето заканчивается, и Рейно пора возвращаться в город. Автор передает чувства мальчика при приближающемся расставании. Ему жалко уезжать от дедушки. Е.Паншина отмечала, что «сейчас, когда много говорят о родном крае, родных корнях, Арви Пертту возвращается в карельскую деревню. Сменяются поколения людей и меняются жизненные обычаи. В настоящее время для многих городских мальчиков деревенская жизнь чужда…» (12, с. 132).

Упоминание топонимических названий свойственно практически любому художественному произведению. Это сразу же дает представление о месте действия. Иногда авторы включают предания о том или ином месте. А.Пертту, упоминая название Хирвенкивикко, тоже вспоминает о легенде. Дедушка объясняет Рейно, что слышал историю о названии этого места от своего отца, но забыл.

В создании портретов героев А.Пертту использует сравнения, которые близки и понятны детям. Описывая внешность мужчины, он пишет: «светлые усы торчали как у кошки из мультфильма». В подробном портрете девочки автор сравнивает ее глаза с маленькими лесными озерами.

Подытоживая все рассказы, автор говорит словами героя Сантери: «Лес – карельское убежище. И ты настоящий карел, раз разговариваешь с дедом по-карельски». Здесь подчеркивается мысль о том, что не только лес важен для карела, но и язык.

У советской детской литературы богатые традиции. Их основу заложили Л.Толстой, А.Чехов, позднее Б.Житков, Н.Носов и другие. Несмотря на то, что финский язык носит официальный статус литературного языка, он не выходит за пределы финской этнической среды. Собственно детские книги на финском языке у нас в Карелии встречаются редко. Чаще всего в творчестве «взрослых» писателей появляются отдельные произведения или книга для детей.

«Финноязычная детская литература в нашей республике шагает еще в детской обуви, но надеемся на ее взросление», – писала Т.Вахтера (13, с. 109). Детская литература для дошкольного и школьного возраста хотя и медленно, но постепенно развивалась. В период 1960–1980-х годов определился костяк писателей, которые писали для детей. Главным в литературе являлось доброжелательное отношение к

ребенку не только в семье, но и в окружающем мире. Финноязычные писатели создавали свои произведения, опираясь на оптимизм и нравственность. Появились повести, раскрывающие внутренний мир ребенка. Была разработана система жанров, ведущее место в которых заняла повесть для детей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Алто Э.Л.* Ингерманландские писатели в СССР // Проблемы литературы Карелии и Финляндии: сб. ст. – Петрозаводск, 1991.

2. *Чикина Н.В.* На финском для детей в 30-е годы XX века. http://knk.karelia.ru/2011/01/na-finskom-dlya-detej.html

3. Национальные писатели Карелии: финская эмиграция и политические репрессии 1930-х годов: биобиблиогр. указ. – Петрозаводск, 2005.

4. *Алто Э.Л.* Финноязычная литература Карелии // История литературы Карелии: в 3-х т. Т. 2. – СПб., 1997.

5. *Summanen T.* Oliko norsuja. – Petroskoi, 1982.

6. *Блинков В.* Чистые родники детства // Комсомолец. 1983. 15 янв.

7. *Чикина Н.В.* Викстремы и детская литература // Российские финны: вчера, сегодня, завтра: материалы межрегион. науч. конф., посвящ. 20-летию Ингерманланд. союза финнов Карелии. – Петрозаводск, 2010.

8. *Головин В.* Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. – Åbo, 2000.

9. *Евсеев В.Я.* Колыбельные песни карел и других прибалтийско-финских народов // Вопросы литературы и народного творчества. Вып. 35. – Петрозаводск, 1962.

10. *Pertti P.* Alkusanat // Masajev M. Kirjokopsa. – Petroskoi, 1986.

11. *Pansina H.* «Ääniä tulvillaan oleva hiljaisuus...» // Punalippu. 1987, № 3.

12. *Pansina H.* Jarven ylla lenteli tiiroja... // Punalippu. 1989, № 10.

13. *Vaahtera T.* Mikä on APR? // Punalippu. 1984, № 6.

Natalia Chikina

CHILDREN'S LITERATURE IN FINNISH IN REPUBLIC OF KARELIA IN 1960–1980 YEARS

The Children's literature in Finnish became to develop since formation of Karelian Labor Commune (1920). The Big contribution to its formation has contributed the Finnish emigrations and Finns of Ingermanland of Leningrad area. One of the most important sources, promoting generation of children literature in Finnish, there was national-creative ascent. At period of 1960–1980 years variety of writers, who wrote for children was defined. The main in literature was to show the well-disposed attitude not only to child in family, but also in surrounding world. Writers create their own product, resting in optimism and morality. The system of genres, leading place in which has occupied the tale for children is designed. There are tales, that reveal internal world of child.

«Финно-угроведение», 2012, № 2

Любовь Водясова
Саранск

ТЕКСТ И ЕГО ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ
(на материале современного эрзянского языка)

Изучение текста, его семантики, процессов порождения и восприятия, его свойств, связанных с функционированием в конкретном акте коммуникации, приобрело важное теоретическое и практическое значение в лингвистике конца XX – начала XXI вв.

Исходя из сложной, многоаспектной природы текста, его описание нуждается в системном, вместе с тем инвариантном определении. Поэтому, на наш взгляд, совершенно справедливым является мнение о том, что «при определении понятия «текст» следует исходить из признаков, присущих всем текстам» (1, с. 21), так как «несмотря на своеобразие и индивидуальность любого хорошо составленного текста, в его организации есть нечто структурно общее, отражающее некоторые закономерности» (2, с. 50). Об этом говорит и Н.С. Валгина: «Текст реализует структурированно представленную деятельность, а структура деятельности предполагает субъект и объект, сам процесс, цель, средства и результат. Эти компоненты структуры деятельности отражаются в разных показателях текста – содержательно-структурных, функциональных, коммуникативных» (3).

Ученые предлагают перечень специфических параметров этой коммуникативной единицы, возведенных в некоторых работах в ранг категорий. Их называют «грамматическими категориями текста» (4; 5), «содержательными категориями линейной грамматики» (6), «текстовыми категориями» (7). В многочисленных типах текстов различных жанров и функциональных стилей эти категории играют неодинаковую роль, создавая определенную иерархию описания. Они устанавливаются на логико-семантической основе, и их наличие является основной универсальной характеристикой любого текста.

У различных исследователей число текстовых категорий варьируется, но каждый как бы в обязательном порядке выделяет следующие: а) информативность текста; б) связность текста; в) модальность текста (1, с. 21–22, 45–83; 5, с. 22–24; 8, с. 34–41; 9, с. 30–40; 10, с. 10–18; 11, с. 18–19; 12, с. 17; 13, с. 19–25; 14, с. 78–96; 15, с. 3–14).

И это объяснимо.

Прежде всего, всякий текст содержит какую-либо информацию – о фактах, событиях и явлениях действительности, о нормах и правилах деятельности челове-

ка в социальной, бытовой, культурной сферах, об отношении автора к явлениям, событиям и фактам жизни, о чувствах и переживаниях людей и т.п. Поэтому информативность является ведущей текстовой категорией. Как основной конституирующий признак этой единицы она «трактуется в двух смыслах: более широко – как все содержание сообщения и более узко – как новое знание, имеющееся в тексте» (16, с. 48).

«Мерой и условиями информативности сообщения, – отмечает М.Сенкевич, – являются его новизна, актуальность; опора на усвоенное ранее; адекватность восприятия текста на уровне слова, предложения, сложного синтаксического целого (сверхфразового единства), всего контекста; соответствие потребностям и интересам аудитории (адресата) ...» (17, с. 7).

Анализ текстов на эрзянском языке позволил прийти к выводу о том, что информация может быть двух видов: 1) содержательно-фактуальная; 2) содержательно-концептуальная.

Содержательно-фактуальная информация воспринимается при первом же предъявлении, так как она «содержит сообщение о фактах, событиях, процессах, происходящих, происходивших, которые будут происходить в окружающем нас мире, действительном или воображаемом» (5, с. 27). Этот вид информации выражается эксплицитно, единицы языка в ней обычно «употребляются в их прямых, предметно-логических, словарных значениях, закрепленных за этими единицами социально-обусловленным опытом» (5, с. 28).

Подобный вид информации чаще всего содержится в текстах типа словарной статьи, инструкций, объявлений, небольших информационных сообщений: ... *финнэнь-угрань кельтне совавтовить агглютинативной кельтнень юткс. Те яви эйсэст флективной кельтнеде, кодамокс лововить славянской эли романской «семиянь» кельтне. Латинэнь кельсэ «агглютинаре» валонть смустезэ – «педявтомс»* (18, с. 104) «... финно-угорские языки входят в состав агглютинативных языков. Это отличает их от флективных языков, каковыми считаются языки славянской или романской «семей». В латинском языке слово «агглютинаре» означает «присоединить»»; *1989 иестэ саезь, кармасть ютавтнеме финнэнь-угрань писателень конференциятнень.Васенцесь ульнесь Марий Эл Республикасо – Йошкар-Олаго. Мейле – Финляндиясо, Эспо ошсо (1991), Венгриясо, Эгерсэ (1993)* ... (19, с. 65) «Начиная с 1989 года, стали проводиться конференции финно-угорских писателей. Первая была в Республике Марий Эл – в Йошкар-Оле. Последующие – в Финляндии, городе Эспо (1991), в Венгрии, Эгере (1993) ...»; *«"Норов" аграрно-производственной фирма» панжадо акционерной обществась неень шкава минек республикасо велень хозяйствань сех поки предприятиятнестэ вейкесь. "Норовсо" кастыть сюро, трить скотина, теить ламо лияяк. Стявтыть кудот ломантнень туртов, теить кить, пидить-панить ярсамопельть ды истя седе тов* (20, с. 106) «Открытое акционерное общество «Аграрно-производственная фирма "Норов" среди сельскохозяйственных предприятий нашей республики в настоящее время одно из самых крупных. В "Норове" выращивают

зерно, откармливают скотину, делают и многое другое. Поднимают дома для людей, строят дороги, готовят еду и так далее»; *1967–1970-це иетнестэ Н. П. Огарев лемсэ МГУ-нь студенттнэнь марто мон ютынь Рославлянь Якстере знамянь 326-це стрелковой дивизиянть тюрема таркатнева. Те дивизиясь теезель Сараношсо 1941-це иестэ* (21, с. 98) «В 1967–1970-х годах вместе со студентами МГУ имени Н.П. Огарева я прошел по местам сражений 326-й Рославлевской Краснознаменной дивизии. Эта дивизия была создана в 1941 году в Саранске».

Однако многие тексты (прежде всего художественные и большинство публицистических) квалифицируются как некачественные, низкопробные, если в них реализуется лишь содержательно-фактуальная информация.

Содержательно-концептуальная информация находится не на поверхности текста, она «извлекается из всего произведения и представляет собой творческое переосмысление … отношений, фактов, событий, процессов» (5, с. 28). Это информация более высокого порядка. Для своей реализации она нуждается в стилистически маркированных единицах языка и особых изобразительно-художественных приемах: *Модантъ вельксс новольсь телень цят-якшамо ве. Покштояк покш раужо селмосонзо сон копачизе весе перть пельксэнть. Нусманясто, стакасто увны Казней велентъ икельга сравтозь виресь. Велентъ эйстэ ве ено ашти чувтонь ташто кудо. Кардазсонтъ, кенкшентъ малаео, олго лангсо кирьмицявсь покш кувака киска. А уды. Чоподасонтъ кавто толиэкс палыть сельменэ. Пряванзо ютыть эрямодонзо арсемат* (22, с. 30) «Над землей раскинулась холодно-трескучая зимняя ночь. Своим огромным крылом она окутала все окружающее. Печально, тяжело гудит лес, раскинувшийся перед селом Казнеем. В стороне от села стоит старый деревянный дом. В хлеву, недалеко от двери, на соломе, скукожилась большая длинная собака. Не спит. В темноте, словно два огонька, горят ее глаза. В голове мелькают мысли о прожитом». Как видим, автор, описывая факты действительности, широко использует такие приемы, как перенос названия по сходству – метафору (*новольсь ве* «раскинулась ночь», *копачизе перть пельксэнть* «окутала все окружающее», *ашти кудо* «стоит дом» и т.д.), эпитеты (*ве* «ночь» – *телень цят-якшамо* «зимняя холодно-трескучая», *селмосонзо* «крылом» – *покштояк покш, раужо* «огромным (букв.: больше большого), черным», *увны* «гудит» – *нусманясто, стакасто* «печально, тяжело» и т.д.), сравнение (*палыть кавто толиэкс* «горят, словно два огонька») и т.д. Иными словами, информация, предложенная читателю, предстает в виде содержательно-концептуальной. Перед пишущим стояла задача не только сообщить определенную информацию, но и сделать это таким образом, чтобы заставить того, кто воспринимает ее, сопереживать и сочувствовать вместе с автором. С этой целью автор прибегает к стилистическим приемам образного и эмоционального изложения.

Различие между содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информациями можно представить как информацию бытийного характера и информацию эстетико-художественного характера, причем под бытийными следует понимать действительность не только реальную, но и ирреальную (воображаемую).

Кроме содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной, некоторыми исследователями выделяется третий тип информации – «содержательно-подтекстовая», которая «представляет собой скрытую информацию, извлекаемую из содержательно-фактуальной информации благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения, а также благодаря способности предложений внутри сверхфразовых единств приращивать смыслы» (5, с. 28). Однако анализ текстов эрзянских авторов позволяет нам сделать вывод, что в данном случае следует говорить не об особом виде информации, а об одном из приемов реализации содержательно-концептуальной информации. Мы считаем, что информативность как один из главнейших параметров текста представлена только двумя видами – содержательно-фактуальным и содержательно-концептуальным.

Следующим важным параметром текста является связность.

Чтобы содержание произведения было адекватным его замыслу, чтобы оно было коммуникативно значимым, необходимо излагать информацию точно, полно, последовательно, в соответствующей композиционной форме, соблюдать правила построения текстов различных жанров, знать способы оформления зачинов и концовок, перехода от одной части к другой, приемы реализации ретроспекции и проспекции при изложении фактов действительности, средства объединения предложений в целое, т. е. уметь сделать высказывание связным.

В современной научной литературе, «как ни разнообразна картина лингвистических штудий, посвященных проблеме текста, по одному вопросу наблюдается в ней абсолютное единство: не возникает сомнений в том, что текст не мыслим вне связности» (23, с. 50), ибо «назначение сообщения состоит в том, чтобы через установление связей между явлениями ... передать коммуникантам свое знание предмета с той мотивацией, которая нацелена на побуждение собеседника к определенным действиям» (24, с. 65). При этом исследователи различают локальную связность и глобальную связность. Локальная связность – это связность линейных последовательностей (высказываний, межфразовых единств). Глобальная – это то, что обеспечивает единство текста как смыслового целого, его внутреннюю цельность (3).

Однако в определении природы категории связности мнения ученых расходятся. Одни из них считают, что «законченные предложения целого текста большей частью связаны между собой различными отношениями, какие наблюдаются между членами предложения» (25, с. 3). Другие утверждают, что «необходимым (хотя и недостаточным) условием связности текста является «повтор»» (26, с. 174). Мнение третьих сводится к тому, что «связи» в тексте «ближе к тем, какие существуют между предикативными частями сложного предложения» (27, с. 5).

На наш взгляд, текст как лингвистическая единица имеет гораздо более высокий коммуникативный статус, чем отдельное предложение, и его категории не укладываются в рамки не только простого, но и сложного, пусть даже многокомпонентного, предложения, ибо «в отрезках, больших, чем предложение, оказываются свои типологические закономерности, возводящие их в ранг единиц языка» (28, с. 68). «Грамматические показатели текста, – совершенно справедливо утверж-

дает Г.В. Колшанский, – базируются не на более или менее однозначных синтаксических формах, как это зафиксировано, например, в структуре предложения, ... они представляют собой совокупность одновременно свойств лексики и грамматики» (24, с. 93–94). Следовательно, типы смысловых связей между компонентами текста значительно сложнее и разнообразнее, чем они представлены в других синтаксических единицах (словосочетаниях, предложениях). Мы разделяем мнение Е.А. Реферовской, которая считает, что связность «может быть отнесена как к внутренней, смысловой, стороне текста, так и к его языковому оформлению, которое предполагает как использование определенных лексико-грамматических средств, формально осуществляющих эту связанность, так и все особенности употребления языковых единиц, обусловливаемые их участием в построении текста» (29, с. 7).

Поскольку основной функцией текста является передача и хранение информации (содержательно-фактуальной или содержательно-концептуальной), связность подразумевается, прежде всего, смысловая. Она проявляется в единстве темы и осуществляется с помощью таких средств, как склонение, лицо, время, наклонение, типы предложений по целеустановке высказывания, синтаксический параллелизм, порядок слов, неполнота (эллипсис) предложений и т.д. Повторяемость ключевых слов, тождество референции, ситуативные связи – все это также обеспечивает единство темы. Характер и тип связности не одинаковы в текстах разной коммуникативной заданности (например, текстах-информациях, сводах правил, научных текстах, художественных и публицистических текстах и т. д.). Сложнее и богаче они представлены в текстах художественных произведений, в которых функция сообщения синтезируется с функцией эстетического воздействия на читателя, что требует от писателя внимательного и вдумчивого отношения к отбору языковых средств, чтобы преобразовать их в образно-эмоциональные и выразить свою прагматическую установку.

Разная степень связности текста находит свое выражение в различных типах объединения высказываний между собой.

Чаще всего исследователями выделяется два таких типа:

1) эксплицитная связь. Она получает выражение при помощи различных языковых средств (лексических, морфологических, синтаксических). Эксплицитно выраженная связь характерна прежде всего для текстов, отличающихся стремлением к точности, лаконичности (научные, некоторые виды публицистических и т.п.);

2) имплицитная связь. Она не получает выражения при помощи отдельных языковых средств. В широком смысле это оперирование содержанием, находящимся в сознании автора и читателя. Осмысление имплицитного содержания возможно только с учетом предыдущего, а иногда – и последующего контекста.

Эксплицитная и имплицитная типы связи находят отражение в использовании цепной (последовательной) или параллельной связей. Наиболее продуктивной следует считать цепную (последовательную) связь. В эрзянском языке она реализуется двумя основными способами:

1) вербальным (употребляются специальные связочные средства: лексический повтор, синонимическая лексика, антонимическая лексика, перифрастические выражения, местоимения, прономинализированные послелоги, наречия и др.): *Кувать эзть сода эрзятне, мезе тееви Обран ошонть маласо. Тосо жо апак учо кепететсь од ош. Аволь се таркантень, косо ульнесь Обран ошось, седе ало енов. Се улосонть, косо Окась пры Равонтень, ашти сэрей пандо. Те пандонть пряс Олодимирэнь ине князесь теизе од ошонть ды лемдизе Нижней Новгород* (30, с. 346) «Долго не знали эрзяне, что происходит вблизи города Обрана (Абрама). Там же неожиданно поднялся новый город. Не на том месте, где был город Обран (Абрам), немного ниже. В устье, где Ока впадает в Волгу, стоит высокая гора. На вершине этой горы великий князь Владимирский построил новый город и назвал его Нижним Новгородом». В первом предложении (зачине) указана тема этого текста – события, происходящие вблизи города Обрана (Абрама). Второй компонент имеет конкретизирующий характер: *тосо ... кепететсь од ош* «там ... поднялся новый город». Наблюдается смысловое повторение путем указания на место, в котором происходят описываемые события (в качестве средства связи выступает местоименное наречие *тосо* «там», выполняющее заместительную функцию по отношению к словосочетанию *Обран ошонть маласо* «вблизи города Обрана (Абрама)». В третьем предложении высказанная мысль уточняется, но это не простое уточнение, а прежде всего подведение под определенную квалификацию: *аволь се таркантень* «не на том месте» (использование распространенного абстрактного имени существительного), затем выделение частного момента: *седе ало енов* «немного ниже». Четвертый компонент содержит дополнительную информацию о том, что в устье Оки стоит высокая гора. Формальных показателей связи этого предложения с предыдущими нет (параллельная связь). Последний, пятый, компонент можно считать центральным, так как в нем рассказ о событиях действительности приведен к логическому концу. С предыдущим предложением он связан посредством лексического повтора, распространенного указательным местоимением (*пандо* «гора» – *те пандонть пряс* «на вершине этой горы»);

2) категориальным (в роли связочных средств выступают грамматические формы частей речи – имени существительного или глагола): *Икеле мольсть кавто солдатт. Лангсост серой шинельть, конясост кокардат. Шапкаст серойть, сабляст вандолдсть чинть каршо* (31, с. 86) «Впереди шли два солдата. На них серые шинели, на лбах кокарды. Шапки у них серые, сабли сверкали на солнце». Тему текста определяет первое предложение. Второе предложение связано с первым, а третье – со вторым и зачином одновременно. Между предложениями перечислительные отношения. Текст носит в целом описательный характер. Роль связочных средств выполняют притяжательные суффиксы имен существительных. Они указывают на принадлежность предмета третьему лицу множественного числа и, по существу, заменяют лично-притяжательное местоимение *сынст* «их». Формы *лангсост – сынст лангсо* «на них», *конясост – сынст конясо* «на их лбах»,

шапкаст – сынст шапкаст «их шапки», *сабляст – сынст сабляст* «их сабли» являются синонимичными.

Следует, однако, отметить, что отдельные предложения образуют текст не только потому, что между ними существуют какие-либо (вербальные или категориальные) средства связи. Главным, как было сказано выше, является их семантическое единство. Так, при параллельном типе связи нет формальных показателей сцепления предложений, тем не менее они образуют текст, так как объединены по смыслу: *Чинь струятне новольсть масторонтень. Менелесь хоть маней, хрусталькс вандолды, ялатеке чамазо авардезь ашти.*

Кальтнень ало леесь, мерят, сэтьместэ уды, прок сэнь сулика сравтовсь келеде келес.

Тошна – авардемат сы (31, с. 85) «Солнечные струи опустились на землю. Небо хоть и ясно, сверкает словно хрусталь, но лицо его остается плачущим.

Река под ивами будто тихо спит, словно синее стекло раскинулось вширь.

Тошно – плакать хочется».

Связность проявляет себя в частных содержательных категориях, таких, как: выделение элемента семантического повторения, выражение идентичности понятия, локализованность во времени, градация важности, подведение факта под определенную квалификацию, комментарий, оценка факта.

Одним из специфических способов реализации связности в тексте служит его языковая цельность, которая предполагает внутреннюю законченность, смысловое единство текста.

Предлагаемая читателю информация раскрывается в соответствии с замыслом автора, который определяется ситуацией общения, характером коммуникативной задачи. Этим замыслом обусловлены и отбор фактов, явлений при передаче сообщения, и последовательность их изложения, и приемы оценки, комментирования, обобщения высказанного и т. п.

Формирование цельности текста осуществляется за счет единообразия использованных в нем языковых средств разных уровней и категорий. К основным вариантам относятся следующие случаи:

1. ***Синтаксическое единство.*** В единицах синтаксиса в наибольшей степени проявляется процесс отражения внеязыкового содержания. И это объяснимо, так как именно «синтаксис непосредственно соотносится с процессом мышления и с процессом коммуникации: единицы других уровней участвуют в формировании мысли и коммуникативном ее выражении только через синтаксис» (32). Смысл возникает в результате связи конкретных значений, содержащихся, по крайней мере, в двух предложениях, следующих одно за другим в процессе изложения мысли. Они образуют «наименьшую коммуникативную единицу, законченную со стороны содержания и интонации и характеризуемую грамматической и смысловой структурой» (33, с. 30). Так, в тексте: *Иваж – покш цера. Телень перть венстявсь кенкшенть сэрьсэ, куроксто карми совсеме кудыкелев, прянь комавтозь. Кезэрень тингева истятиэнь урьвакстнесть. Сашьть экшезэст тевень тещя, шумбра, паро*

тейтерь. Ды нейгак оно Поза Микита урьвакстызе вежензь церанзо кемилее шесэ (34, с. 125) «Иваж (Иван) – большой парень. За зиму вытянулся ростом с дверь, скоро будет заходить в сени, нагнув голову. В прежние годы (букв.: в древние века) таких женили. Брали за них работящих, здоровых, хороших девушек. Да и теперь вон Поза Микита (букв.: Никита Квас) женил младшего сына в четырнадцать лет» – цельность достигается за счет использования простых по структуре предложений. Мысль, облаченная в синтаксически простую, немногословную форму таких конструкций, приобретает сжатость и весомость. В следующем тексте: *Варштак монь сельмес, евтак, мезе неят: / Вечкемань тол или эйдень пелема? / Сень, мезес тон зярдояк а кемат? / Паряк, куловтозь васенце вечкема?* (35, с. 19) «Загляни в мои глаза, скажи, что видишь: / Огонь любви или детский испуг? / То, во что ты никогда не веришь? / Может, умерщвленную первую любовь?» – цельность обеспечивается за счет использования повторяющихся риторических вопросов, которые служат для повышения накала произведения. Благодаря особой экспрессивности, переходящей в восклицания, они выражают различные сильные эмоции – возмущение, негодование, горечь и т. п.

У многих авторов имеются свои синтаксические привязанности. Это не значит, что они не используются другими. Однако эти конструкции, как кажется тому или иному автору, близки ему по внутреннему складу, психологическому настрою, творческим замыслам. Так, например, номинативные предложения употребляются многими писателями, но в произведениях Петра Кириллова их насчитывается десятки. Встречаются целые единицы текста, полностью состоящие из однотипных номинативных предложений, например: *Сексень ков валдов чокшне. Велень улыця. Севонень кардот. Чочкот кардотнень ежова. Келей нусманя кальть кардотнень велькссэ* (36, с. 19) «Осенний лунный вечер. Деревенская улица. Глиняные дворы. Бревна близ дворов. Широкие печальные ивы над дворами». Другой автор – Тимофей Раптанов – отдает предпочтение коротким, неполным по структуре, предложениям с опущенным подлежащим: *Татю лиссь кардазов. Панжизе ортанть. Орта чиреванть варштась ушонтень»* (37, с. 117) «Татю вышла во двор. Открыла ворота. Через край ворот посмотрела на улицу».

2. ***Категориально-грамматическое единство.*** Г.А. Золотова указывает: «Смысловое назначение предложения ... предполагает выбор слов соответствующей категориальной семантики, что, в свою очередь, обусловливает и их взаимные роли, и способы их грамматического оформления» (38, с. 170). Части речи выступают как структурно-синтаксические компоненты предложения, играющие ту или иную роль в передаче его смыслового значения: *Максим* ***ертовсь*** *ведентень. Кедьсэнзэ эрязасто ахолезь ды пильгесэнзэ чавозь,* ***капшазевсь*** *ванцяптень. Ды* ***кенерсь*** ... (35, с. 69) «Максим бросился в воду. Быстро взмахивая руками и ударяя ногами, заторопился к утопающему. И успел ...». Этот текст состоит из простых по структуре предложений. Все сказуемые в них являются простыми глагольными. Они выражены формами прошедшего времени. Ряд глаголов с таким значением всегда передает последовательно совершающиеся действия. Действия

относятся к одному субъекту, поэтому входят в отношения однородности между собой. Это делает текст синонимичным простому предложению, осложненному однородными сказуемыми.

3. ***Лексико-семантическое единство.*** Лексико-семантическое единство предполагает использование слов, относящихся к одному семантическому полю. Например, в тексте: *Васня Пичай* ***понгсь*** *кувака кудыкелев. Ве енов* ***каявсь****, омбоцев – алов валгома кустемась а муеви. Валаня кияксонть ланга чиемстэ, пильгензэ* ***нолаштсть****, ды сон* ***прась****. Окойники, эрявиксэсь* ***редявсь****. Кува – кундамотнень ланга кирякстозь, кува – чиезь, вадовокс* ***каявсь*** *алов. Халатонь кондямо оршамопелень петне мельганзо* ***лыйнесть*** *сетмокс. Колмошка этажт истя* ***ливтясь*** (19, с. 6) «Вначале Пичай попал в длинный коридор. В одну сторону бросился, в другую – лестница, ведущая вниз, никак не находится. Пробегая по гладкому полу, поскользнулся и упал. Наконец, нужное появилось. Где – катясь по перилам, где – бегом, ястребом кинулся вниз. Концы похожей на халат одежды развевались за ним словно крылья. Этажа три так летел» – все глаголы (кроме глагола *редявсь* «появилось, стало заметным») относятся к одному семантическому полю – к глаголам движения. С их помощью в тексте происходит противопоставление фона и фигуры в пространстве: фигура, отделяясь от фона, описывает некую траекторию, совокупность мысленно соединяемых точек. В следующем тексте автором используются глаголы созидания: *Никита чокшнень перть* ***пурнась*** *ки лангов. Горобияс* ***вачкась*** *оршамот, конатнень* ***снартнесь саеме*** *мартонзо. Параша* ***путнесь*** *кошельс ярсамопельть – азоронтеньгак, важотнененьгак* (39, с. 100) «Никита весь вечер собирался в дорогу. В сундук укладывал одежду, которую собирался взять с собой. Параша складывала в кошель еду – и хозяину, и слугам».

4. ***Лексико-грамматическое единство.*** Анализ лексических и грамматических категорий показывает, что разные разряды слов по-разному реализуются в процессе оформления содержания, так как даже в пределах каждой из основных частей речи можно выделить подклассы слов, не одинаково выражающих ее общее категориальное значение. Кроме того, многие значения единиц языка вообще могут быть раскрыты только благодаря их связи с другими единицами (контекстуально). Так, Г.И. Батков определил, что глагол *сермадомс* в составе словосочетания или предложения может иметь такие значения: *писать, вышивать, изложить, выступить в печати, написать, записать* (40, с. 60–61). Наши наблюдения показали, что в тексте у него появляются новые значения – "*вступить*": *Пурнавсь велес пакшань отряд. Ней Маря тозоньгак эзь неле пряпзо сермадстомо* (41, с. 85) «Организовался в деревне детский отряд. Теперь Маря (Мария) и туда не побоялась вступить (букв.: записаться); *Комсомолокс арсян сермадстомо* (37, с. 21) «В комсомол думаю вступить (букв.: записаться)»; "*поставить на довольствие*": *– Продуктат эзть максне теть? – Мон евтынь. – Ванька! Сермадт ялгатень киш* (41, с. 59) «– Продукты тебе не выдавали? – Я сказал. – Ванька! Поставь товарища на довольствие (букв.: напиши товарищу хлеба)».

Третий важнейший параметр текста – модальность.

Как известно, модальность – это отношение автора к описываемой им действительности, к фактам реальной жизни. Она имеет место не только на уровне текста, но и в других ярусах языковой системы (лексико-семантическом, фразеологическом, синтаксическом и др.).

Как текстовая категория модальность рассматривается с двух сторон. В содержательном плане – как возможная оценка человеком того, что он сообщает в тексте; в языковом плане – как вариативность в способах ее выражения средствами языка.

В тексте (как и в отдельном предложении) представлены две разновидности модального значения – объективная модальность и субъективная модальность.

Объктивная модальность – это информация о степени реальности существования именуемого и отображаемого в тексте «предмета» внеязыковой реальности с точки зрения автора. В тексте она не только сохраняет, но и усиливает свою активную конструирующую роль, так как является главным средством реализации предикативности. Как и в отдельном предложении, в тексте предикативность является семантико-грамматическим центром. Однако, если в предложении категория предикативности конструируется главными членами – подлежащим и сказуемым, то в тексте предикативное значение создается на основе тема-рематических отношений.

Тема-рематические отношения в разных текстах развертываются по-разному. Чаще всего они представлены двумя способами. Во-первых, по принципу цепочки: в каждом предыдущем предложении задается тема, в следующем за ним – помещается рема: *Сибиресь Россиянь прявтошов весемент усксесь, сюродо башка. Сюрот-эмежть тесэ а кастнить – модась кельме-калгодо, кода ломантнеяк. Тень таркас сон домка лейсэ сюпав ды отьма вирьсэ. Виртнева идем ракшат яксить, лейтнева якстере калт укшныть* (42, с. 330) «Сибирь в столицу России возила все, кроме зерна. Зерно и овощи здесь не выращивают – земля такая же холодная и жесткая, как и сами люди. Вместо этого она богата глубокими реками и глубинными лесами. В лесах дикие звери похаживают, в реках красная рыба плавает». Другую разновидность представляют тексты, в которых тема, заданная в одном предложении, раскрывается ремами нескольких последующих: *Давол чисэ чис яла седе парсте чарькодиль: азортнэнень сон вельть эряви. Андыть эйсэнзэ парсте, удсевтить коськe олго лангсо. Кирдиткак апак сюлма. Тонавтызь вадрясто пряпзо ветямо* (22, с. 16) «Давол (кличка собаки) изо дня в день все лучше понимал: хозяевам он очень нужен. Кормят его хорошо, спать укладывают на сухой соломе. Держат, не привязывая. Научили хорошо вести себя».

Субъективная, или субъективно-оценочная модальность текста принимает активное участие в создании и передаче содержательно-концептуальной информации. Она не имеет строгой регламентации ни в семантическом, ни в формальном аспектах. С точки зрения семантики, может обозначать восторг и возмущение, призыв и предостережение, грусть, радость, сожаление, досаду, удовлетворение, неудовлетворение и т. д. С точки зрения формальной, может быть выражена специальными сентенциями, композицией, подбором предложений специфической струк-

туры, набором слов определенной семантики, употреблением особых морфологических форм, использованием разнообразных художественно-изобразительных приемов: *Ай да Марковна! Валдо прев, эрьва валсонзо топавты тев! Ен ни тензэ попгсь, мезеяк а мерят. Весе седейсэнзэ кеняркшнось протопопось* (42, с. 328) «Ай да Марковна! Светлая голова, каждым словом исполняет дело! Хорошая жена ему попалась, ничего не скажешь. Всем сердцем радовался протопоп». Приведенный отрывок обладает ярко выраженной субъективной модальностью. Этому способствует и лексическое наполнение предложений, и их специфический синтаксис, и авторская пунктуация, отражающая особую радостно-восторженную интонацию, и ритм высказывания, близкий стихотворному.

Значение объективной модальности играет ведущую роль в реализации текстовой категории предикативности. Однако в теории текста, особенно в работах литературоведческого плана, существует мнение о том, что и в субъективно-модальном отношении абсолютно нейтральных произведений быть не может. М.М. Бахтин, в частности, отмечает, что «речь всегда отлита в форму высказывания, принадлежащего определенному речевому субъекту, и вне этой формы существовать не может» (43, с. 263). Об этом же говорит П.А. Лекант. Он утверждает, что модальность невозможно отделить от субъекта речи, говорящего, автора высказывания; «точка зрения говорящего присутствует и в объективной модальности» (44, с.7). С точки зрения Е.С. Ярыгиной, модальность также всегда субъективна, потому что «содержательно представляет собой комплекс субъективно-объективных отношений, сумму концептуальных (но не грамматических!) модальных значений, в которых отражается система понятий (логико-мыслительных концептов)» (45, с. 96). Несомненно, все эти утверждения абсолютно правильны. Однако следует уточнить: на наш взгляд, данная концепция имеет отношение не к субъективно-модальной категории, а к авторскому почерку произведения. Субъективно-модальное значение и индивидуальный стиль пишущего – явления нетождественные. Субъективно-модальная характеристика текста выражает отношение говорящего к своему высказыванию, индивидуальный же стиль автора отражает его избирательное отношение к языковым средствам. Поэтому произведения без индивидуально-авторского почерка быть не может, однако субъективно-модальная окрашенность в разных текстах имеет разную степень проявления – от нулевой (в текстах, в которых информативность носит содержательно-фактуальный характер) до максимально высшей стадии. Обоснование правомерности нашей позиции мы находим, например, у Т.А. Сергуниной: «Объективная модальность определяет способ отношения сложного сигнификата текста, являющегося своеобразной суммой пропозиций тесно связанных между собой в микротекстах высказываний, к референту текста – картине мира. Субъективная модальность проявляется в построении композиции художественного текста, в авторском отношении к описываемому, которое проявляется в реализации категорий оценки, образности, эмотивности, экспрессивности, в специфике подачи содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации текста» (46, с. 112).

Указанные категории текста – информативность, связность, модальность – являются специфическими и обнаруживают себя как в макротексте, так и в микротексте. Они направлены на отражение содержательной стороны высказываемого, на его семантическую организацию. Между тем в исследованиях лингвистов можно найти описание и других признаков текста. В частности, И.Р. Гальперин, кроме вышеназванных, выделяет и другие текстовые категории, придавая им статус грамматических. В его работах речь идет о таких параметрах, как завершенность, интеграция, сцепление, континуум, пресуппозиция, партитурность, ретроспекция, проспекция, прагматика (4, с. 524; 5, с. 440). Т.М. Николаева главным свойством текста считает линейность. Текст развертывается слева направо, высказывания выстраиваются в определенной последовательности. На этом основании, отмечает исследователь, говорят о «горизонтальном порождении текста», о «линейной грамматике» (47, с. 39). В работах этого ученого выделяются и более частные «единицы» текста, базирующиеся на формальных средствах сцепления предложений. К ним она относит предупоминание, чистую связность, единичность (уникальность), выделение, дейктичность, градацию важности, смысловое равновесие частей высказывания, неопределенность (47, с. 31). Н.Д. Зарубина, используя линейность как «универсальное свойство» любого текста, выделяет текстовую категорию последовательности. «Под категорией последовательности, – пишет автор, – понимается обобщенное значение линейности, выражаемое в ... языке местоимениями определенных категорий, сочинительными союзами и соотносительными словами, измененным порядком слов, неполнотой предложения» (7, с. 22). Она отмечает четыре частных значения, в которых проявляет себя категория последовательности и которые обнаруживаются при изъятии предложения из контекста: 1) значение координации, выражаемое сочинительными союзами, а также самостоятельными лексемами; 2) значение прономинальности, которое выражается местоимениями разных разрядов и их эквивалентами; 3) значение инкомплетивности, или неполноты предложения; 4) значение инверсионности, проявляющееся в измененном порядке слов (7).

На наш взгляд, все категории текста, все его специфические параметры тесно взаимосвязаны. Их общее назначение – «реализовать коммуникативное намерение автора или декодировать это намерение в процессе речевой деятельности» (13, с. 22). При этом категории информативности, проспекции, ретроспекции и цельности реализуются в первую очередь при передаче содержательной стороны высказывания. Категории связности и завершенности проявляются в процессе конструирования текста – при создании его композиционной формы, в ходе сцепления всех его частей и элементов. Через содержание конкретных предложений, осознание взаимоотношений между частями текста постигается его смысл. Н.И. Жинкин подчеркивает: «Речь – это транспортер мысли» (48, с. 74). Смыслом текста, – продолжает исследователь, – «будет то, что предметно тождественно в разных лексических оформлениях. Именно потому, что смысл – всегда предметный, его структура (модель) обладает цельностью и соответственно наглядностью. Лекси-

ческие значения, расположенные в тексте в строчку, образуют не просто «букет» в микротеме текста, но «картину», про содержание которой можно рассказать по-разному» (48, с. 74). Понять текст, осмыслить его – значит ответить на вопрос, зачем, почему, с какой целью он создан.

Таким образом, текст, будучи основной единицей языка и речи, обладает собственной внутренней структурой, собственными параметрами, что позволяет признать его моделируемой, воспроизводимой единицей, способной выразить законченное высказывание, передать коммуникативное намерение человека, участвующего в речевом общении.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Ушаков Г.А.* Научные основы методики развития связной речи учащихся при изучении морфологии удмуртского языка : Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1991.

2. *Пленкин Н.А.* Обучение школьников правилам построения текста // Русский язык в школе. 1977, № 4.

3. *Валгина Н.С.* Теория текста // URL : http: // evartist.narod.ru/text14/01.htm (дата обращения: 16.07.2011).

4. *Гальперин И.Р.* Грамматические категории текста: Опыт обобщения // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. Т. 36. 1977, № 6.

5. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М., 2007.

6. *Николаева Т.М.* О функциональных категориях линейной грамматики // Синтаксис текста. – М., 1979.

7. *Зарубина Н.Д.* Текст: лингвистический и методический аспекты. – М., 1981.

8. *Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка: Стилистика декодирования. 3-е изд. – М., 1990.

9. *Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка. – М., 2005.

10. *Водясова Л.П.* Сложное синтаксическое целое в современном эрзянском языке / Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2000.

11. *Глухова Н.Н.* Структура и стиль текстов марийских заговоров. – Йошкар-Ола, 1996.

12. *Ипполитова Н.А.* Работа с текстом при изучении синтаксиса (Тема «Сказуемое») // Русский язык в школе. 1991, № 3.

13. *Ипполитова Н.А.* Текст в системе обучения русскому языку в школе. – М., 1998.

14. *Москальская О.И.* Грамматика текста. – М., 1981.

15. *Реферовская Е.А.* Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. – 2-е изд., испр. / Под ред. А.В. Бондаренко. – М., 2007.

16. *Дмитревская И.В.* Текст как система: Понимание, сложность, информативность. – Иваново, 1985.

17. *Сенкевич М.П.* Культура радио- и телевизионной речи. – М., 1997.

18. Сятко: лит.-худож. и обществ.-полит. журн. 1997, № 5.

19. Сятко: лит.-худож. и обществ.-полит. журн. 1996, № 12.

20. Сятко: лит.-худож. и обществ.-полит. журн. 2009, № 1.

21. Сятко: лит.-худож. и обществ.-полит. журн. 2011, № 5.

22. Сятко: лит.-худож. и обществ.-полит. журн. 1996, № 8–9.

23. *Кожевникова К.* Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста. – М., 1979.

24. *Колшанский Г.В.* Коммуникативная функция и структура языка / Под ред. Т.В. Булыгиной. 2-е изд., стер. – М., 2007.

25. *Фигуровский Н.А.* Синтаксис целого текста и ученические письменные работы. – М., 1961.

26. *Беллерт И.* Об одном условии связности текста / Пер. с польского // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста. – Вып. 8. – М., 1978.

27. *Лосева Л.М.* Как строится текст. – М., 1980.

28. *Гальперин И.Р.* О понятии «текст» // Вопросы языкознания. 1974, № 4.

29. *Реферовская Е.А.* Лингвистические исследования структуры текста. – М., 1983.

30. *Абрамов К.Г.* Пургаз: роман-ёвтамо. – Саранск, 1988.

31. Сятко : лит.-худож. и обществ.-полит. журн. 1996, № 7.

32. *Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. 3-е изд. – М., 2009.

33. *Леонтьев А.А.* Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. – М., 1979.

34. *Абрамов К.Г.* Эрзянь цера: роман. Книга 1. – Саранск, 1971.

35. Сятко: лит.-худож. и обществ.-полит. журн. 2009, № 2.

36. *Кириллов П.С.* Кочказь произведеният. – Саранск, 1958.

37. *Раптанов Т.А.* Чихан пандо ало: роман, повесть. – Саранск, 1985.

38. *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982.

39. *Абрамов К.Г.* Олячинть кисэ: Степан Разинэнь шкадо ёвтнема. – Саранск, 1989.

40. *Батков Г.И.* Контекст как средство расширения значения слова // Материалы 2-ой Всерос. научн. конф. финно-угроведов «Финно-угристика на пороге III тысячелетия (филологические науки)», 2–5 февраля 2000 г. – Саранск, 2000.

41. *Чесноков Ф.М.* Од эрямонь увт: евтнемат ды пьесат. – Саранск, 1974.

42. *Доронин А.М.* Баягань сулейть: роман. – Саранск, 1996.

43. *Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. – М., 1986.

44. *Лекант П.А.* Об универсальном операторе модального значения неодобрения // Проблемы современного синтаксиса: теория и практика. – М., 2002.

45. *Ярыгина Е.С.* Конструкции вывода-обоснования в синтаксической системе современного русского языка. – М., 2002.

46. *Сергунина Т.А.* Роль модальности в определении семантики высказывания и текста // Русское языкознание. – Вып. 20. – Киев, 1990.

47. *Николаева Т.М.* Лингвистика текста: Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста. – Вып. 8. – М., 1978.

48. *Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. – М., 1982.

Lyubov Vodyasova

THE TEXT AND ITS BASIC PARAMETERS
(on the material of the Erzya language)

Text is the basic unit of speech and language. Specific parameters of text are its categories. Key among them is the informational content, cohesion and modality. Text, as the basic unit of speech and language, has its own internal structure, different dimensions, it allows recognizing it the simulated, reproducible unit, capable of expressing a complete statement and convey communicative intention of person who involved in speech communication.

«Финно-угроведение», 2012, № 2

Ранус Садиков
Уфа

ЭСТОНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК*

В конце XIX – начале XX в. территория Южного Урала (Уфимская губерния) стала ареалом расселения эстонских переселенцев. Первые эстонцы-переселенцы начали появляться в соседних с Эстляндской и Лифляндской губерниях территориях, в дальнейшем они начали осваивать Крым, Кавказ, Поволжье, Урал и Сибирь (1, с. 10). На территории Поволжья эстонцы начали расселяться в 1880-е гг., наибольшее их число обосновалось в Самарской губернии, где в 1897 г. было учтено 13 эстонских поселений (1, с. 13). На территории Уфимской губернии первые эстонские поселения возникли в самом конце XIX в. – в 1890-е гг. Основная часть эстонских поселений на Южном Урале была основана в первое десятилетие XX в.

Главной причиной переселения эстонцев во внутренние области Российской империи послужило обезземеливание крестьян в прибалтийских губерниях. В числе основных мигрантов были обезземеленные крестьяне из беднейших слоев населения (2, с. 423). Нехваткой земли и плохим ее качеством (каменистая, малоплодородная, серого цвета) объясняют переселение предков на Южный Урал и современные информаторы (3).

Таким образом, основным мотивом переселения эстонских крестьян на территорию Уфимской губернии было приобретение участка земли и обзаведение своим хозяйством. Эстонцы поселялись на землях, арендованных или купленных у башкир или других частных землевладельцев. Аренда или покупка земли осуществлялись отдельными лицами в частном порядке или же товариществами. Необходимая сумма денег, как правило, приобреталась в виде ссуды в Уфимском отделении Крестьянского поземельного банка.

В конце XIX – начале XX в. в Уфимской губернии сложились два крупных очага компактного расселения эстонских переселенцев: в Альшеевской волости Белебеевского и Аскинской – Бирского уездов. Отдельные хутора и деревни имелись также в Стерлитамакском, Златоустовском и Уфимском уездах.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-11-02019а/У) «Эстонцы Южного Урала: история и современные этнокультурные и этнодемографические процессы».

В Альшеевской волости Белебеевского уезда наиболее старыми эстонскими поселениями являлись поселки 1-й и 2-й Эстонский, Крымский. До 1890 г. в первом Эстонском поселке жил 31 эстонец (6 дворов). В последующие годы шло подселение новых переселенцев: в 1891 г. – подселились 13 человек (3 двора), в 1893 г. – 10 (1 двор), в 1894 г. – 8 (2 двора), в 1895 г. – 12 (2 двора), в 1897 г. – 47 (8 дворов). В 1898 г. здесь насчитывалось 22 двора со 121 жителем (4, с.32–33). Во втором Эстонском поселке до 1890 г. в 6 дворах проживал 21 человек; в 1893 г. подселились 4 человека (1 двор), в 1894 г. – 3 (1 двор), в 1895 г. – 25 (5 дворов), в 1896 г. – 103 (17 дворов), в 1897 г. – 14 (3 двора). В 1898 г. в поселке в 33 дворах проживало 175 человек (4, с. 32–33). Данные поселения были основаны на арендованной башкирской земле. Дальнейшая судьба этих поселений неизвестна. Трудности в анализе источников создает название этих поселков – Эстонский. Так первоначально были названы еще другие населенные пункты. Например, «Полный список населенных мест Уфимской губернии» за 1896 г. сообщает о существовании в Белебеевском уезде Эстонского поселка при оз. Таакуль и Эстонского хутора при р. Аксинчас. В 1896 г. в первом из них насчитывалось 23 двора со 128 жителями, во втором – 41 двор с 207 жителями (5, с. 360). По данным подворной переписи 1912–1913 гг. в поселке Эстонский (Таукуль) было зафиксировано 11 хозяйств с 96 жителями (6, с. 1476).

На купленной у частного владельца земле был основан поселок Крымский. Источники называют разные даты основания поселения. По сведениям В.А. Абрютина, п. Крымский основан в 1890 г., тогда там в 3 дворах проживало 16 человек. В 1892 г. подселилось 29 человек (5 дворов), в 1893 г. – 3 человека (1 двор), в 1897 г. – 5 человек (1 двор) (4, с. 65). По другим сведениям, п. Крымский был основан эстонцами в 1892 г.: «Переселенцы бывшие колонисты Самарской губернии; переселились в 1892 году, купили землю у г. Одинцова с переводом долга дворянскому Банку» (4, с. 90). Пастор Август Ниголь датой основания поселка называет 1893 г.: «Крымский хутор, самое старое эстонское поселение этой местности, 16 семей, большая часть переселенцы с Крыма (откуда и происходит название деревни) и из Самары. Основан в 1893 г.» (перевод с эстонского) (7, s. 34). Скорее всего, в 1892 и 1893 гг. в поселок подселялись новые переселенцы, отсюда и происходит путаница по поводу даты основания селения.

Похозяйственная книга п. Крымский Альшеевского района Башкирской АССР за 1946–1948 гг. показывает, что в данном населенном пункте имелось 24 хозяйства, из которых только 5 были эстонскими (8). В похозяйственной книге за 1958–1960 гг. в п. Крымский эстонцы уже не отмечены. В настоящее время, по данным Абдрашитовской сельской администрации Альшеевского района Республики Башкортостан, там проживает только одна эстонка (общее число населения на 1 января 2011 г. – 594 чел., русские, украинцы, татары).

По данным подворной переписи 1912–1913 гг. в Белебеевском уезде существовали следующие эстонские поселения: Альшеевская волость: хутор Войтр (3 двора), Крымский хутор (9 дворов), Линда (15 дворов), Эстонский-Сакала (49 дворов),

Эстонский (Таукуль) (11 дворов); Гайныямакская волость: Тигазино (7 дворов) (6, с. 1326–1539). О времени основания хутора Войтр источники не сообщают. В материалах сельскохозяйственной переписи 1917 г. такой населенный пункт уже не встречается.

По сведениям А. Ниголя, Линда была основана в 1902 г. По его словам, это поселение – «одно из зажиточных и красивейших селений» (перевод с эстонского). Здесь к 1918 г. имелись школа, сельскохозяйственное общество, молочный кооператив, певческий хор, духовой оркестр и библиотека (7, s. 34). Вероятно, в 1902 г. первопоселенцы взяли в аренду землю у башкир и поселились на ней (9). В 1906 г. жители поселка товариществом купили ранее арендованную землю посредством ссуды Уфимского отделения Крестьянского поземельного банка (10). По данным Н.Ф. Смирнова, «поселок «Линда» состоит из 16 дворов, расположенных в один порядок, против дворов поставлены амбары, составляющие другой порядок улицы; за амбарами отведены гумна» (11, с.16). Названо было поселение в честь имени жены эстонского эпического героя из эпоса «Калевипоэг», это часто встречающееся эстонское женское имя.

Похозяйственные книги по д. Линда Альшеевского района БАССР показывают, что в 50–60-е гг. XX столетия эстонцы в данном поселении составляли меньшинство. На протяжении 1955–1963 гг. учтены только две эстонские семьи (12), в 1964–1966 гг. – одна эстонская семья (13). Эти документы отмечают также постепенное уменьшение числа дворов в поселении: в 1952–1954 гг. имелось 23 двора, в 1955–1957 гг. – 15, в 1964–1966 гг. – 6. В похозяйственных книгах Абдрашитовского сельсовета за 1967–1969 гг. д. Линда не отмечена. Скорее всего, в эти годы она была ликвидирована. На это указывают и официальные издания по административно-территориальному делению БАССР. Так, в 1961 г. д. Линда отмечена в составе Абдрашитовского сельсовета Альшеевского района, проживало в ней 44 человека, преобладающая национальность – украинцы (14, с. 19). В издании 1969 г. д. Линда уже не показана (15). Нынешняя д. Линда Альшеевского района – это Линдовское отделение Раевского совхоза (16, с. 17).

Эстонский-Сакала (Сакала), по сведениям А. Ниголя, была основана также в 1902 г. (7, s. 34). В 1904 г. жители Сакалы товариществом взяли ссуду в Уфимском отделении Крестьянского поземельного банка и купили землю (17), вероятно ранее арендуемую. В банковском документе (Список членов Сакала-Эстонского товарищества Белебеевского уезда Альшеевской волости, 1904 г.) указаны места выхода жителей Сакалы. Они были переселенцами из Лифляндской (Феллинский уезд: Тукалинская волость; Веросский уезд: Витимская, Киомаская, Эрастверская, Мекстская, Гангофская волости; Юрьевский уезд: Вогиверская, Терельверская волости); Петроградской (Гдовский уезд: г. Луга, Ремезская, Узьминская, Полновская волости); Самарской (Самарский уезд: Петропавловская волость (д. Лифляндка); Бугурусланский уезд: Боклинская, Ялатомская (с. Староверовка) волости) губерний (17). К 1918 г. в поселении имелись школа и молитвенный дом (7, s. 34). Свое наименование населенный пункт получил по названию средневекового эстонского мааконда

(уезд, земля) на юге современной Эстонии (Sakala), с территории которой переселилась часть ее жителей (Феллинский уезд Лифляндской губернии).

В д. Соколы (Сакала) Кызыльского сельсовета Альшеевского района по данным похозяйственной книги на 1961–1963 гг. было 21 хозяйство, из которых 13 были эстонскими. Остальные – хозяйства русских, украинских, белорусских, мордовских, немецких семей (18). В похозяйственных книгах по Кызыльскому сельсовету за 1964–1969 гг. сведений по данному поселению не имеется. В эти годы деревня перестала существовать. Об этом свидетельствуют издания по административно-территориальному делению БАССР. В 1961 г. в д. Сакалы-Эстонские проживало 43 человека, преобладающая национальность – эстонцы (14, с. 22). В 1969 г. – д. Сакала уже не упоминается (15).

А.Ниголь отмечает существование поселка Эстонка (4 хозяйства) в 5 верстах к югу от Крымского хутора. Был основан в 1902 г. (7, s. 34). Других сведений об этом поселении не имеется.

Поселок Тигазино – родовые хутора фамилии Тигазиных (19) (от эст. «tihane» – «синица»). Вероятно, был основан в 1898 г. (20). Как и многие эстонские хутора, Тигазино было ликвидировано в 1930-е гг. в ходе коллективизации и образования колхозов, когда хуторское население было переселено в крупные населенные пункты.

«Список населенных пунктов Башреспублики», 1926 г. в Альшеевской волости Белебеевского кантона отмечает существование таких эстонских населенных пунктов, как Калев (4 двора в 1925 г.), Койт (9 дворов в 1925 г.), Крымский хутор (31 двор в 1920 г., 24 – в 1925 г.), Линда (21 двор в 1920 и 1925 гг.), Ново-Сакалы-Эстонский (10 – в 1920 г., 17 – в 1925 г.), Сакалы-Эстонский (38 – в 1920 г., 36 – в 1925 г.), Тигазино (8 – в 1920 г., 10 – в 1925 г.) (21, с. 10–12). Поселение Ново-Сакалы было основано в 1916 г. в результате выдела земли отдельными хуторскими хозяйствами 17 домохозяевам из состава Сакала-Эстонского товарищества (22). Скорее всего, данное поселение перестало существовать в 1930-е гг., в 1940 г. его уже не было. Хутора Калев (Kalev – имя эпического героя из эстонского эпоса «Калевипоэг») и Койт (от эст. «koit» – «заря») были основаны между 1920 и 1925 гг. в результате землеустроительных работ (21, с. 10–11).

В 1940 г. в Альшеевском районе БАССР были отмечены следующие эстонские поселения: с. Крымское (263 человека), с. Сакалы-Эстонские (177 человек), с. Линда (143 человека); в Давлекановском районе – поселок Койт (57 человек) и с. Сядэ (140 человек) (16, с. 14–20, 161). Сядэ (от эст. «sade» – «искра»), видимо, также было основано в результате землеустроительных работ после 1925 г. Из этих поселений к 1972 г. сохранились только п. Крымский с преобладающим татарским населением и д. Сядэ с эстонским населением (23, с. 22, 127). Поселок Койт перестал существовать во второй половине 1950-х гг.: в 1952 г. он отмечен в составе Раевского сельсовета Давлекановского района БАССР (24, с. 105); в 1961 г. – данное поселение уже не отмечено (14, с.138). Деревня Сядэ отмечена в составе Раевского сельсовета Давлекановского района в 1972 г. (преобладающая национальность – эстонцы) (23, с.172), в 1981 г. – она уже отсутствует (25). Она была

исключена из списков населенных пунктов в 1981 г. согласно Указу Президиума Верховного Совета Башкирской АССР от 12 февраля 1981 г. (26).

В Бирском уезде эстонцы обосновались в самом конце XIX в. в его северо-восточной части, в Аскинской волости: в 1895 г. здесь поселились 11 семей из Эстляндской и 1 семья из Лифляндской губерний и основали поселок Эстонский (Даго/Хийу/Зеленцовский/Новопетровка) (27, с. 81). Эстонцы прибыли в Бирский уезд по газетным объявлениям и арендовали землю у землевладельца И.Г. Жуковского (27, с. 81). Но уже в 1897 г. они переселились на земли П.А. Зеленцова, взяв их в аренду на 6 лет (28, с. 38), эстонцы получают ссуду в Крестьянском поземельном банке и выкупают арендованную землю (29). В начале XX в. в непосредственной близости от Даго возникают эстонские хутора Линдовка, Эстонский, Эстляндия (30, с. 42). Так, купчая крепость колонии Эстляндия в Уфимском отделении Крестьянского поземельного банка датируется 1906 г. (31). Основные жители этих хуторов были переселенцами с острова Даго (Хийумаа) (7, s. 34; 30, с. 43). В 1926 г. территории расселения эстонцев в Бирском кантоне были включены в состав Уральской области (32, с. 82–83). Ныне д. Новопетровка с незначительным эстонским населением входит в состав Октябрьского района Пермского края.

В Стерлитамакском уезде Калкашевской волости в 1897 г. было основано эстонско-латышское поселение Банковка (Panga) (7, s. 34; 33). Эстонцы и латыши образовали товарищество и, получив ссуду в Крестьянском поземельном банке, купили землю у местных башкир. Эстонцы переселились с острова Сааремаа (34) и Тартуского уезда (7, s. 34). В 1917 г. в Банковке было 26 эстонских (133 человека) и 13 латышских (65 человек) хозяйств (35, с. 65). В 1923 г. здесь жило 92 эстонца и 123 латыша (36). Д. Банковка Стерлибашевского района существует по сей день, проживает одна эстонка (по сведениям переписи 2002 г. – общее число жителей 26 человек) (37, с.289). Вероятно, название деревни происходит от топонима Панга (Panga) – мыс на острове Сааремаа. По народной этимологии – от слова «банк», т.к. жители купили землю посредством банковской ссуды (38).

В 1910 г. на территории Златоустовского уезда в непосредственной близости от башкирской д. Абдрезяк был основан эстонский хутор с тем же названием (7, s. 34) (ныне Кигинский район Республики Башкортостан). По материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г. на хуторе Абдрезяк 17 хозяйствами проживало 88 эстонцев (здесь же жили 3 русские семьи) (39, с. 12). По данным на 1923 г. в поселке Абдрезяк проживало 124 эстонца (36). В 1935 г. все эстонские семьи были раскулачены, в дальнейшем поселение перестало существовать (40).

В Уфимском уезде в 1917 г. насчитывалось 13 эстонских хозяйств (56 человек), которые были разбросаны по разным волостям (41, с. 189).

Таким образом, эстонцы начали переселяться на Южный Урал (Уфимскую губернию) в конце XIX в. Основной поток переселенцев пришелся на первое десятилетие XX в. Тогда было основано большинство эстонских поселений. Ныне эстонцы в Республике Башкортостан не образуют компактных групп и расселены дисперсно в разных городах и сельских населенных пунктах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Маамяги В.А.* Эстонцы в СССР. 1917–1940 гг. – М., 1990.

2. *Тынурист И.В.* Эстонцы // Народы России. Энциклопедия. – М., 1994.

3. Полевые материалы автора (далее ПМА), 2001. Стерлибашевский район Башкортостана, д. Банковка. Сарап Освальд Александрович, 1929 г.р.; ПМА, 2011. Альшеевский район Башкортостана, п. Мечниково. Белова (Тигазина) Валентина Фердинандовна, 1943 г.р.; д. Малое Абдрашитово. Воротник (Хиллер) Тереза Эдуардовна, 1929 г.р.

4. Переселенцы и переселенческое дело в Белебеевском уезде Уфимской губернии. Отчет по командировке члена Уфимского губернского присутствия В.А. Абрютина. – Уфа, 1898.

5. Полный список населенных мест Уфимской губернии. Т. IV. Белебеевский уезд. – Уфа, 1896.

6. Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Часть II. Таблицы. – Уфа, 1914.

7. *Nigol A.* Eesti asundused ja asupaigad Venemaal. – Tartu, 1918.

8. Архивный отдел администрации муниципального района Альшеевский район Республики Башкортостан. Ф. 4. Оп. 2. Д. 31.

9. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (далее ЦИА РБ). Ф. р-107. Оп. 3. Д. 42. Л. 57.

10. ЦИА РБ. Ф. и-336. Оп. 1. Д. 553. Л.1.

11. *Смирнов Н.Ф.* Хозяйство немецких и эстонских хуторов в Белебеевском и Бирском уездах Уфимской губернии. – Уфа, 1908.

12. Архивный отдел администрации муниципального района Альшеевский район Республики Башкортостан. Ф. 4. Оп. 2. Д. 170.

13. Архивный отдел администрации муниципального района Альшеевский район Республики Башкортостан. Ф. 4. Оп. 2. Д. 178.

14. Башкирская АССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1961 года. – Уфа, 1961.

15. Башкирская АССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1969 года. – Уфа, 1969.

16. БАССР. Административно-территориальное деление на 1 июня 1940 года. – Уфа, 1941.

17. ЦИА РБ. Ф. и-336. Оп. 1. Д. 705. Л. 3.; Д. 2081. Л. 2.

18. Архивный отдел администрации муниципального района Альшеевский район Республики Башкортостан. Ф. 12. Оп. 2. Д. 36.

19. ПМА, 2011. Альшеевский район Башкортостана, п. Мечниково. Белова (Тигазина) Валентина Фердинандовна, 1943 г.р.

20. ЦИА РБ. Ф. р-107. Оп. 3. Д. 42. Л. 57.

21. Список населенных пунктов Башреспублики. – Уфа, 1926.

22. ЦИА РБ. Ф. и-336. Оп. 1. Д. 705. Л. 1.; Д. 2081. Л. 21.

23. Башкирская АССР. Административно-территориальное деление на 1 июля 1972 года. – Уфа, 1973.

24. Башкирская АССР. Административно-территориальное деление на 1 июня 1952 года. – Уфа, 1953.

25. Башкирская АССР. Административно-территориальное деление на 1 сентября 1981 года. – Уфа, 1981.

26. Сядэ. Раевский сельсовет [Электронный ресурс] // URL: http//ru.wikipedia.org

27. Переселенцы и переселенческое дело в Бирском и Мензелинском уездах Уфимской губернии. Отчет по командировке непременного члена губернского присутствия В. Михайлова. – Уфа, 1898.

28. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. V. Бирский уезд. Оценочно-статистические материалы по данным местных исследований 1897 г. – Уфа, 1899. Прил.

29. ЦИА РБ. Ф. и-336. Оп.1. Д. 852. Л. 1.

30. *Черных А.В., Голева Т.Г., Шевырин С.А.* Эстонцы в Пермском крае: Очерки истории и этнографии. – СПб., 2010.

31. ЦИА РБ. Ф. и-336. Оп.1. Д. 907. Л. 1.

32. История административно-территориального деления Республики Башкортостан (1708–2001). Сборник документов и материалов. – Уфа, 2003.

33. ЦИА РБ. Ф. и-336. Оп.1. Д. 1222. Л. 1.

34. ПМА, 2001. Стерлибашевский район Башкортостана, д. Банковка. Сарап Освальд Александрович, 1929 г.р.

35. *Роднов М.И.* Крестьянство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. – Уфа, 2010.

36. Центральный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦАОО РБ). Ф. 122. Оп. 4. Д. 156. Л. 89.

37. Административно-территориальное устройство Республики Башкортостан на 1 января 2007 года. – Уфа, 2007.

38. ПМА, 2011. Стерлибашевский район Башкортостана, д. Банковка. Мезис Эдуард Александрович, 1924 г.р.; Мезис Мария Карловна, 1925 г.р.

39. *Роднов М.И.* Крестьянство Златоустовского уезда по переписи 1917 года. – Уфа, 2002.

40. *Абашина-Мельц Н.* Павел, Михаил, Александр. Эссе [Электронный ресурс] // URL: http//www.tvz.org.ee/280205Melts.html

41. *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. – Уфа, 1997.

Ranus Sadikov

ESTONIAN SETTLEMENTS IN THE SOUTHERN URALS: HISTORICAL ESSAYS

The article examines the history of founding and liquidation of the Estonian settlements in the Southern Urals (Ufa Province, Bashkir ASSR, Republic of Bashkortostan). The first Estonian settlements and dwellings were founded in 1890s. The most of them had been aroused at the first decade of the 20th century. During the last century, in move the course of collectivization and liquidation of the non-perspective or non-promising settlements, all Estonian populated settlements and villages in the Southern Ural region stopped their existence in practice.

«Финно-угроведение», 2012, № 2

СООБЩЕНИЯ

Игорь Садовин
Йошкар-Ола

МАРИЙСКИЙ АСПЕКТ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ФИННО-УГОРСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Самобытность и богатство культур финно-угорских народов, разбросанных по свету, достойны восхищения. Все наши народы близки и едины по духу. Весь финно-угорский мир вносит ощутимый вклад в мировое культурное наследие. Это подтверждается богатыми событиями и явлениями в современной истории наших народов.

Финно-угорское сотрудничество, которое ранее было распространено в основном в научной области (лингвистика, литература, этнология, фольклор и др.), с конца 80-х годов начинает расширяться, затрагивая сферы экономического, политического и культурного взаимодействия. Новые формы контактов, хотя и незначительные, появляются в молодежной, межпарламентской и предпринимательской областях.

События, начавшиеся более 20 лет назад, изменили тенденции в общественной и социальной жизни финно-угорских народов России. Информационное пространство России стало насыщаться разнообразными событиями и явлениями, связанными с финно-угорским миром.

Первое десятилетие: период 1989–1999 гг.

В конце 80 – начале 90-х годов Республика Марий Эл, которая многие десятилетия была закрытым регионом для иностранцев, становится центром международных финно-угорских форумов и возникновения различных общественных формирований.

В мае 1989 года республика принимает участников первой международной встречи финно-угорских писателей и проводит дни финно-угорской литературы под девизом «Роль писателей в борьбе за мир, прогресс и укрепление межнациональных отношений». Встреча финно-угорских писателей в Йошкар-Оле была основой развития контактов между всеми финно-угорскими регионами России, Венгрией, Финляндией, Эстонией. Важным было нахождение единства, общности, осознание того, что «мы, финно-угры, составляем большой коллектив, члены которого могут поддерживать друг друга».

По инициативе марийской молодежной организации «У вий» в июне 1990 года проводится первая встреча финно-угорской молодежи и создается Молодежная ассоциация финно-угорских народов.

В октябре 1990 г. учреждается Фонд развития культур финно-угорских народов с участием государственных органов и общественных организаций. По инициативе Фонда с 1991 года проводятся фестивали телевизионных программ и передач, фестивали финно-угорских фольклорных коллективов (первые были в Йошкар-Оле), конференции, семинары, встречи творческих людей финно-угорских стран.

Следует отметить, что еще в феврале 1985 года в Йошкар-Оле прошел первый фестиваль фольклорных студенческих коллективов вузов финно-угорских народов при Марийском государственном университете, в котором участвовали 12 коллективов и 268 представителей финно-угорских народов.

Возрождение интереса к корням финно-угорских народов, национального самосознания и чувства национального достоинства, желание раскрыть новые возможности для сотрудничества с родственными финскими народами в области культуры и экономики привело к созданию в декабре 1989 года Марийского отделения Общества «СССР – Финляндия» (в дальнейшем общество «Марий Эл – Суоми», общественная организация «Ассоциация друзей Финляндии»).

В январе 1990 года в Хельсинки создается Общество М.А. Кастрена. Целью Общества является установление и укрепление контактов между финнами и народами России, говорящими на родственных финскому уральских языках, ознакомление с культурой этих народов. Между Обществом М.А. Кастрена и Марийским отделением общества «Россия – Финляндия» подписывается соглашение об обмене стипендиатами – специалистами в области культуры, науки, образования. За три года в Марий Эл были приняты 15 финнов – писателей, ученых-исследователей, студентов, а 15 марийцев знакомились с языком и культурой финского народа.

Создание Фонда развития культур финно-угорских народов, научного центра финно-угроведения, проведение в столице научных конференций, симпозиумов и международного фольклорного праздника, дней родственных народов, реализация соглашения двух обществ прекрасно иллюстрировало, что Марий Эл становится центром финно-угорского движения.

В 1992 году Российская Федерация и Финляндская Республика заключают Договор об основах отношений, в статье 10 Договора говорится: «Стороны будут поддерживать сохранение самобытности финнов и родственных финнам народов и национальностей в России и, соответственно, выходцев из России в Финляндии. Они будут охранять языки, культуру и памятники истории друг друга». В Хельсинки 11 июля 1992 года между правительствами двух государств подписывается «Соглашение о сотрудничестве в области культуры, образования и научно-исследовательской деятельности». В статье 4 данного Соглашения записано: «Стороны будут оказывать поддержку культурным связям с Финляндией родственного финнам населения России и реализации возможностей выходцев из России в Финляндии сохранять свое культурное наследие».

Общество М.А. Кастрена становится координатором и ответственным исполнителем Финляндской программы поддержки культур финно-угорских народов России, финансируемой Министерством образования Финляндии. Республика Марий Эл принимала в 1991 году делегации во главе с Чрезвычайным и Полномочным Послом Финляндии в Москве Х.Талвитие и Министерства образования Финляндии. В 1992 году посетил республику Шандор Дьерке – Чрезвычайный и Полномочный Посол Венгрии в Москве.

Марийская общественность в декабре 1992 года проводит Неделю Финляндии в Марий Эл с участием делегации Посольства Финляндии в Москве.

24 мая 1992 года был подписано Соглашение о сотрудничестве между Президентом Республики Марий Эл В.Зотиным и Председателем Верховного Совета Эстонской Республики А.Рюйтелем в г.Таллинне. В мае 1992 года впервые марийская делегация под руководством Президента В.Зотина побывала в Финляндии. А через год, 25–27 мая 1993 года, в Хельсинки проведены Дни марийской культуры. Марийские художники, танцоры, певцы, журналисты, писатели, всего более 40 человек, достойно представили марийскую культуру родственному финскому народу.

В приветственной речи министр культуры Министерства просвещения Финляндии Тютти Исохоокана-Асунмаа сказала: «О вас, марийцах, мы можем с радостью сказать, что вы сами стали стремиться к преодолению трудностей. Сейчас проводимые Дни марийской культуры говорят о том, что вы хотите показать достижения вашей культуры и другим народам мира. Каждый народ сам играет решающую роль в возрождении собственной культуры и языка. Тот факт, что в Финляндии проводятся Дни марийской культуры, можно считать частью возрождения марийской культуры. Многосторонние контакты являются лучшим способом для поддержания финно-угорских народов в поставленной ими цели, весьма широкой и ответственной».

Летом 1993 года венгерский президент Арпад Генц по приглашению президентов финно-угорских республик побывал в Коми, Марий Эл, Удмуртии, Мордовии, Ханты-Мансийском автономном округе. Историческое значение поездки заключалось в том, что во всех республиках это был первый визит главы иностранного государства. Были подписаны экономические соглашения с Республикой Мордовия, Удмуртской республикой и Республикой Марий Эл. По итогам визита Арпад Генц сказал, что «своими чрезвычайно богатыми культурными традициями, хозяйственными ресурсами они укрепляют демократическую Россию, обогащают мировую культуру и составляют ее неотъемлемую часть. Их сохранение является важным фактором для всего человечества».

Вот несколько событий, прошедших только в 1994 году:

· Вышел первый номер журнала «Финно-угроведение», издаваемый коллективом МарНИИ.

· Состоялась Первая Всероссийская научная конференция финно-угроведов. (В СССР с 1947 по 1987 годы всего проведено было 17 конференций).

· Прошел Первый Международный фестиваль финно-угорских театров «Майатул».

· Прибыла с визитом делегация Эстонской Республики во главе с министром образования и культуры Эстонии П.Э. Руммо в Республику Марий Эл. По итогам этого визита 26 мая 1994 года было подписано Соглашение о сотрудничестве между Прави-

тельством Республики Марий Эл и Министерством культуры и образования Эстонской Республики в области подготовки студентов, магистров и докторов наук из Республики Марий Эл в вузах Эстонии, а также Соглашение между Министерством культуры, Министерством образования Республики Марий Эл и Министерством культуры и образования Эстонии о сотрудничестве в области культуры и образования.

· Посетила Республику Марий Эл финская делегация под руководством министра просвещения и культуры Т.Исохоокана-Асунмаа.

В марте 1996 года Республику Марий Эл посетила делегация Эстонской Республики во главе с Арнольдом Рюйтелем. Проведен обмен мнениями по вопросам развития, сотрудничества в области образования, обучения студентов в эстонских вузах. В 1996 году состоялась встреча Председателя Государственного Собрания Республики Марий Эл А.А. Смирнова с Председателем Парламента Эстонии Ритой Уосуайнен.

Официальные визиты правительственных делегаций имели свои положительные результаты. Учреждения культуры Марий Эл налаживали деловые контакты с библиотеками, музеями, театрами других финно-угорских республик, организовывали взаимные гастрольные поездки, совместные выставки, книгообмен. Проводили семинары молодых литераторов, юнкоров, детские финно-угорские лагеря «Финно-угры, ты и я».

Старты первых велоэкспедиций финно-угорских народов начинались с Йошкар-Олы.

Активная деятельность марийских ученых, журналистов, учителей, издателей, поэтов, писателей, общественных организаций имела свои положительные результаты: изданы учебные пособия, художественные книги на марийском языке, осуществлялась подписка на журналы и газеты. Ученые Маргосуниверситета совместно с учеными Университета Турку издали марийско-финский, финско-марийский словарь, сотрудничество двух вузов продолжается и сейчас.

Второе десятилетие: 2000–2009 гг.

Республика Марий Эл принимала чрезвычайных и полномочных послов Венгрии, Финляндии, Эстонии в 2002, 2003, 2007 гг.

События 2003 года:

· Международный семинар «Межкультурные коммуникации в финно-угорском мире в условиях европейской интеграции» в Йошкар-Оле.

· Учредительный съезд Российской ассоциации финно-угорских журналистов.

· Учредительная конференция Международной ассоциации финно-угорских университетов.

· Шестой конгресс МАФУН.

· Третий Международный исторический конгресс финно-угроведов.

Второе десятилетие знаменательно финно-угорскими делами: X Международный конгресс финно-угроведов (2005), Первый Международный фестиваль авторской песни «Юлавий» (2006), первый межрегиональный форум «Финно-угорский этнокультурный проект» (2007), 22-я международная студенческая конференция финно-угорских народов ИФУСКО (2006).

В 2000–2009 годы активно развивается научное сотрудничество с Финляндией, подготовка специалистов – языковедов и литераторов в Эстонии, молодежное движение –

учеба на летних курсах культуры и языка в Венгрии. Работают на базе Марийского государственного университета летние курсы марийского языка для иностранцев. Проводятся спортивные соревнования – турниры по дзюдо, конному спорту, хоккею.

Участие марийцев в работе Консультативного комитета финно-угорских народов, МАФУН, международных научных, научно-практических конференциях по современной методике обучения, различных профильных семинарах, а также активная проектная деятельность совместно с Финляндией, Эстонией говорит о том, что марийцы отходят от проведения крупных массовых мероприятий, которые были характерны в 90-е годы. Основная задача – реализовывать конкретные проекты. Они были незаметны для широкой общественности, но очень значимы для нашей культуры, науки.

Активно началось продвижение марийского языка в сети Интернет, появляются информационные материалы о марийском языке, марийский словарь, в соцсетях пишут на марийском языке. Стало возможным печатать на компьютере на марийском языке. В свободный доступ размещен лист рассылки – цифровое обеспечение финно-угорских языков.

В начале третьего десятилетия 2010–2012 гг. официальные визиты продолжились, чрезвычайные и полномочные послы Венгрии, Финляндии, Эстонии побывали в Марий Эл осенью 2010 г.

В этом же году состоялось открытие караванной выставки «Финно-угорский триптих», которая была совместным проектом музеев Удмуртии, Мордовии, Марий Эл, Музейного ведомства Финляндии. Проведена конференция «Музей и современный мир: воспитание толерантности в поликультурном пространстве».

В прошлом 2011 году состоялась конференция «Языки меньшинств в компьютерных технологиях: опыт, задачи и перспективы» и двадцатая смена международного лагеря детей финно-угорских народов «Финно-угры, ты и я!»

Каким будет марийский аспект в финно-угорском сотрудничестве в следующем десятилетии покажет время.

Igor Sadovin

MARI ASPECT IN CONTEMPORARY INTERNATIONAL FINNO-UGRIC COOPERATION

The author examines the role of Mari El Republic in the development of international Finno-Ugric relations of the last two decades. Holding of the first International meeting of the Finno-Ugric Writers in Yoshkar-Ola in May of 1989 under the theme «The role of writers in the struggle for peace, progress and strengthening of inter-ethnic relations», has played an important role for the origin of these relations. Development Fund of the Finno-Ugric peoples, societies «Mari El-Suomi», Youth Association of Finno-Ugric Peoples etc. have invested a great contribution in the development of these ties. The Republic was the initiator of one of the international festival of Finno-Ugric theaters, scientific Congresses, Conferences and symposia. The author emphasizes that the last two decades have been seen by great contribution of the Mari El Republic to the development of Finno-Ugric relations. What will be the Mari aspect in the next decade time will tell?

«Финно-угроведение», 2012, № 2

Анастасия Малева
Сыктывкар

ЛИРИЧЕСКАЯ ГЕРОИНЯ КОМИ ПОЭТЕССЫ Л.З. ВТЮРИНОЙ: ОСОБЕННОСТИ МИРООТНОШЕНИЯ*

Людмила Втюрина (Зарни Люся) – активно публикующаяся, завоевывающая популярность коми поэтесса, является автором поэтического сборника «Шоныд діяс» («Теплые острова», 2006), вошедшего в кассетное издание «Шуд войт» («Капелька счастья», 2006).

Художественное мышление Л.Втюриной отличает особая доброжелательная элегичность, предельная непосредственность и незавуалированное выражение жизненных установок, обнаженность мыслей и чувств, нейтральность и смысловая однозначность художественных образов, отказ от метафорического изображения; немногословность речи и приглушенность интонационного ряда обуславливают прямо-оценочное освоение действительности, отражая тем самым своеобразную сентиментальную искренность отношения к миру ее героини.

Эмоции в лирике Л.Втюриной доминируют над мыслью так же, как и в поэзии соавторов кассетного издания «Шуд войт» – начинающих коми поэтесс Ан. Шомысовой («Зэрӧм бӧрын» – «После дождя») и Н.Павловой («Шондіа асыв!» – «Солнечного утра!»). Однако эмоции героини Л.Втюриной не находят «активного», внешне выраженного поэтического воплощения, отличающего лирику Ан.Шомысовой и Н.Павловой. Эмоциональность ее стихотворений характеризуется неброскостью и отсутствием интенсивности проявления. Специфику лирики поэтессы определяют пронизывающая поэтические строки задумчивость и непритязательная, ненавязчивая грусть. Подобная однотонность эмоционального фона представлена в структурных особенностях стихотворений поэтессы: частым композиционным приемом становится использование однородных членов предложения с интонацией перечисления («Шоныдін» – «Теплое место»; «Мамӧ, ов!» – «Мама, живи!»; «Позьӧ на олыштны!» – «Можно еще пожить!», 2006):

---

* Публикация подготовлена в рамках проекта программ Президиума РАН № 12 – П – 6 – 1013 «Опыт развития коми литературы: творческая индивидуальность и художественный процесс».

Тэ.меным тырмымӧн
кымӧртӧм енэжын,
томиник ныв-зонлӧн
тӧждысьтӧм серамын,
нюмъялысь шондiкӧд
вильшасьысь тӧвруын.
Лӧнь кыа ломзигӧн.
Рытъявыв пӧраын <...>

(«Тувсовъя», 2006)

Тебя мне достаточно
в безоблачном небе,
в беззаботном смехе
юных девушек-парней,
с улыбающимся солнцем
в озорующем ветерке.
Когда загорается заря.
И в вечернюю пору <...>

(«Весенняя пора», 2006. – Здесь и далее перевод подстрочный наш. – А.М.)

Своеобразие поэтического освоения мира лирической героини объясняется особенностями ее характера и психологического склада. Внешне выраженная эмоциональность Ан. Шомысовой обусловлена, на наш взгляд, особым романтическим, юношеским мироощущением, в то время как преобладание в лирике Л.Втюриной эмоции над мыслью – результат, скорее, сознательной жизненной установки на поиск гармонии в окружающем мире: чувствительность и эмоциональность в восприятии мира зачастую становятся средством преодоления душевного дискомфорта, вызываемого, как правило, размышлениями героини о собственной судьбе.

Менам нывъерт тані эм,
статя пожӧм – Войвыв Пальма...

(«Лымйӧн нимкодясьӧ лун...», 2006)

У меня здесь есть подруга,
статная сосна – Северная Пальма...

(«Снегом любуется день...», 2006)

Нацеленность на отображение эстетичного, любование и восхищение окружающим – природным в большей степени – миром, его идеализация и экзотизация позволяют героине отвлечься от душевных противоречий, приглушают обостренное ощущение одиночества, насыщают и заполняют вызванную им, а также недостатком желаемого душевную пустоту: «именно чувственно-ценностная природа эстетического позволяет личности осуществлять оценку действительности прежде всего с позиции прекрасного» (1).

Сознательный отказ героини Л. Втюриной от углубленного исследования ощущений тоски и одиночества находит отражение и в форме лирического «аутотренинга»: обращение к самой себе принимает характер самовнушения, увещевания, самоуспокоения путем «рационализации» душевных противоречий: «Оз, оз, да сьӧд кымӧр мунас» – «Нет-нет да и уйдет черная туча» («Бурӧдӧм» – «Утешение», 2006).

Открытость и доброжелательность по отношению к миру, а также ощущение одиночества обуславливают и такие композиционные особенности поэзии Л. Втюриной, как драматургический характер некоторых ее стихотворений: мы наблюдаем как диалог героини с миром природы («Ар нин» – «Уже осень», 2006), так и монологический диалог с «персонажами» предметно-вещественного характера («Тарыт» – «В этот вечер», 2006):

Керка биялӧн югӧрыс
менсьым янӧдас лолӧс:
«Удитан на му мӧдарас.
Таладорын вай олыштʼ!»

(«Лабич вылын», 2006)

Луч света огней дома
пристыдит мою душу:
«Успеешь еще в мир иной.
Здесь давай еще поживи!»

(«На крылечке», 2006)

Диалог с миром неживым, но одушевленным сознанием героини, а также житейски-бытовая, полная слуховой и зрительной осязаемости обстановка вокруг лирической героини («Бара карса асылыс» – «Опять городское утро», «Лабич вылын», 2006) дают возможность глубже прочувствовать переживания лирической героини, точнее передать ее внутреннее состояние. Так, бытовая атмосфера жизненного пространства героини (размышления в вечернюю пору у дома на лавочке, наблюдения за городским утром у окна, наделение речью неодушевленных предметов быта и др.) характеризует особенности переживаемого ею одиночества – это, как правило, отсутствие собеседника, сопереживания и взаимопонимания со стороны окружающих.

Использование в лирике Л. Втюриной однозначно воспринимаемой бытовой лексики, несвойственность метафорического отображения действительности, однотонность интонационного уровня, преобладание форм настоящего времени над будущим и прошлым, реальности над фантазией способствуют акцентуации внимания на ценностях ежедневной, протекающей на данный момент, будничной жизни человека в естественных и доступных каждому человеку потребностях и радостях («Выль воӧн!» – «С Новым годом!»; «Изьватас кывлы» – «Ижемскому языку», 2006). Жизнь лирической героини непритязательна и незамысловата, лишена крутых сдвигов и поворотов, но притягательна в силу вызываемых ею ощущений, будь то сожаление и грусть или вдохновение и радость. Сформированная на христианском и национальном миропонимании жизненная философия героини находит выражение в сентенциальных стихотворениях-рекомендациях («Ягын» – «В бору», «Нюмъевтышт воча воысьлы» – «Улыбнись встречному», 2006), стихотворениях заклинательного характера («Ниа пу» – «Лиственница», 2006) и стихотворениях-молитвах («Тулыс» – «Весна», «Мезды наысь» – «Освободи от них», «Менам эскӧм» – «Моя вера», 2006). Форма молитвы в поэзии Л. Втюриной – не только следствие доброжелательности и экстравертной обращенности к миру лирического сознания героини, способ непосредственной поэтической реализации потребностей и желаний, но и одно из средств преодоления душевной дисгармонии: «Дыр тырмас медым эбӧсӧй, / видзӧдлывла Ен пельӧсӧ…» – «Чтобы как можно долго сил хватило, / поглядываю в Красный угол…» («Ӧшинь дорын» – «У окна», 2006). По справедливому, на наш взгляд, замечанию А. Пашкурова и Е. Аликовой, «исповедальность, Богообщение, восхваление Бога и благодарение ему – все это не только свойственно литературному наследию женщин эпохи сентиментализма, но и всей женской литературе в целом» (2).

Кевмыся, лоас мед
олӧмыс йӧзлӧн
зарава войтъяс кодь
чӧскыд да сӧстом.

(«Тулыс», 2006)

Молюсь, чтобы
жизнь людей стала
подобно каплям березового сока
вкусной и чистой.

(«Весна», 2006)

В лирике Л. Втюриной мы наблюдаем тип молитвы – «…просьбу о заступничестве («молитва против врагов», «молитва как мольба о защите близких от несчастий»)». Обращение к молитве исследователи обосновывают таким образом: «в культуре христианства возникает потребность во внутреннем сосредоточении. Она была вызвана необходимостью общения с Богом через молитву. В ней человек должен погрузиться внутрь себя. <…> закреплялась способность к самоанализу и самоконтролю» (3). Так, героиня Л. Втюриной зачастую испытывает некоторую неловкость от своих полных грусти и непонятной тоски мыслей, от порывов покинуть земную жизнь («Лабич вылын» – «На крылечке»: «со нин ас дорӧ корӧны эзысь кодзувъяс, енэж» – «вот уже манят к себе серебряные звезды и небо»), а потому выражает их непритязательно и скромно, не афишируя, а лишь каплей выплескивая малую их часть и тут же прерывая себя собственным же осуждением («Лабич вылын», «Тарыт», 2006).

Обеспечивая героине ясность миропонимания, жизненная философия обуславливает и характер речи: причинно-следственные пояснения сопровождают те или иные констатации и утверждения героини: «Тэ меным муса, Сыктывкар, / кор паркын шаракылӧ ар <…>» – «Ты мил мне, Сыктывкар, / когда в парке шуршит осень» («Тэ меным муса, Сыктывкар» – «Ты мил мне, Сыктывкар», 2006).

Своеобразие сентенциального характера некоторых стихотворений поэтессы – также результат особенностей ее отношения к миру: нежность, ранимость, робость, трогательность, отзывчивость, стремление к единству со всем миром формируют, скорее, вид сентенции-просьбы, сентенции-совета, сентенции-рекомендации, далекой от сентенции-наставления, нравоучительного суждения известной коми поэтессы Н.Обрезковой. Выбор «более слабой по степени императивности формы высказывания» свидетельствует, по замечанию Е.А. Яковлевой и А.С. Кудряковой, «о «женской» манере ведения диалога, лишенной категоричности». Как отмечают исследователи, стремление «к таким этико-эстетическим категориям, как гармония, миролюбие, негневливость, искренность, кротость» становится реализацией «православного речевого идеала» (4, с. 45). Сентенциальный характер стихотворений Л.Втюриной вызван не столько стремлением обучить и разъяснить, сколько направить адресата на гармонизацию окружающего мира («Нюмъевтышт воча воысьлы» – «Улыбнись встречному», «Выль во!» – «Новый год!», 2006).

<…> Ягысь петігӧн копыртчы муӧдз,
«аттьӧ» мадалы сьӧлӧмсянь шу.

(«Ягын», 2006)

<…> Выходя из лесу, поклонись до земли,
от всего сердца дорогого поблагодари.

(«В бору», 2006)

Заклинательный характер речи лирической героини («Ниа пу» – «Лиственница», 2006) формирует ассоциации с образом травницы, лекарицы и становится вы-

ражением национального мышления в духовном слиянии героини с миром природы. Доброжелательность в отношении к миру проявляется и в своеобразии изображения природы мира, которая также обладает способностью гармонизировать жизнь людей («Шонділӧн козинъяс» – «Подарки от солнца», 2006).

Таким образом, лирика Л.Втюриной глубоко, но неброско эмоциональна и эстетична: преобладание эмоции над мыслью – результат сознательной установки на видение красоты окружающего мира, что отражает, на наш взгляд, ориентацию лирической героини на отображение ценности ежедневной будничной жизни человека.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Карпенко Н.А.* Роль процесса эстетизации в формировании духовной культуры личности. URL: http://www.pws-conf.ru/nauchnaya/lss-2006/371-formirovanie-lichnosti-v-sociume-/8171-rol-processa-estetizacii-v-formirovanii-duhovnoy-kultury-lichnosti.html (Дата обращения: 21.06.2011).

2. *Пашкуров А., Аликова Е.* Поэтика молитвы и богообщения в русской женской поэзии рубежа XVIII–XIX вв. // Південний архів. Філологічні науки: Збірник наукових праць. Випуск XLVI. URL: http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Pafn/2009_XLVI/pdf/77-85.pdf (Дата обращения: 22.06.2011).

3. Проблема сознания в философии. Сознание как отражение действительности. URL: http://philkib.narod.ru/fphil10.html. (Дата обращения: 14.05.2011).

4. *Яковлева Е.А., Кудрякова А С.* Генристическая поэтика: новые аспекты изучения лирического героя (на примере поэзии С.Есенина) // Семантика и прагматика слова в художественном и публицистическом дискурсах. – Томск, 2008.

Anastasia Malyova

LYRICAL HEROINE OF KOMI POETESS L.Z. VTYURINA: FEATURES OF WORLD-ATTITUDE

The author considers the work of a young poet Lyudmila Vtyurina. One aspect of the study is to examine the features of poetic expression lyrical attitude to the world. It reveals the individuality and artistic handwriting of poetess and identifies particular worldview of contemporary of period turn of the century. Lyric of the poetess displays lyrical orientation to display the value of the daily life.

«Финно-угроведение», 2012, № 2

Эльвира Колчева
Йошкар-Ола

МУЖСКИЕ АРХЕТИПЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МАРИЙСКОГО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА 1920–30-х ГОДОВ ИЗ ФОНДОВ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РМЭ ИМ. Т.ЕВСЕЕВА*

Национальное изобразительное искусство как элемент культуры того или иного народа отражает систему его ценностей, миропредставлений, его историческую судьбу, чаяния и надежды. Оно является образной формой рефлексии этнонациональной культуры. Марийское изобразительное искусство – яркий тому пример, несмотря на то, что это достаточно молодой феномен. Начальным его этапом следует считать 1920–30-е годы, когда в республике начали творить первые художники-мари Константин Егоров, Елизавета Атлашкина, Александр Григорьев. Особую роль в становлении профессионального изобразительного искусства в крае сыграли также приезжие казанские художники Павел Радимов, Василий Тимофеев, Григорий Медведев, которых активно привлекали к сотрудничеству с созданным в это же время краеведческим музеем Т.Е.Евсеев, директор музея, а также заведующий Облоно В.А.Мухин. Произведения этих художников составляют основной источник изучения изобразительного творчества этого периода. Этот уникальный художественный и этнографический материал является сегодня гордостью Национального музея РМЭ им.Т.Евсеева, одной из лучших его коллекций.

Произведения создавались с целью запечатлеть быт марийцев со всей этнографической достоверностью и на хорошем художественном уровне. В работах коллекции мы находим многоплановый образ народа в его повседневной жизни, в его характерных типах и типичных ситуациях. За типическим в реалистическом искусстве скрывается уровень культурно значимого, т.е. уровень культурных архетипов как образцов, конституирующих эталонные формы культуры. В данной статье мы проанализируем мужские образы в изобразительном искусстве 1920–30-х годов как архетипы марийской культуры своего времени.

Художественных работ 1920–30-х годов, отражающих существо мужского начала этнокультуры мари, не так много по сравнению с работами на женскую тему. Одна из них «Мариец» (1918, х.м., 33,5×19) принадлежит П.Т. Радимову, написана им еще в козьмодемьянский период и представляет собой портрет пожилого мужчи-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-14-12000 а/В

ны – горного мари. Образ марийца строится на контрасте белого цвета кафтана с темными пятнами коричневых оттенков рук и головы. Композиция фронтальная, но контакта портретируемого со зрителем не происходит, персонаж самодостаточен. Замкнутая на себя фигура создается спокойной свободной позой, отрешенным взглядом, свободно лежащей рукой на запрокинутой ноге на ногу. Высокий ясный лоб высветлен, что традиционно в живописи указывает на интеллектуальную значимость персонажа. В левой руке, также свободно лежащей поверх другой руки, мужчина держит трубку. Во всем облике читается смиренность и достоинство без гордости.

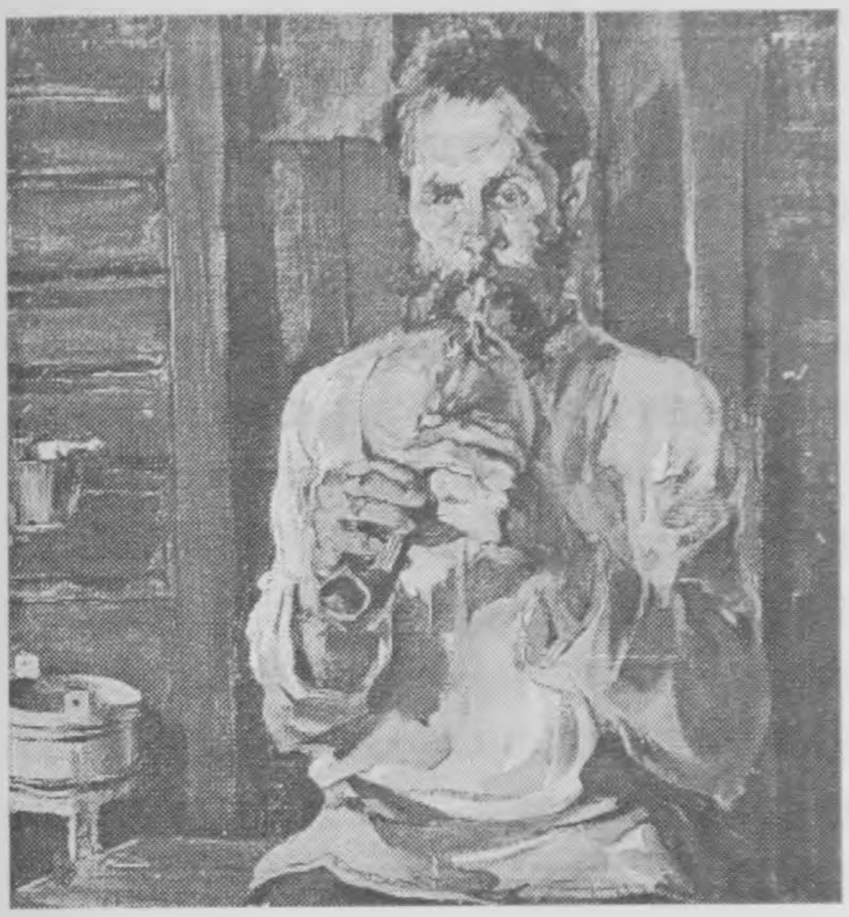

Рис. 1. В.К. Тимофеев. Народный музыкант. 1926, х.м., 50×55.

В.К. Тимофеев создал ряд портретов мужчин из луговых мари. На картине «Народный музыкант» (1926, х.м., 50×55) создан образ немногословный, даже философический. Фигура музыканта дышит спокойствием. Композиционный центр занимают руки играющего и пузырь, нечто диковинное для художника. Это уникальный аутентичный марийский музыкальный инструмент – «шӱвыр» – волынка, полного аналога ему не было обнаружено ни у какого другого народа. Художник пишет его желтовато-охристым пятном. Волынка была распространена не только в быту, но также имела ритуальные функции. Как отмечает этномузыколог О.М. Герасимов, «только на этом инструменте исполнялась специальная мелодия «Шурно ончымо сем» (мелодия осмотра урожая). Этой мелодией шӱвырзӧ (волынщик), обходя поле, заклинал добрые всходы, богатый урожай, защиту от града и т.д. (1, с. 52). Большое место отводилось шувыру в обрядах жизненного цикла. Художник передает медитативное состояние музыканта, изображая выражение его лица: одна бровь приподнялась, взгляд рассеян, углублен в себя. Играющий отрешен от происходящего вокруг, он настолько погружен в звуки, что и нас вовлекает в этот процесс.

На портрете «Старик-мариец» (1927, х.м., 57×62) изображен старец в белой холщевой рубахе с распахнутым воротом. Образ обладает поистине архетипической силой. Изображение поясное, фигура расположена по центру холста и показана с низкой точки, что придает старцу величие. Он сидит, опираясь на деревянный посох, обхватив его цепкими руками и чуть наклонившись вперед. Старик седой, с растрепанными непокорными волосами и бородой. Он показан в небольшом развороте, острый взгляд из-под густых лохматых бровей устремлен по направлению разворота, лоб нахмурен, все это создает суровое выражение лица. Черты лица старика (выступающие скулы, узкий разрез глаз, пропорции лица) позволяют определить его принадлежность к антропологическому типу уральской расы (переход-

ной между европеоидной и монголоидной). Предметы, изображенные на заднем плане картины, свидетельствуют о мужских занятиях: справа от него долбленая кадушка с крышкой, лубяное лукошко, на стене висит лучковая пила. Деревообработка, изготовление деревянной домашней утвари входили в сферу повседневности пожилых мужчин.

Эти три психологических портрета несут в себе персонификацию архетипа мудрого старца, высшего мастера и учителя, по К.Г. Юнгу это архетип духа, смысла. С психологической точки зрения он является символом психологической целостности, его сущность – «рефлексия и концентрация нравственных и физических сил» (2, с.126).

Как субъект этнокультуры, т.е. как архетипический культурный герой, мужчина предстает в произведениях 20–30-х годов XX века в первую очередь через показ его традиционных хозяйственных занятий, т.е. посредством бытового жанра. В начале XX века широко были развиты такие традиционные мужские занятия, как охота, рыболовство, пчеловодство (считалось почетным занятием), определенные виды сельскохозяйственных работ. Все это нашло отражение, например, в живописных полотнах Е.Атлашкиной «Пасека» (1926, х.м. 40×51), К.Егорова «Марийская пасека – переход из колодного улья в рамочные» (1925, х.м. 35×44), многочисленных графических рисунках П. Горбунцова («По марийской деревне. «Осенняя заготовка дров». Д. Шон Сола.», 1927, 25×33,5; «Сенокос. В полях.», 1927, 24,5×16,5 и др.). Мужчины занимались разнообразными домашними промыслами и ремеслами, характерными для натурального хозяйства. Этнограф и культуролог Н.А.Большова подчеркивала, что в традиционной картине мира мари плотник, кузнец, гончар мыслился демиургом, творящим мир «посредством природных материалов (дерево, металл, глина)» (3, с. 82). Эти сакрализованные занятия находят отражение в работах 1920-х годов. В основном они были связаны с обработкой дерева, растительного волокна, шерсти, кожи, минерального сырья (П.Радимов. «В крестьянской избе». 1936. х.м., 51×79; П.Горбунцов. «В деревне Нурот. Печник месит глину», 1927; «Бондарь Г.А. Андреев. Звениговский кантон, д. Шолонгеры», 1927 и др.). Молодой театральный художник П.Горбунцов, приехавший в край в 1926 году, стремился достоверно запечатлеть антропологический тип (тогда ему это еще не очень-то удавалось) мужчин-мари, показав этнические типажи через призму их профессиональной деятельности («Тип марийца-мочальника», бумага, графитный карандаш, 25×16,5; «Тип клепошника», бумага, графитный карандаш, 25×17,5 и т.п.). В значительной степени благодаря его рисункам можно получить представление о круге повседневных занятий марийских мужчин того времени. Его «трудяги» несуетливы, часто, работая, покуривают трубочку.

В 1920–30-е гг. в Марийской автономной области создаются и реконструируются предприятия традиционных отраслей (лесной, деревообрабатывающей, легкой, и др.), где в основном работали мужчины. Все это зафиксировали в этнографических экспедициях по краю приглашенные краеведческим музеем художники (В.К. Тимофеев «Сплав моли» (1928, х.м., 61×70), «Смолокуренный завод» (1927, х.м., 106×140), «Гонка смолы» (1927, х.м., 43×54); Г.А. Медведев «Сплав леса по

реке Кокшаге» (20-е гг., х.,м.); П.Т. Горбунцов «В лесах. На смолокуренном заводе. Тушит уголь», 1927 и др.). Такие виды производства, как дегтярное (П.Горбунцов. «Д. Помаштур. Дегтярный завод», 1927), колёсное и ободьевое (П.Горбунцов. «Производство колес. Деревня Шолонгер», 1927; «Ободьевое производство. Завод-парник. Керебеляки», 1927 и др.) становятся следствием изменения экономических реалий МАО и начала индустриального развития области.

Экономика Марийской автономной области в годы, предшествующие первой пятилетке, была на крайне низком техническом уровне. Как пишет С.А. Васенев, «первый пятилетний план развития народного хозяйства Марийской автономной области, утвержденный в марте 1929 года, предусматривал более высокие, по сравнению с общесоюзными, темпы развития промышленности. Преимущество отдавалось развитию деревообрабатывающей и лесохимической промышленности» (4, с. 70). Было построено свыше 15 крупных промышленных предприятий, среди которых, например, Лопатинский древкомбинат (ныне Марбумкомбинат), запечатленный на картине В.К. Тимофеева «Лесозавод в Лопатино» (1934, х.м., 64×93). Четырехрамный лесопильный завод входил в число ударных объектов всесоюзного значения. К середине 1934 года, когда писалась картина, в п.Лопатино проживало уже более трех с половиной тысяч человек. Была построена железнодорожная ветка до станции Зеленый Дол, что дало возможность не только получать грузы, но и выезжать жителям в Йошкар-Олу и Казань (5). На картине В.Тимофеева показан внутренний вид лесозавода. На первом плане изображены уходящие от нижнего края картины по диагонали транспортеры с досками. На дальнем плане видны четыре металлические пилорамы. Работа написана динамично, широкими мазками, возникает ощущение живого энергичного процесса, в то время как сюжеты, отражающие допромышленное производство, дышат неспешностью и размеренностью. Необходимо обратить внимание на то, что в новых хозяйственных реалиях происходит смешение гендерных сфер деятельности. Мужчины и женщины, как видно на картине, работают бок о бок.

Таким образом, в коллекции художественно-этнографических работ 20–30-х гг. XX века из фондов Национального музея Республики Марий Эл им. Т.Е. Евсеева мужские хозяйственные занятия марийцев предстают как деятельность, связанная в первую очередь с ремеслом и становлением промышленного производства в крае. Это та область этнокультурного пространства, которая наиболее активно подвергалась трансформации, воздействию социальных и экономических преобразований своего времени, соответственно, столь же активно менялось содержание облика культурного героя, демиурга – творца и преобразователя мира.

Коллизия культурного героя той эпохи, эпохи становления советской идеологии, противоречащей традиционной картине мира, показана П.Т.Горбунцовым в рисунке «На сходке» (1936, бумага, графитный карандаш/черная акварель/кисть, 15,7×18,3). Рисунок является иллюстрацией к рассказу Сарави «Камзай изай», напечатанному в № 3 журнала «У вий» за 1936 год. Наполненная движением фигура оратора возвышается над толпой, его рука угрожающе поднята вверх. Этот герой, политичес-

кий агитатор, понятен, он показан спиной к зрителю. Художника интересуют слушающие его крестьяне. Их психологические характеристики даны на переднем плане. Кто-то с оптимизмом воспринимает речь, хитроватый недоверчивый мужик опустил голову, злобно глядит на выступающего бородатый мужчина с трубкой во рту. Сегодня в этом рисунке видится не столько мотив классовой борьбы, вне всякого сомнения подразумевавшийся в ту пору, сколько драматизм, связанный с ломкой векового образа жизни. И тут открываются различные стратегии поведения культурного героя, стремящегося защитить традиционные ценности или отринуть их и создать новый мир, или же совместить их, спрятав старое под фасадом нового. Все это читается в рисунке П.Т. Горбунцова.

Но подлинный культурный герой советской эпохи – рабочий, комиссар, делегат, в этнографическом ключе выступает как национальный просветитель и деятель культуры (В.К.Тимофеев. «Гусляр Терентьев П.Т.», 1927, х.м. 67×87; «Портрет Бирюкова Н.И., пролетарского поэта», 1920–30-е, х.м., 50×42; «Селькор С.Краснов. Элепей», 1926, Бумага, графитный карандаш, 29×26) и т.п.

Рис. 2. В.К. Тимофеев. Гусляр Терентьев П.Т., 1927, х.м. 67×87

Известный в свое время гусляр П.Т. Терентьев в отличие от волыншика, показанного на картине «Народный музыкант», предстает уже национальным интеллигентом, чей взгляд осенен осознанием своей миссии пропагандиста народной музыкальной культуры. Он изображен вполоборота, смотрит прямо перед собой. Одет он уже не в национальную одежду, а в темно-коричневые брюки и куртку полувоенного образца, подпоясанную ремнем. Правой рукой мужчина осторожно придерживает гусли. Гусли («кӱсле») – старинный струнный щипковый музыкальный инструмент шлемовидной формы, имеющий до 36 струн. В прошлом имел ритуальные функции, был посвящен верховному богу «Кугу Юмо», исполнение на гуслях являлось привилегией мужчин.

Из редкого наследия первого лугомарийского художника К.Ф. Егорова сохранились три выразительных портрета участников революционного события 30 июля 1906 года в с. Кокшамары Звениговского кантона, лесорубов, М.Г.Орлова (1929, бумага, карандаш угольный, 36×27), М.С.Ключникова (1929, бумага, карандаш угольный, 33,5×26,3), А.Ф.Кутасова (1929, бумага, карандаш угольный, 35×26,5). К.Егорову удалось создать живые самобытные характеры.

Матвей Григорьевич Орлов вместе со своими сыновьями Иваном и Николаем были организаторами революционного кружка в Кокшамарах. Участники революци-

онного события были арестованы, М.Г. Орлов пробыл в ссылке девять лет. Освободила его Октябрьская революция 1917 г. Его сын Николай стал инспектором Наркомпроса и просветителем марийского народа (6, с. 144). На рисунке Орлов показан человеком одухотворенным, умным и благородным, его взгляд устремлен вдаль, подчеркнута его идейная роль в событиях более чем двадцатилетней давности.

Михаил Степанович Ключников, брат основоположника марийской музыки И.С. Ключникова-Палантая, после революции стал заведующим народным домом д. Кокшамары, заменив в этой должности Якова Андреевича Ишпайкина (Эшпая), который так рекомендовал его на эту должность: «...простой крестьянин, немного читавший и бывший председателем потребительского общества и трудовой артели» (цит. по 6, с. 145). Вел разъяснительную работу о значении изб-читален для народа. В его портрете подчеркнута сила характера, волевое начало. Это человек практический, его взгляд направлен прямо, он точно видит цель и знает что делать.

Александр Федорович Кутасов, активный участник революционных событий, пять с половиной лет просидел в тюрьме в Чебоксарах (6, с. 145). На портрете создан образ простодушного честного человека. Отец шести сыновей и дочери, видимо, обладал достаточно мягким и добрым характером. Его образ представляет нам еще одну психологическую грань обобщенного портрета той силы, которая осуществила преобразование жизни в первые десятилетия советской власти в национальной глубинке.

Рис. 3. П.Т. Горбунцов. Изба-читальня, 1929, х.м., 147×192.

Эти деятели занимались образованием марийского народа, открывали избы-читальни (П.Г. Горбунцов «Изба-читальня», 1929, х.м., 147×192), проводили радио в деревнях (В.К. Тимофеев «Проводка радио в деревне Кокшамары», 1935–1936, х.м., 39×57), расширяя границы мира для своих соплеменников, меняли его неспешный устоявшийся традиционный образ жизни, закладывали основы профессиональной культуры и образования. Возможно, образ культурного героя той эпохи могли бы существенно дополнить портреты ведущих представителей марийской интеллигенции и политических лидеров народа. Известно, например, что В.К. Тимофеев писал портреты С.Г. Чавайна, Н.С. Мухина и др., но в годы репрессий эти произведения были уничтожены, как и сами культурные герои эпохи.

Итак, архетип мужчины-мари 1920–30-х годов воплощается, с одной стороны, в образе флегматичного, самодостаточного, привыкшего к тяжелому труду крестьянина, архетипической концентрацией которого выступают в живописи того времени персонификации старца как архетипа духа и мудрости. С другой стороны, чрезвычайно интересной предстает новая для традиционного уклада жизни конкретно-историческая ипостась культурного героя – национальный просветитель, активный проводник прогресса в том виде, каковым он мыслился на заре советской власти.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Герасимов О.М.* Народные музыкальные инструменты мари. – Йошкар-Ола, 1996.

2. *Юнг К.Г.* Об архетипах коллективного бессознательного // Архетип и символ. – М., 1991.

3. *Большова Н.А.* Три тотема – три образа // Финно-угорский триптих: каталог выставки. Вып. 2-й. – Ижевск, 2010.

4. *Васенев С.А.* Становление и развитие марийской нации. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1982.

5. Рабочий поселок Лопатино / г. Волжск/ История края / Республика Марий Эл // Вся республика на одном сайте. Марий Эл.12.rus/ru – Режим доступа: http: www.12rus.ru/list/42/. – свободный, Загл. с экрана.

6. *Кутасова В.Е.* Этнокультурное пространство – Кокшамары в художественно-этнографических работах в фондах Национального музея Республики Марий Эл им. Т.Е. Евсеева // Марийский архивный ежегодник: научно-метод. сб., 2010, № 10.

Elvira Kolcheva

MALE ARCHETYPES IN WORKS OF MARI ART OF 1920–30 OF THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF MARI EL AFTER T. EVSEYEV

In the article the author analyzes the male figures in the Mari Art of 1920–30s as cultural archetypes of the time. It is considered the personification of the archetype of the wise Old Man and a Cultural Hero, presented through story-genre, a portrait images created by Kazan artists P. Radimov and V. Timofeyev, first Meadow Mari artist Konstantin Yegorov, and founder of landscape painting in the region P. Gorbuntsov. The archetype of Mari male of 1920–30s is embodied, on the one hand, in the form of stolid, self-sufficient, accustomed to the hard work of the peasant, on the other hand, in new for the traditional way of life of a particular cultural and historical incarnation of the hero – a national educator and political worker.

«Финно-угроведение», 2012, № 2

Лидия Сурнина
Сыктывкар

АСПЕКТЫ НАРОДНОГО ХАРАКТЕРА В СТИХОТВОРЕНИЯХ И.А. КУРАТОВА «ГӦЛЬ ЗОН» («ПАРЕНЬ-БЕДНЯК») И «ГРЕЗДСА НЫВ КАРСА БАРИНЛЫ» («ДЕРЕВЕНСКАЯ ДЕВУШКА ГОРОДСКОМУ БАРИНУ»)*

Отличительной особенностью поэзии И.Куратова является то, что он на протяжении всего творчества исследует быт и нравственные ценности коми крестьянина, те черты, которые были присущи характеру всего коми народа. Сопоставление существующих трактовок понятия «народный характер» позволяет предположить, что изучаемое явление существует на пересечении категорий «национальный характер» и «положительный герой», как бы синтезируя их основные особенности. Народный характер обычно связывается литературно-критическим сознанием с образом простого человека, представителя крестьянской среды. Исследователи творческого наследия И.А. Куратова не раз отмечали, что тема народа и судьба коми крестьянства занимает основное место в поэзии коми поэта: «поэзия поэта – это художественный памятник истории коми крестьянства середины XIX века, герой воплощает в себе лучшие черты народного характера», «воплощая лучшие черты, присущие народу, поэт прославляет трудолюбие, смелость и отвагу крестьянина в трудных обстоятельствах» (1).

Герои стихотворений «Гӧль зон» («Парень-бедняк») и «Грездса ныв карса баринлы» («Деревенская девушка городскому барину», 1862) являются представителями народа и яркими носителями его самобытной индивидуальности. Стихотворения являются программными и относятся к литературоведчески изученной части его лирики; о жанровой поэтике и особенностях образа героев писали А.Н. Федорова, В.Н. Демин, Н.В. Вулих (2; 3; 4).

В стихотворении «Гӧль зон» перед читателями возникает образ сельского бедняка, у которого пока нет ни своего дома, ни хозяйства, ни семьи. За кусок хлеба и миску горячего супа герой готов трудиться на более зажиточных односельчан. Бедность и бездомность воспринимаются им как закономерный промежуток жиз-

* Работа выполнена в рамках интеграционного фундаментального исследования, выполняемого в организациях УрО РАН «Литературные стратегии и индивидуально-художественные практики пермских литератур в общероссийском социокультурном контексте XIX – первой трети XX вв.».

ни, который не может помешать юноше чувствовать себя счастливым: ведь именно он притягивает взгляд сельской красавицы. Кудри и веселый характер, которыми наделила его природа (о родителях в стихотворении нет речи), воспринимаются им как компенсация всех недостатков собственной бедности и бездомности. Да и бездомен ли он? Бедность ли одолевает его думы?

Стихотворение построено в форме характерологического монолога героя. Автор не отступает на второй план, хотя и остается за текстом: он где-то рядом с героем, поддерживает его, соглашается с ним, хотя формально не выражает себя, полностью уступая слово персонажу. Это слово одновременно лаконично и эмоционально: стихотворение состоит из тридцати шести коротких строк, среди которых одиннадцать – восклицательные конструкции:

Энӧ полӧ –	Не бойтесь –
Ме мог олӧ:	Живите как я:
Менсьым керка, ылла	Мой дом улица (букв.)
Шонді ломтыштыӧ! (5).	Солнце согревает!

(Здесь и далее подстрочный перевод автора статьи).

В дополнение к «дому», отапливаемому солнцем, и «огороду» с крапивой, у парня полно домашнего скота («мӧс-вӧл» – коров и лошадей), только «содержатся» они в лесу: можно поймать, когда захочется. Особое преимущество парень находит в своей безденежности. «Мало серебра, больше скромности, – размышляет он, – разве счастлив тот, кто за деньги копает руду?!». Рабочие руки парня нужны всем, а значит, он всегда найдет себе кров и пищу, тем более что он готов жить и под небесной сенью, а веселье ему доставляет речная вода, пенистая и вкусная, как доброе пиво. В восьми строфах-четверостишиях постепенно обрисовывается целый мир, в котором счастливо живет парень-бедняк. Девятая, заключительная строфа неожиданна. Она тоже построена в виде восклицания, но эмоциональный тон совсем другой, противоположный настроению всех предыдущих частей монолога героя:

Сьыланкыным	Наша песня
Дженьыд сьылны:	Недолго поется:
Гажтӧмсӧ ог сьылӧ,	О плохом мы не поем,
Сиӧс сьӧлӧм кылӧ!	Его сердцем чувствуем!

Если первые восемь строф строятся от первого лица единственного числа, т.е. от лица самого персонажа, то в последней возникает форма множественного числа. Это вовсе не значит, что произносит ее не парень-бедняк. Можно догадаться, что именно он остается главным субъектом речи, но очень важно, что присоединяет к себе еще кого-то такого же, как сам, предпочитающего не петь песен о тяжелой доле бедняка, бездомной и бесхлебной жизни, т.е. не говорить об этом вслух, а может быть, и не думать.

Кто же этот «кто-то»; кем он может быть? Обратим внимание, что герой одинок лишь до поры: в шести начальных строфах стихотворения он говорит исключительно о себе и от своего имени, предлагая всем жить его «счастливой» жизнью

(не бойтесь, как я живите). Тем самым парень-бедняк отделяет себя от всех остальных, увеличивает расстояние между собой и сельским обществом, имеющим щи в печах и живущим в настоящих домах. Далее, в седьмой строфе, героем словно обронена фраза «ми вок» – «наш брат» (букв. «мы братья»), свойственная народной речи. «Ми вок» в коми языке, так же как и русский адекват, является устойчивым сочетанием, и, следовательно, в восприятии читателя стихотворения, т.е. фактически слушателя парня-бедняка, может восприниматься как языковая единица, придающая литературной речи оттенок просторечной живости, но не имеющая индивидуального, преднамеренно вкладываемого поэтом смысла. В нашем случае ситуация представляется другой: оброненная парнем-бедняком фраза «ми вок», конечно же, не случайна. Лишенный обстоятельствами семьи, отсутствие реальных братьев он восполняет подобными себе бедняками, желая видеть в них родных людей.

В завершающей строфе, т.е. в сильной для выражения авторского смысла позиции, вновь возникает форма множественного числа первого лица, на которую указывают категория притяжательности, выраженная суффиксом -ным («сьыланкыл**ным**» – наша песня, «сьыл**ным**» – нам петь), и с использованием глагола в соответствующей форме («ог сьылӧ» – не поем). Благодаря выше сказанному, монолог парня-бедняка о своей личной судьбе перерастает в песню о жизни его братьев – таких же бедняков, как он сам, а его собственный образ приобретает обобщающее значение.

В завершающей части стихотворения есть еще один фрагмент, заслуживающий внимания с точки зрения субъектного строя. Прежде чем монолог героя назван песней, в пределах двух стихов (восьмая строфа) меняется субъектная форма:

Абу эзысь,
Рамджык йӧзысь.
Юрси гӧгляссьӧма,
Ныв1ы мусаммӧма!

Нет серебра,
Скромнее людей.
Волосы завились,
Девушке полюбился!

До этого момента, как уже отмечалось, стихотворение строго выдержано в манере монолога от первого лица. Приведенный отрывок содержит глаголы в форме неочевидного прошедшего времени («гӧгляссьӧма» – на русский можно перевести как «завились», «говорят, что завились»; «мусаммӧма» – «полюбился», «говорят, что полюбился»), создающие эффект взгляда со стороны. Эта краткая характеристика героя может принадлежать и ему самому, и сельскому коллективу, который умеет ценить оптимизм бедного, но работящего парня, и самому поэту, который в этих словах присоединяется к народному мнению. Закономерно, что монолог героя приобретает статус песни – произведения, которое в коллективном слове выражает чувства и чаяния каждого отдельного человека, к этой песне приобщенного. Таким образом, вместе с парнем-бедняком, перечисляя недостающие в его жизни звенья, поэт обнаруживает всенародные представления о том, чем обязательно должен обладать человек – это семья, любимый человек, родной кров. Парень пока одинок, но по-народному перенося

превратности судьбы, умея быть терпеливым в несчастье, он сумеет быть счастливым в счастье. Вот почему, не имея ничего, кроме веселого характера и работящих рук, он и «полюбился девушке».

Последнее обстоятельство значительно отодвигает куратовского парня-бедняка от своих возможных литературных предшественников, героев знаменитых песен А.В. Кольцова и И.С. Никитина – Лихача Кудрявича и Бобыля. Перекличка образов коми и русских поэтов очевидна, однако их связь, на наш взгляд, основана не на близости, а, наоборот, на сопоставлении жизненных ценностей разных героев. В «Песнях Лихача Кудрявича» А.Кольцов разворачивает сюжет русской народной пословицы: «В хорошей жизни кудри вьются, а в плохой – секутся»; его герой – легкомысленный гуляка, самоуверенный баловень, верующий в свои кудри и к концу жизни проживающий свое счастье и удачу. Как справедливо замечает Н.В. Вулих, «Лихача Кудрявича Кольцова счастливым и несчастным делает судьба, неподвластная человеку» (4, с. 27).

И.Куратов же, хотя и явно отталкивается от кольцовских песен (на это указывает общее для обоих героев качество – молодецкое удальство, знаком которого являются кудри), противопоставляет «золотой доле» Лихача Кудрявича построенное своими руками счастье парня-бедняка. А.Кольцов усиливает в своем герое черту, свойственную персонажам русских сказок – невероятную удачливость: «По щучьему веленью / Все тебе готово», «Чего душа хочет, / Из земли родится; / Со всех сторон прибыль / Ползет и валится». И. Куратов словно спорит с таким представлением о человеческом счастье, противопоставляя везению и молодецкой удали Лихача Кудрявича оптимизм человека, укорененного в труде и потому имеющего надежду поправить безрадостное положение собственными силами. В отличие от кольцовских «песен», в коми стихотворении нет завершающих жизнь героя картин; вторая песня Кудрявича, рассказывающая о том, как посекла горесть-печаль его русые кудри, и остался он «никому не нужен», у И. Куратова сюжетной аналогии не нашла, но и без ответа не осталась. «К старикам на сходку / Выйти приневолят, / – Старые лаптишки / Без онуч обуешь; / Кафтанишка рваный / На плечи натянешь… / Тихомолком станешь за чужие плечи…» – таков драматический итог удалой жизни Лихача Кудрявича. Будущее парня-бедняка остается за строками И.Куратова, герой сам должен выбрать его, но поэт не остается безучастным к судьбе достойного счастья молодого человека и сулит ему счастливую семейную перспективу: «нывлы мусаммцма» – «девушке полюбился». Кудрявич тоже любим, но не одной-единственной девушкой, милой сердцу самого героя, а многими, «всеми»: его «речи-песни все девушки знают, и о кудрях зиму ночь не спят, гадают». За этой деталью жизни кольцовского героя прочитывается, скорее, народная фразеология, характерный для народной песни прием идеализации, а не реальная жизненная ситуация.

Сравнивая два стихотворения, бросается в глаза тяга А. Кольцова к народным поэтическим краскам: его текст изобилует просторечными выражениями, пословицами и поговорками, да и в целом его герой остается в рамках образа вольного удалого гуляки, воссозданного русской народной песней. Текст И.Куратова замет-

но строже. За редкими исключениями поэт осознанно избегает открытой фольклорности, т.е. речевых приемов, создающих ощущение народной речевой стихии. Примечательность этого стилевого отличия состоит в том, что «по-народному» у А.Кольцова говорит не столько сам герой, сколько повествователь. «Песни Кудрявича» написаны от третьего лица, текст которого включает и сознание героя. Таким образом, в общем для двух субъектов сознания монологе, автор оказывается в положении, подчиненном речевой манере героя. Если быть точнее, речь автора и героя имеют общее фольклорно-поэтическое происхождение, сливаясь в «песне». У И.Куратова совместная поэта и героя песня строится по-другому: в стихотворении «Гӧль зон» не автор принимает позицию героя, а, наоборот, парень-бедняк становится вровень с автором. Такое «разногласие» в субъектном оформлении текста И.Куратовым и А.Кольцовым объясняется несовпадением задач, которые ставились перед собой поэтами. Лихач Кудрявич – тип воспетого в русском фольклоре бесшабашного молодца, содержание образа которого А. Кольцовым расширено до типа социального. Этот переход ясно виден в окказиональных преобразованиях общенациональных пословиц в пословицы «крестьянские»: «Век прожить – не поле / Пройти за сохою», «От ее (злой беды) напасти / Не уйти на лыжах». Включенность героя в конкретную социальную среду усиливается описанием или называнием предметов крестьянского обихода: «То – скосило градом, То – сняло пожаром», «Старые лаптишки без онуч обуешь», «Кафтанишка рваный», «Бороду вскосматишь, Шапку нахлобучишь».

Для И.А. Куратова более актуально общенародное звучание образа парня-бедняка. В своем стихотворении коми поэт прибегает к форме самораскрытия молодого батрака, вовлекая в орбиту его рассказа детали сельского мира, и в то же время наделяет слово героя стилем, лишенным социальной привязанности. Вслед за словом точка зрения парня-бедняка на собственную судьбу воспринимается как свойственная не отдельному сословию, а в целом коми человеку. Автор и герой И.Куратова говорят на одном языке, живут под одним солнцем. Обращает на себя внимание вселенский размах жизни коми бедняка («дом мой весь бескрайний свет», а «солнце – моя печка») – на эту особенность мыслей героя уже обращала внимание Н.В. Вулих, как и на то, что в целом у И.Куратова поэтические образы природы крайне редки. Вкладывая в образ молодого бедняка черты общенациональные, этнические, поэт не мог игнорировать особую соритмичность жизни природы и коми человека с его включенностью в охотничье-земледельческую культуру.

С этой точки зрения парень-бедняк И.А. Куратова сродни бобылю И.С. Никитина, которому «ветер подпевает» и «рожь ...отдает поклоны». Очевидно, И.Куратову была близка горькая самоирония никитинского персонажа – обездоленного скитальца, над могилой которого одна лишь «буря проголосит». Явственные следы прототипичности «Бобыля» И.С. Никитина по отношению к куратовскому стихотворению видны и на уровне субъектного строя произведений – оба стихотворения строятся в форме «веселого» рассказа героев о собственной бедности. Тем не менее расхождения с И.Никитиным у И.Куратова принципиальны. В

образе Бобыля воспроизведен тип человека, который целиком подвластен сложившимся социальным обстоятельствам: не случайно автор наделяет его не только безрадостным настоящим, но и безрадостным будущим. Куратовский персонаж вырывается за пределы подчиненности человека несчастной судьбе (Кольцов) и социальному положению (Никитин). Парень-бедняк является носителем той же народной черты, которая воспета в стихотворениях русских поэтов: он способен возвыситься духом над обстоятельствами и принимает жизнь в любом ее обличье. В то же время он обладает качеством, которое не позволяет говорить о его бедности и одиночестве как непременной и непреодолимой участи. В отличие от своих литературных собратьев, куратовский персонаж – хозяин и архитектор собственной судьбы, что переводит его образ из фольклорно-песенной условности, свойственной А.Кольцову и распространенной в лирике И.Никитина «разговора-формулы» о бедняцкой доле, в сугубо реалистический план, имеющий свою историческую и национальную почву.

К образу парня-бедняка близка героиня стихотворения «Грездса ныв карса баринлы», что уже не раз было замечено куратоведами. Деревенская девушка является носителем того же народного характера, что и парень-бедняк. Они оба воспитанники крестьянского коллектива, понимающие свою деревенскую судьбу и принимающие жизнь такой, какая она есть. Так, подтверждением народности характеров, созданных И.Куратовым, для А.Н. Федоровой служат именно герои стихотворений «Гӧль зон» и «Грездса ныв карса баринлы» («Парень-бедняк» и «Деревенская девушка городскому барину»): «в таких поэтических образах угадываются душевные качества народного характера. Парень-бедняк и деревенская девушка привлекательны своим оптимизмом, верой в собственные силы…» (2, с. 75). В.Н. Демин находит в них «идеал человека», который был дорог И.А. Куратову (3, с. 63).

В стихотворении перед читателями возникает образ деревенской девушки, воспитанницы крестьянского коллектива, понимающей свою деревенскую судьбу и принимающей жизнь такой, какая она есть. Героиня отвергает ухаживания городского барина, предлагавшего ей переехать в город, обещая при этом достаток, спокойную и легкую жизнь. В заключительной строфе стихотворения читатель узнает, что у девушки есть любимый сельский парень, готовый защитить ее честь и достоинство: *Мый тэ ме выло сідз воан, Мича барин – сьӧлӧмшӧр? Весьшӧрӧ тай нюмыд петӧ, А ме ас пиӧ ог тӧр… Арталан-ӧ тэ, мый менам Абу дасьтӧм грездса зон? Мездас тіян вокысь, сӧмын Шуны кыв… Ой, бӧб морт, пов!* (Что ты на меня так смотришь, Хороший барин – сердечный? Напрасно мне ты улыбаешься, А я места себе не нахожу… Думаешь ли ты, что у меня Нет в деревне любимого? Он спасет от вашего брата, только Сказать слово… Ой, дурак, бойся!)

С точки зрения субъектной организации стихотворение построено как монолог-ответ девушки на предложение городского барина, посулившего взамен любви жизнь в городе: *«Мый тэ ме выло сідз воан»* – «Что ты на меня так смотришь», *«Эн тӧ видзӧд меным синмӧ»* – «Не заглядывай мне в глаза», *«Эн тэ чабрав киӧс мем»* – «Не хватай меня за руки», *«Сэні вежсян, роч кодь лоан»* – «В горо-

де будешь словно русский (т.е. посторонний – авт.)». Предложение барина, предшествующее ответному слову девушки, не оформлено в качестве самостоятельного монологического слова, о нем лишь можно догадаться из постоянных обращений девушки к своему собеседнику: *«Весьшӧрӧ тай нюмыд петӧ, Вешйы сэтшӧм сёрнинад, Ышмин, кокньыд барин, ышмин, Эн тэ видзӧд, Эн тэ чабрав, Он тэ окышт, Он тэ малышт»* (Напрасно мне улыбаешься, Отойди с такими разговорами, Расшалился, несерьезный барин, расшалился, Не смотри ты, Не хватай ты, Не поцелуешь ты, Не погладишь ты). Эти строки свидетельствуют об адресности монолога девушки: барин находится где-то рядом с ней.

Речь барина в преобразованном виде включена в монолог героини:

Видлы, шуан, карлысь кӧрсӧ;
Оз кӧ сьӧлӧм вылӧ во,
Бӧр мед муна муса грездӧ;
Некод кутысь сэк оз ло?

Попробуй, говоришь, вкус города;
И если не придется по сердцу,
Назад чтоб вернулась в милое село;
Никто удерживать меня не станет?

Здесь есть фрагменты реплик городского барина. *«Попробовать вкус города», «не придется по сердцу, вернешься обратно», «никто удерживать не станет»* – эти слова полностью можно отнести к его речи, к его взглядам, манере мышления, его представлениям о возможном счастье. Для героини же такая точка зрения недопустима: *Оз воны паныд тӧлысь шондiкӧд* (не сойдутся вместе никогда луна и солнце) – объясняет она. «Оз воны паныд тӧлысь шондiкӧд» – это устойчивое сочетание, народная поговорка, с помощью которого поэт стремится раскрыть национальное сознание героини (а может и коми человека вообще): уехать с барином – это все равно что нарушить закон природы, у каждого человека в жизни должно быть свое место. Перед читателями возникает образ деревенской девушки, понимающей свою судьбу и знающей себе цену. Таким образом, прочитав стихотворение, мы видим перед собой сцену с двумя участниками, у каждого из которых свой «монолог».

Н.В. Вулих отмечает, что на выбор темы и персонажей произведения «Грездса ныв карса баринлы» оказало влияние произведение Р.Бернса «Подруга угольщика» (4, с. 27). Ясно, что И.Куратов строит свое стихотворение, зная произведение шотландского поэта и даже отталкивается от него. По словам В.Н. Демина «коми поэт не только переводил …Бернса…, но и постоянно соотносил свою поэзию с поэзией» этого поэта, «в шотландском поэте И.А. Куратова привлекала предельная искренность самовыражения и естественность формы его стихотворений» (3, с. 11–13).

При сравнении стихотворений обнаруживаются различия в их субъектном строе. «My Collier Laddie» («Мой парень угольщик», 1792) Бернса – диалог девушки и богача, двух равноправных персонажей, что выражено в тексте графически:

«Whare live ye, my bonie lass?
And tell me what they ca' ye»
«My name,» she says, «is mistress Jean,
And I follow the Collier laddie»

«Где ты живешь, моя прекрасная девушка?
И скажи мне, как зовут тебя»
«Мое имя», сказала она, «Хозяйка Джин,
И я следую за парнем угольщиком»

Богач предлагает молодой девушке бросить друга угольщика и стать его любовницей. Взамен он сулит ей:

«See you not yon hills and dales	«Смотри на те холмы и долины
The sun shines on sae brawlie;	Солнце их прекрасно освещает;
They a' are mine, and they shall be thine,	Они мои, и они будут твоими,
Gin ye'll leave your Collier laddie»	Джин, если ты оставишь своего парня угольщика»

Героиня отказывается от богатств, т.к. платой за любовь, по ее мнению, может служить только ответная любовь и верность:

«Tho» ye had a' the sun shines on,	«Даже если ты будешь иметь сияние солнца
And the earth conceals sae lowly,	И все прелести земли,
I wad turn my back on you and it a',	Я бы повернулась бы к тебе спиной и всему этому,
And embrace my Collier laddie»	И обняла бы своего парня угольщика»
«Love for love is the bargain for me,	«Любовь за любовь – уговор для меня,
And fair fa' my Collier laddie!»	И не случайность, мой парень угольщик!»

«Холмы и долины» девушке и вовсе ни к чему, т.к. и без того дом влюбленных юноши и девушки – весь мир просторный («*And the warld before me to win my bread*» – «И мир передо мной, чтоб заработать свой хлеб» – заявляет героиня).

У обеих героинь (Бернса и Куратова) собеседником является богатый человек. Но если в стихотворении «Подруга угольщика» он является участником диалога, то о городской жизни героя стихотворения коми поэта мы узнаем не из его собственных слов, а из представлений девушки. Она останавливается на тех деталях городского быта, которые ей кажутся чужими:

Мем-ӧ югыд жыръясад	Мне ли в светлых комнатах
Вежнясьны да ручкуасьны?	Кривляться?
Мем оз тосяв кринолин,	Мне не подходит кринолин,
Шыльыд джодж вылад ме вильда,	На ровном полу я поскользнусь,
Эзысь кизьыд ёрас син...	Серебряная пуговица ослепит глаза…
Кодкӧд меным рочасьны?	С кем мне разговаривать по-русски?

Для героини Р. Бернса жизнь в доме богача – это лишение человека свободы: *«I can win my five pennies in a day, An» spen't at night fu' brawlie: And make my bed in the collier's neuk. And lie down wi' my Collier laddie»* (Каждый день могу заработать я свои пять грошей, И потратить за одну ночь, Одна кровать у меня в углу с угольщиком, И лежим вместе с парнем угольщиком). Куратовская девушка не относится отрицательно к городскому барину и городской жизни: *Зарни! Корсь тэ ассьыд пӧвтӧ, тэ понда, дерт, оз узь мӧд* (Золотой! Найди ты свою пару, из-за тебя, где-то, не спит другая). Она лишь говорит о себе и считает, что она, воспитанная в деревне, к городской жизни не пригодна.

В стихотворениях упоминается еще один герой – это возлюбленный молодой девушки. У шотландского поэта возлюбленный героини в целом остается за кадром – «мой парень угольщик» – из этой характеристики и узнает читатель о его существовании. В стихотворении коми поэта характеристика молодого человека

также дана с точки зрения героини. Однако у И.Куратова «закадровый» герой гораздо активнее, он почти действующее лицо. Здесь субъект речи – девушка – отодвигается на второй план, сознательно выдвигая на первый своего деревенского друга, что проявляется в доминировании личных местоимений 3-го лица *«сійӧ», «сійӧс», «сылы»* (он, его, ему), а также кратких, но логически ударных характеристиках, которые дает героиня своему возлюбленному:

Сійӧ мича, *сійӧ* мелі;
Сійӧ мездас менӧ, ён!
Сыысь окала ме *сійӧс*,
Сыысь пукта *сылы* лов!

Он красивый, *он* нежный,
Он спасет меня, сильный!
И за это целую я *его*,
И за это отдам *ему* свое сердце!

Куратовский парень может появиться в поле действия в любую минуту и отстоять свою любовь: *Мездас тіян вокысь, сӧмын / Шуны кыв… Ой, бӧб морт, пов!* (Он спасет от вашего брата, только / Сказать слово… Ой, дурак, бойся!). Молодая девушка Р.Бернса решает сама – остаться ей с угольщиком или стать владелицей нив и лесов.

Образ молодого человека – коми парня – создается в сравнении с городским барином: сравнивается красота охотника-крестьянина и красота барина. В описании внешности возлюбленного героини использованы оценочные эпитеты: *мича, мелі, ён* (красивый, нежный, сильный). При обращении девушки к барину также встречается эпитет *«мича»*. В этом случае *«мича»* – это не характеристика внешности барина, а почтительное обращение героини к другому человеку: *мича барин – сьӧлӧмшӧр, зарни* (хороший (букв.перевод: красивый) барин – сердечный, золотой). Следует отметить, что *сьӧлӧмшӧр* (буквально: середина сердца) – фольклорный метафорический образ самого дорого человека, троп, извечно и широко бытующий в народном причитании, плаче, коми песне, в данном случае является показателем уважительного отношения к другому человеку. В другом случае: *Выв ти мича тэ, ме ог лысьт / Тэнсьыд сьылі сывъявны* (Слишком красив ты, я не смею / Тебя за шею приобнять), девушка как бы с иронией говорит об ухоженной красоте и городской избалованности своего поклонника.

Так же как и у Р.Бернса, герои И.Куратова противопоставлены. Но у шотландского поэта герои – богатый человек, имеющий холмы и долины, прекрасные наряды, и подруга угольщика, имеющая «мир просторный», находятся в одной пространственной точке, вероятнее всего – в доме богача, куда и доставляется уголь – об этом можно догадаться. Пространственная прикрепленность героев И.Куратова выражена более четко уже в названии стихотворения «*Деревенская* девушка *городскому* барину». У коми поэта пространство барина – это город, он городской житель, пространство героини – это ее «муса грезд» – милое, родное село, которое она никогда не покидала. Действие в стихотворении происходит в пространственной «зоне» героини: барин – приезжий человек и не обладает здесь правом на свое слово. Вот почему куратовское стихотворение, в отличие от своего литературного прототипа, строится не как диалог, а как монолог девушки. У куратовских героев есть свое пространство: он – не весь свет (как у Бернса) и у него есть вполне

реальные границы – родная деревня, сельский мир с его законами. Отказывая барину, коми девушка защищает не только свою честь, но и ценности родного ей мира.

И.А. Куратовым была создана целая галерея народных типов, вольных охотников и землепашцев, деревенских стариков и старух, юношей и девушек, воплотивших представления поэта о нравственно-мировоззренческих чертах коми.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Микушев А.К.* На таежных просторах. – Москва: Современник, 1986.

2. *Федорова А.Н.* И.А. Куратов. Очерк жизни и творчества. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960.

3. *Демин В.Н.* Рифмою крылатой свяжем строки. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999.

4. *Вылих Н.В.* Поэзия добра и света. Лирика И.А. Куратова и некрасовская школа. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1994.

5. *Куратов И.А.* Художественные произведения. Т. 1. – Сыктывкар, 1939.

Lidiya Surnina

ASPECTS OF THE NATIONAL CHARACTER IN THE POEM OF I.A. KURATOV «POOR GUY» AND «THE RURAL GIRL TO THE CITY RICH PERSON»

Author of article analyses I.A. Kuratov's poems «Poor Guy» and «The Rural Girl to the City Rich Person». The poems have the form of a monologue of the heroes. The structure of monologue includes consciousness of the author acting as the carrier of national tradition of Komi. Throughout creativity I.A. Kuratov created a gallery of popular types, voluntary hunters and farmers, village elders and women, boys and girls, which embodied representation of the poet's about moral and world viewed terms of Komi.

«Финно-угроведение», 2012, № 2

Татьяна Уткина
Саранск

ТРАДИЦИИ И ОБЫЧАИ МОРДОВСКОГО НАРОДА В СКАЗКАХ Н.А. ПОДГУРСКОЙ

В различные эпохи у творцов вырабатывается общий подход к таким понятиям, как традиции, обычаи, культура, история, становящимся предметом изображения, а также задачей художественного творчества. С этой точки зрения сказочное творчество современной писательницы Мордовии Надежды Подгурской не может не заинтересовать исследователей.

В сборник мордовских сказок писательницы Надежды Подгурской под названием «Семилыковые лапотки» (1, с. 70) вошли шесть произведений автора. В них раскрывается мастерство и рукоделие народных умельцев, обряды и обычаи наших предков («Семилыковые лапотки», «Дочь лесника»). Автор также затрагивает тему единения человека и природы родного края («Загадочное озеро», «Нуя и Улюта»). Сказочное творчество учит любить и уважать своих предков и свою малую родину. Из сказок мы узнаем подробности о героях и сказочных персонажах, о мордовских костюмах, традициях и обычаях родного народа.

Сборник мордовских сказок Н.А. Подгурской интересен своей простотой, за которой скрываются сложные переплетения фольклора и мифологии с обыденностью жизни простого народа, проживающего в Мордовии. Пожалуй, в каждой из сказок автор затрагивает тему единения человека и природы родного края, что очень актуально звучит в наше время. В сказочных произведениях четко определена авторская позиция: добрые качества положительных героев вызывают не только восхищение, но и чувство долга перед старшими; раскрывается зло и коварство отрицательных героев.

Н.А. Подгурская продолжает лучшие традиции сказочного творчества писателей-сказочников, черпая свои сюжеты из современной действительности и основывая их на фольклорных и мифологических источниках устного народного творчества мордовского народа.

Особый интерес представляет специфика изображения традиций и обычаев мордовского народа в сказочных произведениях писательницы. В одних случаях они просты и покоряют своей непосредственностью: «Любит Вирява иногда подшутить над девушками, что в лес приходят по грибы да по ягодки. Заманит бедняжку в чащу лесную и водит по кругу, аукает, играет с той в кошки-мышки, пока

не надоест. Потом сама же и выведет на тропу, что ближе к дому» (1, с. 3). Другие же легенды-вставки более сложны, поражают логичностью, своеобразием вплетения в канву сказочного жанра. Иллюстрируя народную мудрость: «в добрых руках нож настоящие чудеса творит, а если к недоброму человеку попадет – жди беды» – мордовская писательница приводит древнюю историю о том, что «жил в нашем селе ленивый и завистливый мужик. Звали его Лукьян. Все допытывался у мастера, как это у того все ладно да скоро получается. Вот однажды не удержался Лукьян и выкрал у моего прадеда нож. Принес домой, решил попробовать нож в работе: ковш смастерить. Да только не стал нож послушным, вырвался из рук и ну змей из дерева вырезать. А змеи те вмиг ожили! Глазищами желтыми сверкают гневно, ядом брызжут, шею плотным кольцом охватывают. Словом, нагнали на вора страху! Бедный Лукьян и слова вымолвить не может. Хорошо, что жена его смышленей мужа оказалась – прибежала к прадеду, в ноги кинулась, стала прощения за муженька своего непутевого просить. Пришел тогда прадед мой в дом Лукьяна, взял свой ножик, и тут же все змеи превратились в обычную мелкую щепку. Так-то, доченька, каждая вещь свою душу имеет и свой норов!» (1, с. 3).

Сказка «Сватовство Медведя» изобилует рассказами о народных обычаях «... обойду место будущей избы с полным горшком каши, чтобы в новом доме, как и в старом, были мир и согласие, любовь и достаток» (1, с. 3).

Заметим, содержание сказок Н.А. Подгурской не вписано в реальное пространство и время, однако ее сказка сохранила жизненное правдоподобие, наполнилась правдивыми бытовыми деталями. Сохраняя традиционность, современные сказки Мордовии отражают исторические и природные условия жизни мордовского народа: в то же время сюжетные типы большинства сказок интернациональны. В основе части сказок лежит антитеза между мечтой и действительностью, которая получает полное, но утопическое разрешение. Персонажи сказок контрастно распределяются по полюсам добра и зла, их эстетическим выражением является прекрасное и безобразное. Сюжет большинства сказок строго последователен, одно-линеен, развивается вокруг главного героя, победа которого обязательна. Герои сказок, внутренне статичные образы – типы, полностью зависят от своей сюжетной роли, раскрываются в действии: сказки максимально используют время как художественный фактор, выражая этим свою эпическую сущность. Сказки обладают предельно ясной композицией, специфика которой определяется членением сюжета на мотивы. В композиции развит принцип повтора. Главный структурный принцип сказок Н.Подгурской заключается в том, что центральный мотив соответствует кульминации. Другие мотивы по отношению к сюжету являются либо закрепленными, либо свободными. Мотивы излагаются как лаконично, так и в развернутом виде.

На наш взгляд, дальнейшее развитие мордовской литературной сказки не может быть не связано с именем Н. Подгурской, которая показала, что древняя история может быть захватывающим воображение материалом для создания сказочного произведения. Она показала, что прошлое совсем не похоже на настоящее.

Отсюда в современных мордовских литературных сказках описание старинных легенд, народных обычаев, праздников, одежды, еды, оружия и т.д. В ее творчестве важную роль играют обработанные легенды, предания, поверья, которые мастерски вплетаются в сказочную ткань повествования, придавая особый колорит.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Подгурская Н.А.* Семилыковые лапотки: мордовские сказки. – Саранск, 2010.

Tatyana Utkina

THE TRADITIONS AND CUSTOMS OF MORDVINIAN PEOPLE OF IN TALES OF N.A. PODGURSKAYA

The author of the article analyzes the collection of fairy tales of N. Podgurskaya. In her tales the story of the ancient traditions and customs of the people of Mordovia takes up great place. N.A. Podgurskaya continues the best traditions of fabulous art, drawing her subjects from contemporary reality and basing on mythological sources of Mordvinian people folklore.

ПЕРСОНАЛИИ

Наталья Гуляева,
Светлана Сажина
Сыктывкар

ЖИЗНЬ В НАУКЕ: К 70-ЛЕТИЮ В.А. ЛЯШЕВА

7 февраля 2012 г. исполнилось 70 лет со дня рождения известного коми лингвиста, финно-угроведа, замечательного ученого и педагога, скромного и отзывчивого человека Владимира Александровича Ляшева.

В.А. Ляшев родился в 1942 г. в с. Визинга Сысольского района в семье колхозников. После окончания средней школы поступил на историко-филологический факультет Коми государственного педагогического института (1960–1964 гг.). Уже тогда он проявлял большой интерес к родному языку и литературе.

В 1964 г. В.А. Ляшева призвали на военную службу. После возвращения из армии он шесть лет преподавал коми и русский язык в школах Сыктывдинского района. Но любовь к родному языку привела его в филологическую науку, где В.А. Ляшев проявил разносторонние способности и таланты как ученый и педагог. В 1971 г. он поступил в аспирантуру Коми филиала АН СССР по специальности «финно-угорские языки». Тогда же Владимир Александрович познакомился с В.И. Лыткиным, доктором филологических наук, профессором, который стал его научным руководителем и сыграл огромную роль в становлении ученого. В.А. Ляшев всегда относился с глубокой признательностью и уважением к своему наставнику.

В 1977 г. на заседании специализированного совета по защите диссертаций при Тартуском государственном университете В.А. Ляшев успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка» (1). Данная работа является наиболее крупной и важной в научном наследии ученого. В ней он осветил особенности фонетики и морфологии вымского диалекта, его связи с соседними диалектами. В основу исследования фонетического строя были положены экспериментальные данные: методом прямого палатографирования и лингвографирования информантов проверялась система звукового инвентария, измерялась долго-

та гласных, проводился инструментальный анализ звуков в спонтанной речи, уточнялись различные ассимилятивные явления в вокализме и консонантизме с целью выявления степени модификации звуков в дистрибуционных отношениях. Палатализация некоторых согласных проверялась рентгенографированием. В диссертации также подробно изложена грамматическая структура вымских говоров. Исследование было написано на основе богатого полевого материала, собранного в ходе многочисленных диалектологических экспедиций.

С 1974 по 1987 гг. В.А. Ляшев работал научным сотрудником в Институте языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. С первых же дней в институте он активно включился в лингвистические исследования. За годы работы показал себя вдумчивым и способным ученым.

Одним из первых В.А. Ляшев начал изучать диалекты коми языка методами лингвистической географии, что было связано с его непосредственным участием с 1976 г. в крупном международном проекте «Лингвистический атлас Европы» (ЛАЕ). В задачи проекта входило выявление соотносительных черт языков индоевропейской, финно-угорской, кавказской, алтайской, семитской семей в их диалектных разновидностях. В.А. Ляшев подготовил и предоставил материалы для ЛАЕ по коми-зырянским диалектам. Результаты проделанной работы изложены в его научных отчетах (2; 3) и статьях (4; 5; 6). В работе «Лингвогеографический аспект в пермской лексикологии», написанной им совместно с удмуртским лингвистом Р.Ш. Насибуллиным (5), представлены лексический материал по трем пермским языкам и две пробные карты для ЛАЕ. Лингвистические карты коми названий солнца *'шонді'* и кармана *'зеп'* являются первым опытом лингвогеографического сопоставления лексики диалектов трех языков.

Впервые в работах В.А. Ляшева были подняты вопросы поиска адекватных ареальных единиц описания и диалектного районирования коми языка (7; 8). В частности, основываясь на таких важнейших чертах, как модификация *л-в-ш*, наличие среднерядных лабиальных гласных типа вишерского и язьвинского, исследователь в диалектном пространстве коми языка предварительно выделил пять крупных ареальных образований: 1) *южная* диалектная зона (южнопермяцкие говоры); 2) *восточная* диалектная зона (язьвинский диалект и цепь вычегодских говоров с лабиальными); 3) *северо-западная* диалектная зона (удорский, нижневычегодский, присыктывкарский диалекты); 4) *северная* диалектная зона (ижемский и вымский диалекты); 5) *центральная* диалектная зона (сысольский, лузско-летский бассейны, Верхокамье). По замечанию В.А. Ляшева, «предложенное районирование носит предварительный характер и служит вероятной возможностью моделировать некоторые процессы языковых изменений и понять динамику развития» (7).

В научном наследии В.А. Ляшева немало исследований, посвященных вопросам исторической диалектологии коми языка (9; 10; 11; 12). Большую научную ценность имеет работа «Диалектное членение древнекоми языка», в которой ученый охарактеризовал диалектное членение древнекоми языка эпохи средневековья (9).

Научное творчество В.А. Ляшев успешно совмещал с преподаванием в Сыктывкарском государственном университете на кафедре коми языка и литературы. Читал основные и специальные курсы, руководил курсовыми и дипломными работами, сотрудничал с коллегами из Удмуртского государственного университета, выезжал для чтения лекций в Ижевск и Будапешт (1982 г.). Ученый внес большой вклад в организацию и проведение XV Всесоюзной конференции финно-угроведов в 1979 г., VI Международного конгресса финно-угроведов в 1985 г.

С конца 80-х начинается новый этап в творческой деятельности В.А. Ляшева. С 1987 г. он доцент Института усовершенствования учителей. В 1989 г. в Институте была создана кафедра коми языка, литературы и культуры, которую возглавил В.А. Ляшев. Он руководил работой по разработке образовательных программ и спецкурсов по коми языку для детских садов, неполных и средних школ, побывал во многих сельских школах, вел открытые уроки.

Долгое время В.А. Ляшев был членом термино-орфографической комиссии при Министерстве по делам национальностей Коми Республики, вел активную деятельность по внедрению новой коми лексики в язык учебников и методических пособий.

В.А. Ляшев – автор более 80 научных работ: разделов в учебниках и словарях, статей и учебных пособий. Статьи исследователя были опубликованы в республиканских, центральных и зарубежных изданиях. Владимир Александрович писал для журналов «Советское финно-угроведение», «Финноугристика», сборников научных трудов Института языка, литературы и истории, журнала «Войвыв кодзув», активно печатался в республиканских и районных газетах. В.А. Ляшев является соавтором таких крупных коллективных изданий, как «Словарь антонимов коми языка», «Школьный этимологический словарь коми языка», «Коми язык. Энциклопедия», Республика Коми. Энциклопедия» в трех томах, учебник для национальных школ «Коми кыв» для 8–9 классов и др. Много рукописных работ хранится в Научном архиве Коми научного центра УрО РАН.

В последние годы жизни Владимир Александрович огромное значение придавал преподавательской работе, словно стремясь как можно больше сил и знаний дать молодому поколению, передать ему свой опыт и энтузиазм.

13 апреля 1999 г. Владимира Александровича не стало…

В.А. Ляшев, будучи человеком чрезвычайно скромным, не был отмечен высшими почестями и наградами, но все же он является подлинной гордостью Института языка, литературы и истории и Института усовершенствования учителей. В.А. Ляшев был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Коми АССР, имел звания «Ветеран труда» и «Отличник народного просвещения».

Самоотверженным тружеником науки, замечательным лектором, добрым и искренним человеком он останется в благодарной памяти своих коллег, учеников и всех тех, кто его знал.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Ляшев. В.А.* Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка. Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 218. – Сыктывкар, 1977.

2. *Ляшев В.А.* Заключительный отчет по теме «Лингвистический атлас Европы. Первый вопросник. Ономасиология. Основной словарный состав. Т.1». НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 269. – Сыктывкар, 1980. 291 л.

3. *Ляшев В.А., Бараксанов Г.Г.* Лингвистический атлас Европы. Первый вопросник – этимологии, грамматические комментарии. Второй вопросник – синтаксис коми-зырянского языка. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 336. – Сыктывкар, 1985. 315 л.

4. *Ляшев В.А.* Опыт картографирования коми диалектологического материала в европейском атласе // Вопросы лексикологии коми языка. Тр. Ин-та яз., лит. и истории Коми фил. АН СССР. Вып. 22. – Сыктывкар, 1979.

5. *Ляшев В.А., Насибуллин Р.Ш.* Лингвогеографический аспект в пермской лексикологии // Вопросы лексикологии и словообразования коми языка. – Сыктывкар, 1984.

6. *Ляшев В.А.* Межъязыковая лингвогеография и вопросы истории коми языков. НА КНЦ УрО РАН. Ф.5. Оп. 2. Ед. хр. 434. – Сыктывкар, 1987. 19 л.

7. *Ляшев В.А.* К вопросу о диалектном районировании языков // Пермистика: вопросы диалектологии и истории пермских языков: Сб. ст. – Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 1987.

8. *Ljaschev W.A.* Die Probleme der Komi Sprachgeographie // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т.2. – М., 1990.

9. *Ляшев В.А.* Диалектное членение древнекоми языка. – Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1980.

10. *Ляшев В.А.* Вопросы коми-зырянского лингвоэтногенеза // Сущность, функции и развитие языка. – М.: Наука, 1987.

11. *Ляшев В.А.* Верхневычегодский диалектный ареал в этногенетическом аспекте // Проблемы этногенеза народа коми. Тр. Ин-та яз., лит. и истории Коми фил. АН СССР; Вып. 36. – Сыктывкар, 1985.

12. *Мурыгин А.М., Королев К.С., Ляшев В.А.* Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья. Науч. докл. / Коми фил. АН СССР; Вып. 105. – Сыктывкар, 1984.

«Финно-угроведение», 2012, № 2

Елена Мокшина
Саранск

К 75-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ И.М. ПЕТЕРБУРГСКОГО

Иван Митрофанович Петербургский – известный в Мордовии и за ее пределами ученый – археолог, историк, краевед, специализирующийся на изучении древней и средневековой истории мордвы и других финно-угорских народов Среднего Поволжья, автор более 150 научных, научно-популярных и учебно-методических работ.

Родился Иван Митрофанович 10 июля 1937 г. в мокша-мордовском селе Старое Синдрово Старосиндровского района (ныне Краснослободский район) Мордовской АССР (ныне Республика Мордовия) в семье колхозников. Среднее образование получил в школе родного села, по окончании которой в 1956 г. был призван в ряды Советской Армии. Служил И.М. Петербургский в танковых войсках в должности командира танка в Средней Азии. Во время службы с большим интересом и природной любознательностью воочию знакомился с историей и культурой древнейших красивейших городов Средней Азии – Бухары, Самарканда, Ашхабада, поразивших воображение юноши, и это оказало весомое влияние на выбор будущей гражданской профессии – историка-археолога. В 1959 г. после окончания службы И.М. Петербургский поступил на историко-филологический факультет Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.

Во время учебы в университете Иван Митрофанович начинает приобщаться к археологии. В составе Поволжской археологической экспедиции, которой руководили известные археологи из Москвы А.П. Смирнов и Г.А. Федоров-Давыдов, студент Петербургский принимал участие в раскопках столицы Золотой Орды города Сарая-Берке, сарматских курганов на Нижней Волге. Особое влияние на формирование научных интересов И.М. Петербургского оказал доктор исторических наук, профессор Г.А. Федоров-Давыдов, дружба и сотрудничество с которым длилось многие годы.

После окончания Мордовского госуниверситета в 1964 г. И.М. Петербургский получает диплом по специальности учителя истории и обществоведения и направляется директором и учителем в восьмилетнюю школу мокша-мордовского села Польское Цыбаево Темниковского района Мордовии, где проработал два года. Во время работы в школе И.М. Петербургский продолжал археологические изыскания, участвуя в раскопках Итяковского городища, расположенного в Темниковском районе Мордовии, в составе Поволжской археологической экспедиции, руководимой Г.А. Федоровым-Давыдовым.

В 1966 г. И.М. Петербургский переходит на работу в Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева на должность лаборанта кафедры истории СССР, а затем избирается ассистентом указанной кафедры. В это время он активно занимался научными изысканиями, участвуя и руководя работой многих археологических экспедиций по раскопкам Шокшинского могильника Теньгушевского района Мордовии, Волчихинского, Абрамовского могильников Нижегородской области, проводя археологические разведки на территории Мордовии, а также в Арзамасском и Лысковском районах Нижегородской области.

В 1970 г. И.М. Петербургский поступил в очную аспирантуру Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР (ныне НИИГН при Правительстве РМ) по специальности «археология». А уже в 1973 г. защитил в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова кандидатскую диссертацию на важную и мало изученную тогда тему «Хозяйство мордвы в I – начале II тысячелетия н.э.».

В своей диссертационной работе на данных археологии, многие из которых были добыты им самим в ходе многолетних экспедиций, И.М. Петербургский показал, что хозяйство мордвы в указанный период было комплексным. Наряду с земледелием и скотоводством, сохранившими важное значение, развивались охота, рыболовство и бортничество. Мотыга как основное орудие обработки почвы во второй половине I тыс. н.э. заменяется более совершенными орудиями (наральником, сошником, плужным лемехом). Каменная зернотерка в VI–IX вв. сменяется каменными жерновами. Усовершенствуется серп – основное орудие по уборке хлебов.

В рассматриваемый период, как отмечает Петербургский, судя по остеологическим материалам, важную роль в хозяйстве мордвы занимало скотоводство. Были известны все виды важнейших сельскохозяйственных животных: крупный и мелкий рогатый скот, свинья, лошадь. Некоторые животные, как лошадь и, возможно, крупный рогатый скот, использовались не только на мясо, но и в качестве тягловой силы. Продукты охоты и бортничества (мясо, мех, мед, воск) употреблялись как в личном хозяйстве, так и для обмена с соседними племенами.

Развитие земледелия, сельскохозяйственных промыслов способствовало совершенствованию навыков металлургии и металлообработки. Железо мордва варила из болотных и дерновых руд. Наличие такого сырья обнаружено повсеместно при раскопках поселений на этнической территории мордвы. Металлурги изготовляли различные виды стали: сырцовую, цементированную и, возможно, легированную. По свидетельству Петербургского, древнемордовские кузнецы в совершенстве владели навыками обработки горячего металла, знали технику цементации как готовых изделий, так и заготовок, способ горячей сварки железа и стали в одном предмете. Известна была им и термическая обработка готовых изделий не только частичная, но и общая. Большой объем знаний, связанных с обработкой металла, степень мастерства в выполнении сложных кузнечных работ говорят о том, что древнемордовские кузнецы в конце I тыс. н.э. выделились в общине и ремесленная деятельность стала их главным занятием.

Изученные Петербургским археологические материалы свидетельствуют о высокой культуре мордовского ювелирного производства. Сырье для него завозилось с Прикамья в виде готовых украшений и слитков. При изготовлении украшений мордовские ювелиры в основном применяли литье, ковку, литье-пайку. Дальнейшее развитие в I – начале II тыс. н.э. получили и другие производства (обработка дерева, кожи, кости, прядение и ткачество, гончарство). Появление ремесла способствовало развитию обмена. Мордва торговала с югом, арабским Востоком, Прикамьем, Волжской Булгарией, алано-хазарским миром, Древней Русью. Археологические материалы, добытые Петербургским, убедительно показывают, что хозяйство мордвы в рассматриваемый период находилось примерно на том же уровне, что и у соседних племен.

В 1974 г. И.М. Петербургский, будучи кандидатом исторических наук, был избран на должность старшего научного сотрудника отдела археологии и этнографии, а с 1979 г. по 1997 г. заведовал отделом археологии и этнографии Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Правительстве РМ. Под его руководством сотрудниками и аспирантами отдела проводились масштабные археологические работы на территории Мордовии, Рязанской, Нижегородской областей. Велись раскопки Шокшанского, Кадомского, II Журавкинского, II Старобадиковского, Польно-Ялтуховского, Чулковского могильников. Велись археологические работы в зоне строительства оросительно-осушительных систем в Атяшевском, Кочкуровском, Октябрьском и других районах Мордовии.

Этнографы отдела проводили масштабные экспедиции по изучению мордвы в Самарской, Оренбургской областях, Алтайском крае. Итогом этих многолетних работ явились изданные книги «Мордва (историко-этнографические очерки)» (Саранск, 1981), «Социалистический быт мордовского села» (Саранск, 1986), «Мордва Заволжья» (Саранск, 1994), а также большая серия трудов по археологии и этнографии.

Во многом работы археологов и этнографов отдела в годы, когда им руководил И.М. Петербургский, легли в основу опубликованных позднее фундаментальных изданий – многотомной серии «История Мордовии в лицах», двухтомной энциклопедии «Мордовия» (Саранск, 2003; 2004), «Мордва. Историко-культурные очерки» (Саранск, 1995), «Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа» (Саранск, 2004; 2006), разных учебников и учебных пособий по истории Мордовии и др.

В то же время И.М. Петербургский проводил раскопки Второго Журавкинского, Второго Старобадиковского могильников Зубово-Полянского района, поселения у пос. Клюквенный Краснослободского района, Стародевичьенского могильника Ельниковского района Мордовии и Старобадиковского поселения. На исследование этих памятников он затратил 20 полевых сезонов. Не прерывал своей педагогической деятельности И.М. Петербургский и в Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева, вел занятия по археологии и истории Мордовии у студентов исторического отделения, руководил археологической практикой студентов Тамбовского и Пензенского госпединститутов.

С 1994 г. по 2001 г. И.М. Петербургский становится заместителем директора по научной работе Научно-исследовательского института языка, литературы,

истории и экономики при Правительстве РМ. Он непосредственно занимался через аспирантуру института подготовкой научных кадров, выпуском печатной научной продукции отделами института. Его аспиранты защитили две диссертации по специальности «археология» (В.Н. Аксенов «История населения Мокшанско-Вадского междуречья в VIII–XI вв.» (2001 г.) и О.В. Седышев «Снаряжение верхового коня древней мордвы в III – XIII вв.» (2004 г.).

В 2002 г. И.М. Петербургский перешел на постоянную работу в Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, где был избран на должность доцента, а с 2011 г. профессора кафедры дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии Историко-социологического института. Он читает студентам по специальности «История» курс лекций по археологии, ведет спецсеминар по археологии Мордовии, руководит курсовыми и дипломными работами, полевой археологической практикой и археологическим научным кружком. В те годы И.М. Петербургский проводил археологические раскопки со студентами ИСИ МГУ им. Н.П. Огарева Звягинского городища Вачинского района Нижегородской области, поселения и могильников у г. Мурома Владимирской области, поселений в окрестностях пос. Ахуны г. Пензы Пензенской области.

И.М. Петербургский участвует в разработке учебно-методических изданий кафедры дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии. Совместно с коллегами им были подготовлены материалы для учебно-методического пособия «История первобытного общества. Археология. Этнография (Этнология). Антропология. История Мордовии» (Саранск, 2007), учебника 6 класса общеобразовательных учреждений «История и культура мордовского края с древнейших времен до XVII в.» (Саранск, 2009), книги для чтения «История и культура мордовского края. Тайны происхождения мордвы и ее единения с народами Российского государства» (Саранск, 2010) и др.

И.М. Петербургский принимал участие в работе многих крупных научных форумов – международных конгрессах историков финно-угроведов в г. Оулу (Финляндия, 1993 г.), г. Сомбатхей (Венгрия, 1995 г.), г. Сыктывкар (Республика Коми, 1985 г.); Всесоюзных конференциях, посвященных итогам полевых исследований в городах Тбилиси (1970 г.), Самарканд (1972 г.), Москва (1974 г.); Поволжских археолого-этнографических совещаниях в городах Казань (1974 г.), Уфа (1976 г.); многих международных, всероссийских и региональных конференциях в Саранске, Пензе, Сарове и других городах, регулярно проводимых в Мордовии Огаревских, Сафаргалиевских, Меркушкинских, Степановских, Жигановских, Краеведческих, педагогических чтениях.

Последние годы научная работа И.М. Петербургского стала очень плодотворной. Заведующий кафедрой дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии доктор исторических наук, профессор Н.Ф. Мокшин часто шутит по этому поводу, что «у Петербургского открылось второе дыхание». Накопленные в течение многих десятилетий экспедиционной работы материалы легли в основу серии монографических работ ученого: «Вадская мордва в VIII–XI вв.» (Саранск, 2006), «Древние памятники на реке Ляча» (Саранск, 2008), «Мордва Среднего Примокшанья в XI–XIV вв.» (Саранск, 2009), «Второй Журавкинский могильник» (Са-

ранск, 2010), «Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв.» (Саранск, 2011). В этих и других работах ученый исследовал многие актуальные проблемы этногенеза и этнической истории мордовского народа, значительно расширил их источниковую базу.

И.М. Петербургский стоял у истоков образования археологического музея в Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева, открытого в 1965 г. по инициативе известного археолога А.В. Циркина. По сей день Иван Митрофанович является главным консультантом этого музея. Постоянно помогает он в археологических вопросах и сотрудникам Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея (Национального музея Республики Мордовия), давая ценные советы и консультации. К юбилею ученого они планируют открыть выставку, посвященную жизни и деятельности И.М. Петербургского.

В рамках осуществляемой научно-педагогической деятельности И.М. Петербургский большое внимание уделяет совершенствованию своего профессионального уровня. На базе Института повышения квалификации и переподготовки кадров МГУ им. Н.П. Огарева он проходил повышение квалификации по направлениям «Психолого-педагогические проблемы в профессиональной деятельности преподавателей высшей школы» (2004 г.) и «Инновационный процесс ВПО» (2009 г.). Сам преподает в этом Институте, читает лекции преподавателям вузов по актуальным проблемам археологии Мордовии.

И.М. Петербургский ведет активную общественную деятельность, являясь заместителем председателя Мордовского отдела Русского географического общества, заместителем председателя общественной организации «Краеведы Республики Мордовия», членом государственной экспертной комиссии при Министерстве культуры Республики Мордовия по особо ценным объектам культурного наследия народа, проживающего на территории РМ.

Он часто выступает по радио и телевидению, на страницах газет и журналов по различным вопросам древней и средневековой истории, археологии, краеведения, финно-угроведения. Фактически на сегодняшний день И.М. Петербургский является патриархом археологической науки Мордовии, ибо все другие археологи являются его учениками.

За большой вклад в развитие гуманитарного образования в Республике Мордовия И.М. Петербургский был награжден почетными грамотами Президиума Верховного Совета Мордовской АССР (1982 г.), Правительства Республики Мордовия (1997 г.), Государственного Собрания Республики Мордовия (2004 г.), многими грамотами и благодарностями. За заслуги в научно-педагогической деятельности ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Мордовской ССР» (1992 г.). В 1996 г. И.М. Петербургский был избран членом-корреспондентом Международной академии информации.

И.М. Петербургский – добрый, умный, скромный, отзывчивый, внимательный, порядочный, принципиальный и обязательный человек, большой профессионал, влюбленный в археологию, настоящий патриот мордовского народа. Он активен, полон энергии и новых замыслов. Так пожелаем ему крепкого здоровья, долгих лет жизни, благополучия и успехов во всех начинаниях!

«Финно-угроведение», 2012, № 2

Валерий Морозов
Йошкар-Ола

ПЕДАГОГ, УЧЕНЫЙ, РЕКТОР: К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.Я. АНТИПИНА

Вся жизнь доцента Антипина Аркадия Яковлевича связана с системой народного образования. Он прошел почти все её ступени: учитель и заведующий начальной школы, учитель средней школы, ассистент, старший преподаватель вуза, доцент, ректор Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской. Трудился в Марийском политехническом институте им. М.Горького, руководил партийным комитетом вуза.

А.Я. Антипин родился 8 сентября 1937 года в деревне Чодраял Куженерского района Марийской АССР в семье колхозника. Учился в Нур-Солинской и Иштымбальской начальных, Больше-Царанурской семилетней школах. В 1953 году поступил в Ново-Торъяльское педагогическое училище. В 1957 году получил диплом учителя начальных классов Йошкар-Олинского педучилища. В том же году был направлен на работу в отдаленную Мари-Олминскую начальную школу Куженерского района в качестве учителя и заведующего. Через три месяца был призван в ряды Советской Армии, служил три года в авиационных частях. После демобилизации в 1960 году два года работал учителем физической культуры и начальных классов в Юледурской средней школе Куженерского района. Но Аркадий Яковлевич решил продолжить учебу в вузе, получить высшее образование.

В 1962 году он поступил в Марийский государственный педагогический институт им. Н.К. Крупской на историко-филологический факультет на отделение истории. Он с большой теплотой вспоминает своих преподавателей – С.П. Захарову, М.И. Михеева, З.И. Равкина, В.М. Тарасову, И.Р. Фишер, В.И. Юшкова, декана А.В. Хлебникова. Учёбу совмещал с общественной работой: избирался членом партийного бюро факультета, участвовал в спортивных соревнованиях факультета и института.

После окончания института в 1966 году был оставлен в вузе в качестве ассистента кафедры истории КПСС. В 1969 году Аркадий Яковлевич поступает в аспирантуру при этой же кафедре. Здесь он прошел серьёзную научную школу под руководством доктора исторических наук, профессора А.В. Хлебникова. В результате в 1974 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Деятельность Марийской организации КПСС по дальнейшему развитию народного обра-

зования, литературы и искусства в республике в условиях коммунистического строительства (1959–1970)».

В 1976–1986 годах А.Я. Антипин трудился в Марийском политехническом институте в должности старшего преподавателя, доцента кафедры истории КПСС. В 1980 году он был избран секретарём партийного комитета вуза.

В сентябре 1986 года Аркадий Яковлевич был назначен ректором Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской. На этой должности он работал почти 17 лет.

Назначение на эту должность, по словам Аркадия Яковлевича, было полной неожиданностью. Пришлось принимать институт с ослабленным хозяйством – учебный корпус находился в аварийном состоянии. Какие усилия пришлось прилагать молодому ректору по укреплению большого хозяйства вуза, знает только он сам.

Мне довелось долгие годы работать вместе с Аркадием Яковлевичем в ректорате, и я хочу сказать, что он внёс значительный вклад в укрепление материально-технической базы института, в подготовку учительских кадров высшей квалификации. Под его руководством, при поддержке коллектива, а также партийных и советских органов республики, несмотря на финансовые трудности, за короткий период (1989–1990 гг.) была проведена полная реконструкция основного учебного корпуса. Это считает он одним из главных в своей деятельности. Тогда же были переоборудованы актовый зал и вестибюль института. Уже в следующем 1991 году началось строительство нового учебно-лабораторного корпуса на 12 тысяч кв. м. Но из-за отсутствия финансирования строительство затянулось на годы – первая очередь здания введена через 14 лет (2005), а вторая очередь – в 2010 году, когда институт был уже в составе МарГУ.

В 90-е годы был возведен ещё ряд объектов: отапливаемые гаражи на 8 автомашин, хозяйственный блок в кирпичном исполнении, два дома в спортивно-оздоровительном лагере «Чайка» на оз. Яльчик. Был произведён ремонт кровли всех студенческих общежитий, а в двух высотных зданиях были установлены лифты.

В 1986 году был открыт санаторий-профилакторий на 75 мест, где студенты могут укреплять свое здоровье.

Немало было сделано Аркадием Яковлевичем по улучшению жилищных условий преподавателей и сотрудников – были снесены 4 деревянных жилых дома барачного типа, 26 семей переселены в благоустроенные квартиры из жилого дома по ул. Советской; был введён в эксплуатацию жилой дом на ул. Анциферова, где 15 семей получили благоустроенные квартиры.

Большое внимание уделялось оснащению учебных лабораторий и кабинетов современными техническими средствами – было открыто 7 компьютерных классов, все подразделения вуза были оснащены компьютерной и множительной техникой. Были созданы информационно-вычислительный центр и малая типография.

Была открыта аспирантура по 4 специальностям. Впервые в истории института был создан Совет по защите кандидатских диссертаций по общей педагогике. В результате заметно выросла научная квалификация преподавателей – каждый вто-

рой имел учёные степени и звания, количество докторов наук, профессоров возросло в 7 раз (с 3 до 22).

Таким образом, под руководством Аркадия Яковлевича были созданы необходимые условия для организации учебного процесса, научной деятельности, жизни и быта студентов, укрепления их здоровья.

Возросла численность студентов и преподавателей. Вуз перешёл на подготовку специалистов по государственным стандартам. Обновлялось содержание обучения. Были разработаны новые учебные планы и программы, которые учитывали национальные и региональные особенности. Это позволяло осуществлять адресную подготовку учителей и воспитателей для национальных школ и дошкольных учреждений. Внедрялись новые методы и формы преподавания, в учебный процесс стали внедряться информационные технологии. Одновременно институт участвовал в эксперименте по ЕГЭ и ГИФО.

В те годы в вузе были проведены некоторые структурные изменения: открыты новые факультеты, кафедры, отделения, введены новые основные и дополнительные специальности и специализации.

В 1997 и 2003 годах институт успешно прошёл аттестацию и аккредитацию. Государственные аттестационные комиссии отмечали хороший уровень подготовки специалистов.

Надо сказать, что сам Аркадий Яковлевич формировался как руководитель. Он доброжелательный, компромиссный, но в то же время требовательный, что помогает ему в работе. Бескорыстие и порядочность, скромность и простота в обращении с подчинёнными присущи ему.

Историческая наука помогла ему стать тем, кем он стал. Аркадий Яковлевич помнит об этом и вносит свой вклад в исследование важнейших вопросов истории Республики Марий Эл. Его перу принадлежат две книги: «К вершинам знаний и культуры» (1973), «Расцвет духовной культуры марийского народа» (1980), около трех десятков статей по истории образования и культуры республики. Он участвует в редактировании трудов учёных.

А.Я. Антипин участвует в общественной жизни – был председателем республиканской организации общества «Знание», внёс вклад в организацию пропаганды и популяризации политических и исторических знаний.

Награждён медалью «Ветеран труда» (1985), нагрудными знаками «За отличные успехи в работе» (1982) и «Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2003).

Имеет почётные грамоты Президиума Верховного Совета Марийской АССР (1982, 1987), Государственного Собрания Республики Марий Эл (2001). Ему присвоено звание «Заслуженный работник образования Республики Марий Эл» (1998).

Он пользуется заслуженным авторитетом в коллективе и у педагогической общественности республики.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: Шутова Н.И., Капитонов В.И., Кириллова Л.Е., Останина Т.И.
Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона: Коллективная монография / Науч. ред., авт. введ. и закл. Н.И.Шутова; УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2009. – 224 с.: ил. + цв вкл.

Формирование современного историко-культурного ландшафта Камско-Вятского края (Удмуртия, некоторые районы Кировской области и Татарстана) происходило со средневековья; здесь имели место многоаспектные процессы освоения региона и адаптации к нему различных этнических образований. В научной литературе последних десятилетий весьма актуальным становится обращение к разработке темы культурного и сакрального ландшафта. Данная монография представляет собой уникальное исследование, в которой отдельные локальные территории и разные категории археологических памятников Камско-Вятского региона (городища, поселения, могильники, природные и культовые места и др.) изучаются как особые культурные объекты в исторической проекции. Рассматривая всю изучаемую территорию как единое культурное пространство, авторы основной акцент делают на детальной проработке складывания ландшафта и своеобразия четырех локальных ареалов – деревни Кузебаево Алнашского района Удмуртии, деревни Старой Учи, сёл Старой Юмьи и Ныри Кукморского района Татарстана. Внимательное исследование характерных особенностей отдельных микрорегионов позволяет представить общую картину исторического развития культурного пространства края. При написании монографии привлечены и проанализированы исторические, археологические, фольклорно-этнографические материалы, использованы сведения по микротопонимии, географии, экологические и биологические показатели. Впервые на основе разнородных источников проведено ареальное и сравнительное изучение культурного ландшафта нескольких окрестностей и дана реконструкция культурного пространства Камско-Вятского региона.

В работе использованы имеющиеся на то время основные публикации по теме и представлена новая бесценная научная информация, выявленная в ходе многочисленных полевых исследований последних двух десятков лет в обширном культурно-историческом регионе.

В исследовании четко прослеживаются хронологические изменения исторических и археологических памятников со средневековья до Новейшего времени,

определены закономерности формирования культурного ландшафта и естественные эволюционные процессы, учтены инновации современности, выявлены точки соприкосновения конкретной природной среды, общие тенденции формирования и развития локальных особенностей и исследуемого культурного ландшафта в целом; рассматриваемые сакрально-культовые объекты воспринимаются как живое и функционирующее историко-культурное наследие населяющих его народов. Помимо решения основных целей и задач, данный труд является источником новых теоретических разработок, сформулированных свежих определений по различным научным понятиям и концептам.

Каждый из трех разделов книги разрабатывает самостоятельную проблему, в то же время все они взаимосвязаны и подчинены основной цели. Прослеженные закономерности в эволюции историко-культурного ландшафта отдельных ареалов свидетельствуют об особенной целостной системе размещения культурных и культовых объектов, маркировавших важные точки виртуального пространства селения. В результате можно говорить о существовании единого этнокультурного пространства в крае. Исследование демонстрирует существование уникальной преемственности культурной традиции этнических групп населения, выбиравших для обитания одни и те же природные ареалы на протяжении длительных исторических отрезков времени. Исследование подобного уровня выполнено впервые.

Многочисленные иллюстрации – карты основных археологических памятников Вятско-Камского бассейна, топографические планы и чертежи святилищ, городищ и локальных округов, фотографии и рисунки, обогащают и подкрепляют основные положения авторов книги. Как известно, вопросы изучения ландшафта без детальных схем несут поверхностный характер, усложняют способ усвоения смысла и восприятия всеобщей картины.

Книга является первым показательным примером исследований Камско-Вятского края в данном направлении, привлекает внимание ученых и логично выдвигает новые вопросы и идеи для дальнейшего изучения и последовательных разработок: особого внимания требует проблема сохранности рассматриваемых ландшафтов. Согласно полевым материалам авторов, наблюдается необратимый процесс исчезновения общего контура этнокультурного (сакрального) ландшафта и кардинальное вымывание заключенной в ландшафте богатой исторической информации. Такое заключение провоцирует на дальнейшие поиски, обязывает продолжить исследования в целях получения новых научных результатов в изучении такого необычного феномена, как память культурного ландшафта.

Автор концепции и проекта профессор Надежда Шутова блестяще организовала работу группы по сбору материала и при подготовке книги, написала большую часть текста монографии и отредактировала ее.

Татьяна Миниияхметова
Инсбрук

Рец.: Викстрём О., Зорина З. Падежная система современного горномарийского языка. – Йошкар-Ола, 2010. – 164 с.

Редакционно-издательским советом Марийского государственного университета выпущена монография «Падежная система современного горномарийского языка», в основу которой легла кандидатская диссертация О.В. Зориной на тему «История и современное состояние падежной системы горномарийского языка» (научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета З.М. Дубровина), защищенная в 2002 году на Диссертационном совете при Марийском государственном университете (официальные оппоненты – доктор филологических наук, профессор Г.М. Тужаров и кандидат филологических наук, доцент Ф.Т. Грачева).

В первой главе (с. 5–15) даются сведения о том, что представляет собой грамматическая категория падежа. Здесь приведено немало длинных выдержек из трудов отечественных и зарубежных языковедов, в которых говорится почти об одном и том же, но с различных позиций. Все мысли, содержащиеся в этих цитатах, можно обобщить и свести в следующую краткую дефиницию: падеж – морфолого-синтаксическая, словоизменительная категория (а не классифицирующая, к которой относятся категории рода и числа) имени существительного, выражающая отношение обозначаемого им предмета к другим предметам, действиям, признакам. Эта категория предполагает систему противопоставленных друг другу рядов форм с однородными значениями.

Касаясь вопроса о том, можно ли отнести послеложные сочетания к падежным формам, авторы рецензируемой монографии привели точку зрения специалиста по финно-угорским языкам К.Е. Майтинской, считавшей, что послеложные конструкции, поскольку в них «имя участвует без падежного оформителя (в основной форме)», «должны быть исключены из понятия падежа» (Майтинская К.Е. К вопросу о категории падежа (на материале финно-угорских языков) // Вопросы грамматического строя. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. – С. 229). Б.А. Серебренников разделяет мнение К.Е. Майтинской: «Послеложные конструкции нужно рассматривать как послеложные словосочетания без каких-либо попыток найти здесь падеж» (Серебренников Б.А. О правильности употребления терминов «обстоятельственный падеж» и «основной падеж» в марийских грамматиках // Вопросы марийского языкознания. – Йошкар-Ола, 1964. – Вып. I. – С.114). Рецензент присоединяется к данной точке зрения и примеры типа *тӹдӹн лиш*, *тидӹн пиштек*, *тӹдӹн докы* расценивает лишь как послеложные сочетания; авторы же не высказали здесь своего суждения по этому вопросу.

Далее представлены критерии различения венгерских послелогов и падежных окончаний, установленные Л. Анталом, что, на наш взгляд, неубедительно. Пересказаны основные положения статьи З.М. Дубровиной «Об образовании вторичных падежей из послеложных конструкций в прибалтийско-финских языках» (Вестник Ленинградского университета. – 1956. – №114. – С. 74–76). Эти положения, в целом правильные, не способствуют раскрытию статуса падежа в марийских языках. Кстати, в них в далеком прошлом не наблюдался и в настоящее время не имеет места процесс эволюционирования, превращения послеложной конструкции в падеж.

Мысль «В отношении марийских языков можно добавить следующее важное обстоятельство: если между главным словом и послелогом можно вставить еще одно слово, то данное сочетание относится к разряду послеложных» неубедительна.

Во второй главе «История изучения падежной системы марийских языков» (с. 16–29) детально рассматриваются сведения о падежах, имеющиеся в исследованиях В. Пуцек-Григоровича, А. Альбинского, М. Кастрена, Ф. Видеманна, В.М. Васильева, Г.Г. Кармазина, П. Ярускина, Н.Ф. Яковлева, М.П. Чхаидзе, Н.Т. Пенгитова, Б.А. Серебренникова, Е.И. Коведяевой, Г.М. Тужарова. А. Алхониеми, Л.П. Васиковой.

Третья глава «Древние падежные показатели в марийских языках» (с. 30–52) состоит из трех частей: «Падежи в прамарийском языке» (с. 30–35), «Послелоги в горномарийском языке» (эта часть включает в себя пять параграфов: «Определение категории послелогов», «Послелоги в горномарийском языке», «Употребление послелогов», «Разряды послелогов», «Происхождение послелогов. Древние падежные показатели»), «Наречия» (эта часть состоит из трех параграфов: «Классификация», «Происхождение наречий», «Древние и современные падежные показатели в наречиях»). В I части представлены многие положения, взятые из работ Е.И. Коведяевой, И.С. Галкина, Б.А. Серебренникова, П. Хайду. II часть содержит сведения о послелогах, извлеченные из исследования С.С. Сибатровой, из «Краткого грамматического очерка марийского языка», помещенного в «Марийско-русском словаре» (1956 г.); конечно, приведены горномарийские примеры, предложения. В III части пересказано то, что имеется в грамматике «Современный марийский язык. Морфология», в исследованиях Е.И. Коведяевой, П. Хайду, К.Е. Майтинской, И.С. Галкина, Б.А. Серебренникова и др. Итак, материал, представленный в третьей главе, не относится к заявленной в названии монографии проблеме, к теме «Падежная система современного горномарийского языка». Более того, сведения, содержащиеся в третьей главе, общеизвестны, не новы.

В четвертой главе «Современная падежная система горномарийского языка» (с. 53–148) рассматривается каждый из десяти падежей в отдельности по следующему плану: 1) употребление (основные значения) каждого падежа, 2) происхождение их окончаний, 3) соответствия им в родственных языках.

Вслед за Г.М. Тужаровым, в целом неплохо выявившим морфолого-синтаксические особенности имени существительного, в том числе его падежные формы и значения, в марийских языках («Грамматические категории имени существитель-

ного в марийском языке». – Йошкар-Ола, 1987), в диссертации в основном правильно отражены грамматические значения именительного падежа. Однако у рецензента есть существенные замечания, касающиеся номинатива:

1. В монографии сказано, что «имена существительные, прилагательные, причастия и местоимения в именительном падеже горномарийского языка отвечают на вопросы *кӱ? ма? маханьӹ(ы)? кыдыӹ?* и т.д. и имеют нулевое окончание», «имя прилагательное и причастие в качестве определения не согласуются с определяемым существительным и всегда стоят в именительном падеже» (с. 55, 142). Здесь автор права и неправа. Да, имена существительные отвечают в именительном падеже на вопросы *кӱ?* и *ма?* и имеют в этом падеже нулевую флексию. Да, имя прилагательное и причастие в качестве определения не согласуются с определяемым существительным (они связываются с существительным способом примыкания). Неправда в том утверждении, что препозитивно употребленные прилагательное и причастие всегда стоят в именительном падеже. Авторам следовало бы уяснить себе, что атрибутивно употребленные прилагательное и причастие в марийских языках не склоняются, поэтому вести речь о том, что они «всегда стоят в именительном падеже» и «имеют нулевое окончание», нет никаких оснований. И вопросы *маханьӹ(ы)? кыдыӹ?* неверны, так как речь должна вестись лишь об имени существительном. В этой связи постараемся разъяснить авторам, допустившим ошибку: выделение нулевого окончания названных частей речи, а также имени числительного и большинства неличных местоимений зависит от их употребления в предложении, так как некоторые морфологические признаки этих лексико-грамматических разрядов слов обусловливаются их синтаксической позицией. В субстантивно, заместительно и обособленно употребленных прилагательных, причастиях, числительных и неличных местоимениях нулевая флексия вычленяется, ибо в отмеченных позициях они изменяются по падежам: *Район вуйлатышы*-(-) *сола хозяйствым вӹнгден колташ цаца*; *Вычымы эдем стӧл лошты шӹнзӓ, вычыдымы*-(-) – *тирӹшты*; *Ӱ книга гӹц нӹлӹтшӹ*-(-) *мӹлӓм вӓрештӹ, кудытшым тӓнгемлӓн пуэвӹ*; *Ӹшкежӹ*-(-) *шимӹ гӹнят, йӓнгжӹ ошы*; *Тӓнгемӹн эргыжым, кӱкшӹ кӓпӓнӹм дӓ спортым яратышым, ВДВ-ыш нӓлӹнӹт.* – *Тӓнгемӹн эргыжӹ, кӱкшӹ кӓпӓн*-(-) *дӓ спортым яратышы*-(-), *ВДВ-шты служа.*

2. Субъект действия может выражаться не только в оборотах с деепричастием на *-мыкы* (с. 53). Есть и другие так называемые субъектные деепричастные конструкции. В этой связи заметим, что выражение «деепричастный оборот, эквивалентный предложению» (с. 53) не вполне правильно, так как деепричастный оборот и предложение – два различных, разноплановых явления. Слово «эквивалент» можно употреблять в выражении «Русским эквивалентом марийской деепричастной конструкции в ряде случаев является придаточная часть сложноподчиненного предложения». «Деепричастный оборот обозначает действие, совершенное до событий, выраженных в основном предложении» (с. 53) следует выразить так: «Деепричастный оборот обозначает действие, совершенное до события (действия), выраженного спрягаемой формой глагола или инфинитивом».

3. Приведенный пример *шактэм* на употребление формы номинатива в предложении *Тӹнь шактэм кӹчӓлӓл* (с. 54) (кстати, эта фраза единственная в монографии на употребление «номинативной» формы существительных, оформленных притяжательным суффиксом, при спрягаемых формах глагола) следовало бы интерпретировать как морфонологическое явление – наложение на стыке двух морфем: на притяжательный суффикс 1-го лица единственного числа накладывается флексия винительного падежа. О том, что в *шактэм* присутствует окончание аккузатива *-м*, свидетельствует то, что в существительных, присоединяющих к себе другие притяжательные суффиксы, употребляется форма с материально выраженным окончанием. Не скажешь же *книгӓэт* (*книгӓжы, книгӓнӓ, книгӓдӓ, книгӓштӹ*) *лыдам* и др. Говорят *книгӓэтӹм* (*книгӓжӹм, книгӓнӓм, книгӓдӓм, книгӓштӹм*) *лыдам*.

4. Примеры, а также пункты 5, 6, 7 (с. 54) повторяются.

5. Имена существительные в препозитивном положении по отношению к другому существительному, как указывалось выше, не склоняются. Поэтому следует ли говорить о форме именительного падежа (с. 55)? Думается, атрибутивно употребленные имена существительные, как и прилагательные, причастия и др., находятся вне падежной системы и являются бесфлексийными словами, структурно равными основам.

6. В словосочетаниях *красный уголокыштӹ, изи окняштӹ, хоровой кружокыш* первая часть является не именем существительным (с. 55).

7. На странице 55 говорится о том, что номинатив выступает в качестве предикативного члена. Значение предикативного признака выражается в приведенном в монографии предложении *Ланзов Ониси – поян мары*, но функцию сказуемого выполняет здесь *поян мары*, так как известно, что Ланзов Ониси – *мары* (‘мужчина’), а не *ӹдӹрӓмӓш* (‘женщина’). С учетом смыслового членения, коммуникативного задания предложения *поян мары* является предикативом, в котором *поян* – рема.

Впрочем, собственно определительное значение именительный падеж имеет в приложении: *Иван Горный, кырык мары поэт, шукы сборникӹм пецӓтлен лыктын.*

8. «Имя существительное в форме именительного падежа выступает также в номинативных предложениях» (с. 55). Уточняем: форма именительного падежа употребляется для выражения субъектного значения, которое имеет место в главном члене односоставного предложения, более того, именительный падеж в номинативных предложениях обозначает не только субъект, но и его признак (наличие): *Пӹцкемӹш йыд*, ср. *Пӹцкемӹш йыд ылын (ылӹы)*. Из трех примеров два предложения (*Солаштӹ праздник и Шалахай монгырыштӹ да анзылны – кымда цӓрӓ ныр*) – не односоставные (номинативные), а двусоставные, эллиптические.

В рецензируемой монографии (с. 59–61) говорится об уже известной форме винительного падежа, созвучной с формой именительного падежа. При освещении этого вопроса авторы представили использованные Г.М. Тужаровым труды виднейших ученых финно-угорского языкознания В. Таули, В. Коллиндера, К.Е. Майтинской, И.С. Галкина, а также сведения из родственных по происхождению языков. Но здесь обнаруживается стремление авторов подогнать факты современного гор-

номарийского языка под строй других финно-угорских языков. Действительно, неспрягаемые формы переходного глагола (инфинитив на *-аш*, причастия на *-мы, -шы, -дымы, -шашлык*, деепричастия на *-и, -де, -мыкы, -мешкӹ, -шыла*, а также отглагольные существительные на *-маш, -дымаш*) факультативно могут требовать постановки впереди стоящего существительного в форме с нулевой или материально выраженной флексиями вне зависимости от неопределенности и определенности объекта; обе формы занимают устойчивое положение в марийских языках, хотя, по данным авторов, формы типа *ышкал (пукшаш)* употребляются чаще (с. 57–58). Но все дело в том, что все формы переходного глагола (и спрягаемые, и неспрягаемые), а также отглагольные существительные должны управлять одним и тем же падежом. Следовало бы учесть то, что не со всеми глагольными формами употребляется «номинатив» прямого дополнения. Так, не говорят же *кол кычем (кычет* и др.), *кол кычышым (кычышыц* и др.), *кол кыченӓм (кыченӓт* и др.), *кол кычем ылыы (кычет ылыы* и др.), *кол кыченӓм ылын (кычыделат ылын* и др.), *кол кычы (кычыжы* и др.), *кол кычынем (кычынет* и др.), *кол кычымыла, кол кычышаш*. Не допускается, как уже было сказано, употребление имени существительного, присоединившего к себе притяжательные суффиксы, в форме с нулевой флексией: *пайжы качкам, пает кач, пайна кошташ, пайышты санзалтат* и др. Наука о языке требует системного подхода к анализу языкового явления. Обо всем этом автор этих строк писал не единожды, тем не менее, возможно, по неведению, неосведомленности авторы рецензируемой монографии продолжают говорить, конечно, вслед за Г.М. Тужаровым, заимствовавшим эту теорию из зарубежной финно-угристики, о номинативе прямого дополнения. Итак, форма именительного падежа не может употребляться для выражения прямого дополнения, роль прямого объекта выполняет винительный падеж с нулевой или материально выраженной флексиями.

На странице 60–61 читаем: «По нашему мнению, прямое дополнение, не оформленное показателем аккузатива, в марийских языках следует отнести к форме именительного падежа по следующим причинам: прямое дополнение, не выраженное показателем *-м*, по своим морфологическим признакам является формой номинатива. В языках агглютинативного типа, по-видимому, именно морфологический признак является наиболее важным. По своим функциональным свойствам прямое дополнение является объектом действия. Объект действия (или прямое дополнение), не оформленный падежным показателем, относится к номинативным формам». Этот абзац, в котором рассуждения построены на тавтологии (повторении), пожалуй, не стоит комментировать.

Что касается части об истории номинатива прямого дополнения, то в ней представлены разноплановые сведения, извлеченные из трудов Й. Синнеи, Д.В. Бубриха, К.Е. Майтинской, И.С. Галкина, Б.А. Серебренникова, Э. Итконена. Вообще говоря, происхождение флексий (а не показателей) всех десяти падежей и суффиксов наречий, а также история послелогов – это проблемы, не относящиеся к работе, в которой исследуется современное состояние языка. Рассмотрение генетических вопросов в описательном исследовании можно было бы в известной степени при-

знать допустимым, если бы в нем предлагались новые, не существовавшие в науке положения. В рецензируемой же работе изложено лишь то, что установлено в финно-угристике отечественными и зарубежными компаративистами.

В этой связи считаем необходимым сказать и о другом: представление соответствий марийским падежам в родственных языках (они занимают в работе 18 страниц), на наш взгляд, также неуместно, так как основная задача, которая стояла перед авторами, – это исследование падежной системы современного горномарийского языка, а не сопоставление с падежными флексиями финно-угорских языков (что является предметом сравнительной грамматики родственных языков). Кстати, русисты, освещая, например, вопрос о значениях именительного падежа, не приводят его соответствий в украинском, белорусском и других языках, в которых наряду с номинативом имеет место живой звательный падеж, унаследованный от праславянского языка.

Нельзя обойти молчанием и то, что по сравнению с освещением современной падежной системы языка его генетические вопросы и соответствия в родственных языках занимают в монографии больше страниц.

Далее рецензент сосредоточивает свое внимание лишь на некоторых недостатках, связанных с анализом форм косвенных падежей.

Слово *кечӹвӓлӹн* в предложении *Кечӹвалӹн мам сӧрӹмӹжӹм Анастас мондыде* истолковано так, что «здесь выступает наречие, образованное от существительного *кечӹвӓл* + показатель генитива *-н*» (с. 65). Наречие *кечӹвӓлӹн* образовано от существительного *кечӹвдл* с помощью словообразовательного суффикса *-ӹн*. Разъясняю: строгое разграничение диахронии и синхронии является требованием, предъявляемым к современным лингвистическим исследованиям.

Вӹдӓн, кырыкан, ӱӓн (с. 66) ошибочно приняты за относительные имена прилагательные; от них можно образовать формы сравнительной степени.

Нӹлъяла (с. 75) образовано сложносуффиксальным способом от *нӹл* и *ял* путем их сложения, сопровождаемого суффиксацией (*-а* – суффикс).

Шыжӹм, телӹм (Нӹнӹ тене шыжӹм веле халашкы толыныт. Телӹм ӹлӓш худа) (с. 77–76) с точки зрения современного языка образованы от *шӹжӹ, тел* с помощью наречного суффикса *-(ы)м*.

Снова написано о неоформленном винительном падеже (с. 79–81), который автор расценивает как именительный падеж. Приводятся почти те же примеры, что и на с. 54.

Кимӓшты (с. 85) – форма, образованная от *кимӓш* и окончания *-шты* путем совмещения словообразовательного суффикса *-мӓш* и флексии *-шты* (частичное наложение морфемы *-шты*).

Кызӹт (с. 89) – синхронически корневое слово, равное основе. Едва ли это наречие в древности выделяло суффикс *-т*. *Ӧрдӹжты* – наречие, образованное от *ӧрдӹж* путем наложения экс-флексии *-шты* на основу-корень *ӧрдӹж-* (с. 65), ср. несовмещенную форму *ӧрдӹжӹшты*.

Ваштареш, тореш (с. 105) с синхронической точки зрения являются непроизводными словами. Они непроизводны и в плане диахронии. Нет производящих слов *вашшар* (не берем во внимание *вашшар* «клен») и *тор* (не принимается в расчет *тор* «хлам»), от которых образовались бы *вашшареш, тореш.*

Грамматические значения родительного, дательного, винительного, местного, направительного и обстоятельственного падежей выявлены правильно и достаточно полно.

Сравнительный, совместный и лишительный падежи, о существовании которых в горномарийском языке еще в 1933 году писал П.Ярускин, затем, опираясь на его учебник, а также на исследования зарубежных финно-угроведов, об этом заговорил Г.М. Тужаров, освещены в рецензируемой монографии сравнительно полно. Тем не менее здесь обнаруживаются повторение того, что сказано во II главе, а также пересказ содержания статей и вышеупомянутой монографии Г.М. Тужарова. Неуместна в монографии выдержка, взятая из одной работы: «Ему (Тужарову Г.М.) принадлежит заслуга научного доказательства существования в марийском языке ряда новых падежей (компаратива, комитатива, каузатива)».

В исследовании говорится: «Для того, чтобы научно подтвердить наличие падежей, выявить их особенности, мы рассмотрели историю их возникновения, их распространенность в финно-угорских языках, употребляемость в литературном и в разговорном языке на данный момент» (с. 139). Рецензент не может полностью разделить данное утверждение. История возникновения падежей, их употребление в родственных языках не позволяют правильно решить проблему словоизменения имен существительных современных марийских языков. Следует обратить внимание прежде всего на их сегодняшние внутренние законы, особенности выражения грамматических значений.

Все остальное – побочный, не относящийся прямо к проблеме, сопутствующий ей аспект. Поэтому, по моему глубокому убеждению, все это представляет собой лишь привесок к основной проблеме функционирования падежной системы имен существительных горномарийского языка.

Падеж выражает не лексическое значение (с. 139), а грамматическое. Сочетание «спорные падежи» (с. 139) употреблено не совсем верно. Сейчас в марийских литературных языках они установлены, являются официально признанными и приводятся в грамматиках, учебниках и учебных пособиях современных марийских языков.

В целом, авторами выполнена значительная исследовательская работа, сравнительно полно раскрыты грамматические значения всех десяти падежей современного горномарийского языка, однако монография не лишена досадных погрешностей. Рецензенты данного исследования (упомянутые выше, а также Л.П. Прокошенкова и Н.М. Краснова) в достаточной степени не способствовали улучшению рукописи исследования.

В завершении статьи считаем необходимым заметить:

1. Данная рецензия написана из самых добрых побуждений.

2. Наука о марийских языках должна развиваться поступательно, продвигаться лишь вперед. Этому способствовала бы адекватная оценка новых исследований компетентными принципиальными официальными оппонентами и рецензентами. Кстати, в рецензии, опубликованной в журнале «Linguistica Uralica» (2003 г., № 2, с. 131), первый официальный оппонент диссертацию О.В. Зориной назвал, не соблюдая чувства меры, капитальным исследованием, при этом им не было уделено ни малейшего внимания критическому разбору немалых ошибочных положений, имеющихся в выдвинутой на защиту научной работе. Нет в рецензии также никаких конструктивных предложений по дальнейшей разработке обсуждаемой проблемы, и, выходит, первый официальный оппонент по всем вопросам полностью солидарен с диссертанткой. Далее, вместо того, чтобы тщательно проанализировать диссертационный материал, он остановил свое внимание на анализе и «развитии» пяти критериев выделения падежа, взятых из статьи З.М. Дубровиной об образовании падежей из послеложных конструкций, что, как указывалось выше, не актуально для марийских языков.

Разумеется, на диссертацию О.В. Зориной оказали непосредственное воздействие глава о падежах монографии Г.М. Тужарова (1987 г.), защищенной в 1998 г., его научный доклад на тему «Грамматические категории имени существительного в марийской языке», а также ряд его статей о прямом и косвенных падежах.

3. Список содержит 148 названий лингвистических работ, однако не все из них использованы автором в исследовании. Так, вслед за Г.М. Тужаровым диссертантка процитировала одну нашу статью 1975 г., остальные три работы, перечисленные соискателем ученой степени, не были использованы в диссертации. Таких случаев немало. По моему глубокому убеждению, в списке должны фигурировать лишь те работы, которые нашли применение в изыскании.

4. Диссертационная работа была выполнена молодой диссертанткой, позднее, при подготовке к печати, к ней присоединилась зрелый специалист по экспериментальной фонетике. От этого мало что изменилось в содержании работы. Подобную практику совмещения авторства едва ли можно одобрить. И это не первый случай.

5. И, наконец, последнее. Заключительная, итоговая часть монографии должна быть компактной. В ней не должно быть повторения ранее сказанного.

Гурий Лаврентьев
Йошкар-Ола

Рец.: Ихтионимы и лексика рыболовства в марийском языке. – Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Йошкар-Ола, 2012. – 234 с.

18 мая 2012 г. на заседании диссертационного совета по специальности 10.02.22 – Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (финно-угорские и самодийские языки) в ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет» состоялась защита кандидатской диссертации Эльвиры Ивановны Пекшеевой «Ихтионимы и лексика рыболовства в марийском языке». Официальными оппонентами на защите выступили доктор филологических наук А.Н. Ракин и кандидат филологических наук Н.М. Краснова, ведущей организацией – ФГБОУ ВПО «Бирская государственная социально-педагогическая академия».

Диссертационная работа выполнена на кафедре марийского языка Института финно-угроведения Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Марийский государственный университет» под научным руководством доктора филологических наук, профессора И.Г. Иванова.

Ихтиофауна как часть животного мира и рыболовство как отдельная форма хозяйственной деятельности человека относятся к двум различным сферам объективной реальности, соответственно и их обозначения представляют собой два самостоятельных разряда словарного состава любого естественного языка. Однако их объекты номинации благодаря тому, что рыбная фауна с древних времен является одним из важнейших источников существования людей, взаимосвязаны. Таким образом, объединение ихтионимии и лексики рыболовства в единую тему диссертационного исследования вполне обосновано.

Рецензируемая работа Э.И. Пекшеевой «Ихтионимы и лексика рыболовства в марийском языке», представляющая собой 234 страницы компьютерного текста, состоит из введения, четырех глав, библиографии, списка условных сокращений и приложений. Во введении содержатся все необходимые для вводной части диссертации разделы, в них обосновывается актуальность темы, формулируются цели и задачи исследования, указаны источники фактического материала (почему-то представлены в качестве объекта исследования), говорится о научной новизне работы, ее теоретических и методологических основах, практической значимости, указаны публикации, конференции и симпозиумы, где излагались и обсуждались как промежуточные, так и окончательные результаты исследования.

В качестве главных в диссертации ставятся следующие задачи: 1) систематизировать марийские названия рыб и лексику рыболовства в лексико-семантические группы и подгруппы; 2) дать описание системных связей между структурными единицами в лексико-семантических группах; 3) обобщить представленные в различных работах этимологии слов, обозначающих рыб, части тела и рыболовные снасти, установить степень участия разных по происхождению лексем в образовании сложных наименований; 4) выявить наиболее продуктивные словообразовательные модели и способы производства ихтионимов и лексики рыболовства; 5) определить основные принципы номинации, послужившие основой для образования ихтионимов и лексики рыболовства; 6) представить статистические данные общего состава объектов номинации ихтионимов и лексики рыболовства.

Вторая часть введения посвящена истории изучения названий рыб и лексики рыболовства в финно-угорских и самодийских языках. В третьей части излагаются результаты исследования данной проблемы в области марийского языкознания.

Первая глава диссертации имеет название «Лексико-семантические группы ихтионимов и лексики рыболовства». В 7 разделах данной главы рассматриваются выделенные на основе предметно-понятийного содержания соответствующих обозначений в качестве самостоятельных следующие лексико-семантические группы: 1) названия рыб, 2) названия частей тела и органов рыб, 3) названия рыболовных снастей, 4) названия лиц, связанных с рыболовством, 5) названия рыбных продуктов, 6) названия действий, связанных с рыболовством, 7) другие названия, относящиеся к рыболовству. Во всех разделах соблюдается единый принцип подачи фактического материала. В качестве исходных даются русские обозначения объектов номинации, затем следуют имеющиеся соответствия в марийском литературном языке, после них располагаются диалектные варианты.

Классификация названий рыб производится в соответствии с принадлежностью объектов номинации к тому или иному семейству. Как отмечено автором, корпус марийских ихтионимов, относящихся к представителям 10 семейств рыб, обитающих на территории Марийской республики, состоит из 208 названий. Содержащийся в первом разделе фактический материал свидетельствует о том, что выделенные в составе марийских названий рыб десять групп в количественном отношении сильно отличаются друг от друга. Самой многочисленной является группа названий рыб семейства карповых, состоящая из 103 ихтионимов. Что касается остальных групп, то в каждой из них содержится от 19 до нескольких обозначений.

Вторая часть первой главы посвящена исследованию лексико-семантической группы «Названия частей тела и органов рыб». Как утверждается в начале раздела, не все анатомические обозначения подвергаются анализу, а только те, которые не совпадают с названиями частей и органов тела человека. В составе анатомических ихтионимов автором выделяются и отдельно рассматриваются три основные группы: 1) названия, обозначающие внешние части тела рыбы, 2) названия, обозначающие внутренние органы и части тела рыбы, 3) названия органов размно-

жения рыб. Для получения полной картины системы обозначений данной группы следовало бы привести все имеющиеся названия, в том числе и те, которые являются общими для человека и животных.

В первой группе рассматриваются названия плавника, хвоста, чешуи. В марийском языке кроме названия со значением «плавник вообще» (*кол шулдыр*, *шулдыр*) употребляются также обозначения для разновидностей плавника: *мӱшкыр шулдыр* (брюшной плавник), *поч шулдыр* (хвостовой плавник), *он шулдыр* (грудной плавник), *почйымал шулдыр* (анальный плавник), *туп шулдыр* (спинной плавник). Хвост рыбы обозначается названием *кол поч*, имеющим фонетические варианты. Чешуя рыбы обозначается однословными названиями *сӱм*, *куво* и сложными словами типа *колокса*, *колшӱм*.

К группе внутренних органов рыб автором отнесены такие объекты номинации, как жабры, плавательный пузырь, рыбьи кости. Значение «жабры» в марийском языке имеют названия *колсога*, *нашмы*, *сога* и их варианты. Слово *сога* является заимствованием, оно выводится из чувашского языка. В значении «рыбьи кости» употребляются 4 основных названия: *коллу*, *кылчык*, *колшу*, *шу*. Ихтионим *кылчык* квалифицируется как заимствование, но из какого источника он проник, не указывается. В данной подгруппе приводятся также анатомические обозначения, которые содержатся в специальных словарях марийского языка (анатомическом и биологических). По словам автора диссертации, такого рода названия употребляются в основном для номинации дыхательных органов рыб – жаберной крышки, жаберного отверстия, жаберных мешков.

К группе названий органов размножения рыб отнесены слова со значением «икра» и «молоки». Для обозначения икры употребляются названия *мӧртньӧ* и *овылдык*. Второй ихтионим, имеющий тюркское происхождение, сопоставляется с татарским (*уылдык*) и башкирским (*улдык*) примерами. Значение «молоки» в марийском языке имеют 7 обозначений с соответствующими вариантами: *кергела*, *колшӧр*, *узо мӧртньӧ*, *ош мӧртньы* и т.д. Как и в других лексико-семантических группах, наименования частей тела и органов рыб связаны между собой гиперо-гипонимическими отношениями и вариантностью.

Третья часть первой главы посвящена названиям рыболовных снастей. Данная лексико-семантическая группа состоит из 154 марийских названий. Внутривидовая классификация лексики рыболовства проводится с подразделением рассматриваемых обозначений на названия волоковых, ставных, удильных, черпальных и ударных рыболовных средств. Для обозначения понятия «рыболовная снасть вообще» в марийском языке употребляются составные названия *кол кучымо тарман*, *кол кучымо ӱзгар*, *кол кычымы хӓдыр* и однословное название не исконного происхождения *явала*, которое выводится из чувашского *япала* «вещица». Некоторые названия, относящиеся к лексике рыболовства, представляют собой обозначения отдельных частей и деталей соответствующих рыболовных средств, например, грузило – *волтем*, *нелтыш*, поплавок – *чичка*, *калке*, крючок – *энгыриме*, *энгыжа*, леска – *энгыркыл*, *энгыршӱртӧ* и т.д.

Четвертая часть первой главы посвящена названиям со значением «рыбак, рыболов» и «компаньон при рыбной ловле». Значение «рыбак, рыболов» в марийском языке имеют следующие названия: *колызо, кол кучышо, ривак, коллоэц, эҥырзе*. Название *ривак*, распространённое в северо-западном диалекте марийского языка, происходит от русского слова *рыбак*. Значение «компаньон при ловле рыбы сетью» выражается лишь одним словом *вäска*, которое употребляется в горном наречии марийского языка.

Пятая часть первой главы посвящена названиям действий, связанных с рыбной ловлей. В данном разделе рассматриваются обозначения, которые относятся к двум совершенно разным видам деятельности: а) действия человека при занятии рыбной ловлей, б) действия самой рыбы, которая рыболовством обычно не занимается. Поэтому связывать между собой эти две сферы действий, особенно процесс икрометания, можно лишь чисто условно. Следовательно, надо признать, что заглавие не вполне соответствует содержанию раздела. К первой группе действий, совершаемых человеком при рыбной ловле, отнесены глаголы со значением «удить», «ловить бреднем» и т.д. В качестве примеров, обозначающих действия, совершаемые самой рыбой, приводятся *йӹчкаш, нäлаш, чӱҥгаш* ‘клевать’, *мӧртньӧ кышкаш* ‘нереститься, метать икру’ и т.д.

Последняя часть первой главы обозначена «Другие названия, связанные с рыболовством». Здесь приводятся обозначения для таких объектов номинации, как шалаш рыбака, жилье рыбака, запруда, нерест рыбы, нерестилище, косяк рыбы, замор рыбы, рыбоводство, рыбный пруд, садок для живой рыбы, рыбалка, рыболовство, икрометание, рыбачья лодка и т.д.

Во второй главе «Историко-генетические пласты ихтионимов и лексики рыболовства в марийском языке» представлен диахронный аспект анализа исследуемой лексической системы. С точки зрения происхождения отдельно рассматриваются исконный фонд ихтионимов и лексики рыболовства и иноязычный фонд.

Исконная лексика содержится в двух разделах второй главы. Сначала анализируются древние названия, восходящие к уральскому и финно-угорскому праязыкам. Включение соответствующих марийских названий в данную группу автором производится на основе имеющихся этимологий, принадлежащих как отечественным исследователям (В.И. Лыткин, Е.С. Гуляев, И.С. Галкин, Ф.И. Гордеев, Н.И. Исанбаев), так и зарубежным ученым (Г. Берецки, К. Редеи). Материал представлен в виде единого списка отдельных обозначений, расположенных в алфавитном порядке без подразделения на прауральские и прафинно-угорские. Хотя название данного раздела «Уральский и финно-угорский пласт лексики» вполне предполагает проведение такой градации. Правда, в некоторых местах приводятся праформы, которые снабжены пометами *др.-мар.*, *общемар.*, *общеп.*, *доперм.*, но чаще вообще не имеют никаких помет и соответственно не дают представления, к какой из двух древних эпох принадлежит та или иная приводимая лексема. Не понятно, почему в этих целях автором диссертации не использован этимологический словарь К.Редеи, где каждая праформа приурочена к конкретному древнему

периоду уральских языков (хотя он и включен в библиографический список использованной литературы).

Древние названия, как показывает материал, представляют собой однословные обозначения. Всего в данном списке перечисляется 27 слов. Хотя в конце раздела указано, что к уральскому и финно-угорскому пластам относятся 28 названий, в том числе слово *кол* 'рыба', которое в списке древних названий почему-то отсутствует. Следует также отметить, что содержание данного раздела не соответствует его общему заглавию «Исконно марийская лексика рыболовства», так как здесь приводятся названия, относящиеся не только к рыболовству, но и к ихтионимической лексике, например: *ваттыш* 'рыболовная сеть', *кельде* 'невод', *куво* 'чешуя' и т.д.

Второй раздел второй главы посвящен собственно марийской лексике. Как указано в пояснительной части, эта группа лексики рыболовства состоит из 178 собственно марийских слов, в том числе из 26 простых и 152 сложных названий. Наряду с этим отмечено также, что некоторые слова для обозначения рыболовства возникли суффиксальным способом от именных и глагольных основ. Содержащийся в разделе фактический материал, относящийся не только к рыболовству, но и к ихтионимическим обозначениям, тоже, как и в предыдущем разделе, дается в виде списка слов в алфавитном порядке. Как правило, характеристика перечисляемых обозначений сводится к словообразовательному разбору с выделением основной и суффиксальной частей. Однако целый ряд примеров дается без каких-либо разъяснений, например, *йырунго* 'пескарь' (с. 102), *прамай* 'красноперка' (с.103), *пагай* 'ёрш' (с.103), *лапла* 'поплавок' (с. 103), *эгыжа* 'крючок' (с. 104) и т.д.

Остальная часть материала в разделе квалифицирована в качестве сложных образований. В соответствии с происхождением компонентов в составе сложных названий они распределены по 15 основным группам. Эти группы обозначены следующим образом: 1) финно-угорский + финно-угорский (51 название), 2) финно-угорский + собственно марийский (8 названий), 3) собственно марийский + собственно марийский (2 названия), 4) финно-угорский + тюркский (4 названия), 5) финно-угорский + русский (3 названия), 6) собственно марийский + финно-угорский (5 названий), 7) собственно марийский + русский (1 название), 8) тюркский + финно-угорский (8 названий), 9) татарский + собственно марийский (1 название), 10) русский + собственно марийский (1 название), 11) чувашский + собственно марийский (2 названия), 12) русский + финно-угорский (6 названий), 13) иранский + финно-угорский (4 названия), 14) чувашский + русский (2 названия), 15) чувашский + чувашский (1 название). В заключительной части в отдельную группу выделены названия с первым компонентом *ошма* «песок» (5 названий). Без объединения в самостоятельную группу приводятся номинативные единицы *авыргӱртньӧ* 'железная пластинка на носу лодки для ловли рыбы острогой ночью', *рок мӱктӧ* 'налим' и описательные названия *сӱангол* 'красноперка', *сӱан вате кол* 'пескарь', *сӧрмаривате, сӱанмарийвате* 'красноперка'.

Группировка фактического материала, представляющего собой не однословные названия, произведена автором без каких-либо комментариев. Ничего не говорится о критериях, на основании которых названия данной категории можно считать сложными образованиями. Как показывают примеры, к ним относятся названия не только двухкомпонентные, но и трехкомпонентные: *кельдевачмольы* 'верховка', *шымрожангол* 'минога ручьевая' и т.д. Не вносит ясности в этот вопрос и орфография сложных названий, так как они приводятся либо в слитном, либо в раздельном, либо в дефисном написании, что характерно как для двухкомпонентных, так и для трехкомпонентных обозначений: *сильдимольы* «мелкая рыба», *алангы мольы* 'выводок окуня', *шаранюго* 'гольян речной', *чара нюго* 'голец', *ошкол* 'белуга', *меч кол* 'рыба-меч', *шоншо-кол* 'ёж-рыба', *шымрожангол* 'минога ручьевая', *кугу кол энгыр* 'жерлица' и т.д. Раздел рецензируемой диссертации, посвященный двух- и трехкомпонентным названиям, находится в той части второй главы, которая называется «Исконно марийская лексика рыболовства». В составе 15 групп так называемых сложных обозначений только в четырех из них (1, 2, 3, 6) компоненты названий действительно являются исконными словами. В остальных 11 группах один из компонентов или оба имеют иноязычное происхождение (иранское, русское, татарское, тюркское, чувашское). Соответственно, уместность таких групп с названиями, содержащими компоненты с не исконным происхождением, в этом месте главы вызывает сомнение. Выделение в самостоятельные группы (4, 8) названий с тюркскими компонентами, наряду с группами с чувашскими (11, 14, 15) и татарскими (9) частями, также требует обоснования.

Вторая часть второй главы посвящена заимствованному компоненту исследуемой лексики. В трех ее разделах анализируются татарские, чувашские и русские заимствования.

Группа татарских заимствований состоит из 14 названий. 8 из них относятся к ихтионимической лексике: *агачак* 'жерех', *карака* 'карась', *авылдык* 'икра', *талдаш* 'подлещик', *тапаш* 'ёрш', *чавак* 'плотва', *чорагай* и *чортан* 'щука' и т.д. Остальные названия группы являются обозначениями соответствующих предметов рыболовства: *дӧмбӧ* 'ботало', *калке* 'поплавок', *кармак* 'удочка', *салда* 'острога'. Относительно обозначений татарского происхождения утверждается, что больше всего слов данной группы употребляется в говорах восточного наречия марийского языка и что при их заимствовании каких-либо существенных трансформаций не произошло.

Список чувашских заимствований тоже состоит из 14 названий. Они также относятся к обеим отраслям исследуемой лексики: *кыри* 'ёрш', *омбо* 'плавательный пузырь', *пардаш* 'язь', *атма* 'сачок', *сылым* 'невод', *шурека* 'бредень' и т.д. По словам исследовательницы, чувашские заимствования получили распространение как в марийских диалектах, так и в литературном языке.

Группа названий русского происхождения состоит из 62 заимствований. Часть из них полностью совпадает со словами языка-источника. Названия с фонетическими изменениями даются двумя отдельными списками. Первый из них состоит из

21 ихтионима, например: *быч* 'бычок-подкаменщик', *карас* 'карась', *скумбрий* 'скумбрия', *судок* 'судак' и т.д.

Список заимствованных рыболовных снастей состоит из 18 обозначений, в том числе из слова *корсика* 'острога', которое порядкового номера не имеет. Названия *мормышке* 'мормышка' и *насадке* 'насадка' попали в данный список, видимо, случайно, так как обозначениями рыболовных снастей они не являются. Относительно русских заимствований подчеркивается, что многие из них не являются единственными обозначениями соответствующих предметов и понятий, а являются синонимами собственно марийских слов и дублируют их, например: *нескар – ошманюго* 'пескарь', *судок – одыгол* 'судак', *поплавок – чичка* 'поплавок'.

Последний раздел второй главы состоит всего из одного абзаца. Приводимые здесь слова *кырлан* 'морда, верша', *тушто* 'голавль', *пурыш* 'подуст', *иш* 'белорыбица' и др. отнесены к названиям, у которых этимологии отсутствуют, что не дает возможности установить их происхождение.

Третья глава называется «Структурно-словообразовательный анализ ихтионимов и лексики рыболовства в марийском языке». Здесь производится структурная характеристика исследуемой лексики. Отдельно рассматриваются одночленные обозначения, сложные названия и составные конструкции. В зависимости от наличия или отсутствия словообразовательных суффиксов в составе однословных названий выделяются производные и непроизводные структурные единицы. Непроизводными, т.е. не имеющими каких-либо аффиксов, являются как исконные (древние и собственно марийские) слова, так и заимствования: *сӱм* 'чешуя', *прамай* 'краснопёрка', *карас* 'карась' и т.д. Все производные обозначения являются суффиксальными образованиями. В их составе диссертантка выделяет следующие непродуктивные суффиксы: *-аш* (*лопалаш* 'подлещик'), *-т* (*нелыт* 'грузило', *-зе* (*эҥырзе* 'удильщик'), *-маш* (*эҥырымаш* 'уженье'), *-ыкт* (*йӹчкӹктӓш* 'ловить, удить', *-аш* (*эҥыраш* 'удить'), *-ед* (*чӱҥгедаш* 'клевать'), *-ыл* (*чӱҥгедылаш* 'клевать'), *-ем* (*волтем* 'грузило'). Кроме того, диссертанткой отмечается, что некоторые названия рыболовных снастей образовались путем расширения значений, хотя на самом деле здесь имеет место образование суффиксальным способом нового слова, которое имеет другое значение, нежели исходное слово: *волтем* 'грузило' < *волташ* 'спускать, спустить'.

Группа названий рыб и рыболовных снастей, образованных путём сложения, состоит из двухкомпонентных и трехкомпонентных обозначений. Основным дифференцирующим признаком сложных названий, отличающим их от словосочетаний аналогичной структуры, называется образование компонентами неразложимого семантического единства, наличие фонетических изменений в составных частях и немногосложность компонентов. В какой степени это теоретическое положение находит практическое проявление в области ихтионимии и лексики рыболовства, в диссертации не демонстрируется. В соответствии с частеречной принадлежностью компонентов сложные названия распределяются по различным структурным моделям. В составе названий рыб выделяются модели: 1) имя существительное +

имя существительное, 2) имя прилагательное + имя существительное. В составе наименований частей тела и органов рыб – одна модель: имя существительное + имя существительное. В составе наименований рыболовных снастей – тоже одна модель: имя существительное + имя существительное.

Образование части сложных обозначений происходит путём присоединения компонентов без каких-либо изменений, например, *кӱвуй* 'подкаменщик' < *кӱ* 'камень' + *вуй* 'голова', *кокшаолангге* 'ёрш' < *кокша* 'маленький' + *олангге* 'окунь'. Другая часть сложных обозначений характеризуется различного рода фонетическими изменениями: 1) озвончением начального глухого звука второго компонента (*нужгол* 'щука' < *нуж* + *кол*, *айзагол* 'голавль' < *айза* + *кол*); 2) полной редукцией конечного безударного гласного первого компонента (*а, ӧ, у, э* > *ы*): *узыколмӧртньӧ* 'молоки' (*узо* > *узы*); 3) выпадением конечного слога первого компонента: *авыркӱртньӧ* 'железная пластинка на носу лодки для костра' (*авыр* < *авыры-ме*).

Составные названия представляют собой словосочетания, состоящие из двух, трех и четырех слов. Двухкомпонентные обозначения имеют следующие структурные модели: 1) имя существительное + имя существительное (*йӓр кол* 'озерная рыба', *кол шулдыр* 'плавник'); 2) имя прилагательное + имя существительное (*чара ныго* 'голец', *шем мӧртньӧ* 'черная икра', *изи кэлдэ* 'бредень'); 3) имя существительное + причастие (*кол кучышо* 'рыболов'). Структурные модели трехкомпонентных названий: 1) имя существительное + причастие + имя существительное (*кол модмо жап* 'нерестовый период'), 2) имя существительное + имя прилагательное + имя существительное (*колын ӧрдыжысӧ нервше* 'орган боковой линии рыбы'); 3) имя существительное + имя существительное + имя существительное (*нашмы вӹлвӓл лу* 'жаберная крышка'); 4) имя числительное + имя прилагательное + имя существительное (*шӹм ыражан кол* 'минога ручьевая'. Структурные модели четырехкомпонентных обозначений: 1) имя прилагательное + имя существительное + причастие + имя существительное (*кугу кол кучымо мурда* 'морда для ловли крупной рыбы'); 2) имя существительное + имя существительное + имя прилагательное + имя существительное (*кол кап ӱмбалнысе лу-влак* 'покровные кости рыбы').

В результате структурного анализа ихтионимической лексики автор диссертации приходит к выводу о том, что ей присущи те же самые закономерности, что и для лексики марийского языка в целом.

Четвертая глава имеет заголовок «Мотивированные названия ихтионимов и номинация лексики рыболовства в марийском языке». Во вступительной части даются основные сведения по теории номинации. Сообщается о двух видах номинации – первичной и вторичной. Номинативные единицы первого вида являются, как правило, немотивированными. Связь между смысловым содержанием таких слов и денотативным признаком обозначаемого явления утрачена. Названия второй категории являются мотивированными. Исходя из их смыслового содержания можно определить конкретные признаки и свойства обозначаемых реалий, которые положены в основу номинации.

Основная часть главы состоит из анализа: 1) мотивированных названий рыб, 2) мотивированных названий частей тела и органов рыб, 3) мотивированных названий рыболовных снастей. Всего на материале мотивированных названий рыб выделяются и рассматриваются 10 подгрупп.

Названия, указывающие на окраску рыб, в марийском языке употребляются, как правило, с компонентами со значением «белый», «красный», «черный». Подобного рода названиями соответствующие виды рыб характеризуются не только по цвету внешнего покрова, но и некоторых отдельных частей тела – глаз, плавников. В составе названий, обозначающих форму тела, присутствуют компоненты со значением «голова», «глаза», «плавники», «губы». Появление части названий данного типа обусловлено внешним сходством определенного вида рыб с какими-либо предметами или животными: *косаргол* 'чехонь' (букв. косарь-рыба), *охырецкол* 'сеток' (букв. огурец-рыба), *кишкыгол* 'вьюн' (букв. змея-рыба), *колгайык* 'летучая рыба' (букв. рыба-птица). Для обозначения таких понятий, как величина, размер, употребляются номинативные единицы с компонентами *изи, пичи* 'маленький', *иге* 'детёныш'. На локализацию соответствующих частей тела рыбы и на половую принадлежность указывают названия *поч шулдыр* 'хвостовой плавник', *туп шулдыр* 'спинной плавник', *узыкмӧртньӧ* 'молоки' (*узыкол* 'самец', *мӧртньӧ* 'икра') и т.д.

Обозначения, с помощью которых осуществляется номинация представителей ихтиофауны по месту обитания, подразделяются на: а) названия рыб, обитающих в морских и озерных водоемах: *тенгыз олангге* 'морской окунь', *йӓр кол* 'озерная рыба', б) названия рыб, обитающих в каменистых водоемах: *кӱнюго* 'гольян речной' (*кӱ* 'камень'), в) названия рыб, обитающих в песчаных водоемах: *ошмапигол* 'пескарь' (*ошма* 'песок'). г) названия рыб, держащихся на поверхности воды: *вӱдӱмбал* 'верховка' (букв. поверхность воды), д) названия, характеризующие особенности водной и прибрежной растительности в местах обитания рыб: *агачак* 'жерех' (*агач* 'дерево'), *тумыгол* 'сельдь-черноспинка' (*тумо* 'дуб'), *лӱлпыгол* 'гольян речной' (*лӱлтӹ* 'ольха').

В составе мотивированных названий рыб самыми малочисленными подгруппами являются обозначения, отражающие вкусовые свойства объекта номинации (всего одно название), обозначения, отражающие особенности поведения рыб (2 примера), и ихтионимы, производные от этнонимов (2 примера). Что касается последней подгруппы (*маригол* 'мелкая рыба', *маринюго* 'мелкая речная рыба'), вместо того чтобы выяснить, чем мотивировано употребление определительных компонентов, проводится структурная характеристика.

Содержащиеся в диссертации мотивированные названия свидетельствуют, что подавляющее большинство из них непосредственно указывает на основные признаки номинации. Ихтионимы же, являющиеся метафорическими обозначениями, характеризуют объект номинации опосредованно.

Завершающая часть четвертой главы посвящена рыболовной лексике. Здесь рассматриваются названия, служащие для обозначения: 1) устройства рыболовных средств

и орудий или их отдельных частей, например, ячейки сети, крючка и лески удочки, черенка намета и т.д., 2) орудий лова, например, сеть для ловли щуки, морда для крупной рыбы и т.д. Некоторые названия обеспечивают номинацию орудий лова по издаваемому звуку: *дӧмбӧ, пото, шумбык* 'ботало' и т.д.

Выводы, содержащиеся в заключительной части диссертации, убедительны, они отражают суть рассмотренных в основных разделах исследования проблем. Большую ценность представляет приложение к диссертации, состоящее из 7 словарей и 4 диаграмм, с помощью которых усиливается степень наглядности и содержательности фактической базы исследования.

Исходя из содержания диссертации Э.И. Пекшеевой убеждаешься в том, что рецензируемая работа является самостоятельным научным исследованием, обладающим актуальностью и научной новизной, теоретической и практической значимостью. Автореферат и 14 опубликованных статей Э.И. Пекшеевой, в том числе в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией РФ, отражают основные положения диссертации. В качестве положительного момента надо отметить также то, что по результатам исследования сделаны доклады на научных конференциях различного уровня.

Техническая работа по оформлению выполнена вполне корректно, и диссертация производит впечатление хорошо обработанного труда. Автор свободно владеет как фактическим материалом, так и необходимой исследовательской методикой.

Однако наряду с достоинствами в тексте диссертации имеются и определённые недостатки. На часть из них нами попутно было указано в процессе характеристики основных частей диссертации. Дополнительно следовало бы отметить повторы в одном и том же или в соседних контекстах, например: «Теоретическая и практическая значимость **исследования** заключается в том, что материалы диссертации могут быть использованы **исследователями** лексикологии.., а также **исследователями**, разрабатывающими… Данное **исследование** представляет собой… (с. 10); «Богатый лексический **материал** собран и опубликован в «Марийско-русском словаре», **составленном** коллективом МарНИИ. Словарь содержит 21 тысячу слов. Он **составлен** в основном на **материале** лугового наречия» (с. 24).

Встречаются ошибки в согласовании словосочетаний: «Народные названия пескаря в марийском языке представлены 22 ихтионимами, из которых 15 – собственно **марийского образования**» (с 44). «Его мнение совпадает с точкой **зрения исследователями**, которые соотносят данное слово…» (с. 81).

В некоторых местах диссертации с ошибками приводятся примеры из родственных языков: коми *кӧвны* 'ловить бреднем' (надо *кӧвтны*), коми *кельтчи* 'плотва' (надо *кельчи*). В двух примерах на с. 17 символы в начале слова не соответствуют удмуртской букве *х*.

Не являются украшением текста и некоторые тавтологические выражения, обозначающие одно и то же явление: «… татарский язык оказал определённое влияние на развитие **словарного состава** анализируемой **лексики**» (с. 123). Или на-

звание четвертой главы «Мотивированные названия ихтионимов и номинация лексики рыболовства в марийском языке», которое буквально означает «Мотивированные названия названий рыб и называние названий рыболовства в марийском языке».

Некоторые утверждения автора противоречат логике существующих явлений. Например: «Признак, выделяющий цвет определенной части рыбы…». Каким образом признак может выделить цвет определенной части рыбы? Сюда же следует отнести смысл высказываний о наличии у некоторых представителей ихтиофауны крыла (с. 138, 139) или перьев (с. 42, 174), что на самом деле свойственно птицам, а не рыбам. Здесь, видимо, более правильно вести речь о плавниках и внешнем покрове с чешуей или без нее.

Следует признать не соответствующим действительности утверждение диссертантки о заимствовании слова *сывын* из тюркских языков через булгарский язык, так как названия булгарского происхождения являются самыми древними тюркскими заимствованиями и он не мог быть посредником между марийским и современными тюркскими языками.

К ошибкам технического порядка следует отнести постановку двух знаков (элемента скобки и точки) вместо одного знака после соответствующей цифры при перечислениях (с. 96, 97 и т.д.).

Отмеченные выше недостатки и ошибки легко устранимы и не снижают общей положительной оценки рецензируемого исследования. В целом работа Э.И. Пекшеевой «Ихтионимы и лексика рыболовства в марийском языке» выполнена на должном научном уровне и вносит определенный вклад в марийское и в целом финно-угорское языкознание.

Анатолий Ракин
Сыктывкар

Рец.: Metsmägi I., Sedrik M., Soosaar S-E.
Eesti etümoloogiasõnaraamat. – Tallinn, 2012. – 792 s.

Эстонский этимологический словарь (Eesti etümoloogiasõnaraamat, далее: EES) издан в 2012 г. тремя авторами-составителями: Ирис Метсмяги (Iris Metsmägi), главный редактор; Меэли Седрик (Meeli Sedrik), Свен-Эрик Соосаар (Sven-Erik Soosaar). Из них марийцам хорошо известен Свен-Эрик Соосаар, много раз бывавший в Марий Эл, хорошо владеющий марийским языком.

До этого в Финляндии был опубликован Эстонский этимологический словарь (Estnisches etymologisches Wörterbuch) в 12 томах, разработанный Юлиусом Мягистэ (Julius Mägiste), проживавшим в Швеции. К сожалению, из-за преждевременной смерти профессора Мягистэ словарь был издан недоработанным, к тому же он за последние десятилетия несколько устарел.

Рассматриваемый словарь как результат многолетней работы составлен очень тщательно (и только на эстонском языке, разумеется, исключая примеры латиницей из других языков; в целом с точным и чётким толкованием эстонских слов; без чрезмерно усложнённой графики, трудной для восприятия нелингвистов, которая была характерна для некоторых словарей; с минимумом сокращений), и поэтому можно быть уверенным, что он будет популярным в Эстонии, а также вызовет живейший интерес у лингвистов и всех тех, кто интересуется этимологией слов.

Новый этимологический словарь эстонского языка издан в виде крупноформатного однотомника (сам корпус этимологий начинается со страницы 41 и кончается на странице 637), тем не менее благодаря лаконичной и оригинальной концепции авторам удалось объяснить происхождение основной части слов языка. Приме́ры из других языков обычно приводятся наиболее распространённые (так, использованы марийские варианты слов в основном лишь из лугового наречия), список научной литературы после словарной статьи не дается, не представляются праформы слов уральского, финно-угорского, финно-пермского происхождения (эти праформы не всегда убедительны, поскольку многие финно-угорские народы, некогда занимавшие территории между прибалтийско-финскими народами и мордвой, марийцами, исчезли, в общем-то не оставив никаких данных о своих языках, исчезли и многие южносамодийские языки, их лексику в полной мере не успели зафиксировать. Не исключено, что вепсы и весь были субэтносами одного народа, весь же совершенно обрусела, исчезла. Значительная часть исконной лексики в марийском и в других восточных финно-угорских языках была вытеснена тюркизмами и русизмами). Поэтому такой тип словаря также вполне оправдан.

На страницах 734–735 дан список марийских слов, их можно легко найти в работе по приведённым рядом в другом столбце эстонским словам. Точно так же – для слов других языков.

В техническом плане нет замечаний, разве что стрелка-ссылка могла бы быть для некоторых случаев в обратном направлении: ↓ (в словаре они указывают только вперёд: ↑). Например, **mudilane** 'малыш, малютка' … (с. 284b). Общий корень в слове ↑ **mutukas** 'насекомое, мелкая букашка' … (на с. 290a, что ниже).

EES составлен на основе надёжных источников. Тем не менее в словаре нередко встречается и иной взгляд на происхождение слов. В SSA (Suomen sanojen alkuperä – трёхтомный финский этимологический словарь 2000 и 2001 гг.) при ф. *ahingas* 'острога' дано: < ? балт., в EES (с. 45a): < балт.; в SSA (с. 57a) при ф. *aika* 'время' дано: < ? др-герм., в EES (с. 43ab): < балт. (литов. *eiga* 'путь, прохождение'). Ф. *hiljaa* 'негромко; медленно'; по SSA[1] (с. 163b), только пф; по EES (с. 76a), **hilja** 'поздно' < др-герм. Если в SSA[1] (с. 247a) в статье *jumala* 'бог' мордовское соответствие *jon-* в *jondol* 'молния' приводится со знаком вопроса (в UEW, с. 638. даже с двумя), то в EES (с. 100) знака вопроса нет (что, может быть, и верно, т.е. *jondol*, скорее всего, означало 'бог(а) + огонь', а согласный *-m* перед *-d* перешёл в *-n-*). В SSA[1] (с. 253a) к пф словам (ф. *juuri* 'корень') приведено морд. *юр* 'корень и т.д.' и под вопросом удм. *йыр* и к. *юр* 'голова', то в EES (с. 103, э. **juur** 'корень') последние не приведены из-за их различия в семантике. UEW (с. 633), SSA[1] (с. 259a) пф-саам.-морд.-мар. слово (ф. *järvi* 'озеро') не указывают, в отличие от EES (с. 105, э. **järv**), на возможность балтийского прихождения. В SSA[1] (с. 446b) ф. *kura* 'левый' (= ингер., вод., э. **kura** id.), саам. *gärruoh*, *gurot* id. (< ? ф.). А EES (с. 105a) здесь видит пф-саамское слово.

Для марийцев может быть интересным для сравнения слово **kõnd** 'малоплодородная, обычно неиспользуемая или незаселённая земля', ср. мар. диал. (сарап.) *кендырата* 'болотистая земля с плохим лесом' (где *-ра* и *-та* – суффиксы), вепс. *kend*, *kendäk* 'берег реки, озера у самой воды; край болота'.

Ф. *huoli*, э. **hool** 'забота; попечение' очень напоминает рус. *холя* 'забота, уход', но если приводимое под вопросом саам. *soallut* 'чистить зубы, ковыряя спичкой' связано с пф словами, то сходство с рус. *холя* случайно. В статье **vedel** 'жидкий' – по SSA прибалтийско-финское слово (ф. *vetelä*), ещё можно бы было привести **vedelik** 'жидкость'. Разумеется, такие случаи следует рассматривать не как ошибки, а как особенность словаря.

Всё же в единичных случаях можно высказать и своё особое мнение. Удм. *чалыш* 'затёсанный наискось' (ср. тат. *чалыш*, башк. *салыш*, алт. *чалый* 'косой, кривой') вряд ли возможно сопоставить с э. **sälk, tsälk** 'зазубрина; зарубина'.

В статье **kumm**[1] 'свод; выпуклая поверхность' вместо общеизвестных удм. *кымин* 'ничком, лицом вниз' и *кымиттыны* 'положить ничком; опрокинуть, поставить вверх дном' даны малоизвестные диалектные формы (и в SSA[1], с. 435b, так же – для удм. *кымин*).

EES (с. 576b) **uisk** 'конёк (ед. ч. от слова *коньки*); большая одномачтовая лодка' рассматривает как одно слово и сопоставляет с ф. уст. *wisko, visko* 'большая лодка' (в SKES и SSA *wisko* не рассматривается, но это слово есть у Фасмера, IV, с. 181, рус. – из др-вепс.), из вепс. или карОл – рус. *uškoj* 'лодка', у В. Даля *ушкуй, ушкол,* у Фасмера *ушкуй*, русОл. *у́шкой* 'вид речного судна', Фасмер приводит и э. **huisk**, род п. **huizu** 'перевоз' (там же).

Карой Редеи в UEW (Károly Rédei, Uralisches etymologisches Wörterbuch) мар. *пултыш* 'кусок' под вопросом включает (как и EES, с. 349b) в группу с уральским **pala* 'кусок; жрать', но указывает, что *пултыш* может быть связан с *пураш* -ам 'кусать'. Если обратиться к обратным словарям марийского языка, все существительные с суффиксом *-тыш* образованы от основ глаголов, т.е. *пултыш* можно объяснить только из *пурылтыш* 'откусанное, откусанный кусок'. Или взять слово *ulu* 'навес', *ulu-: ulualune* 'кров, приют'. Происхождение от э. *ulatada* 'доходить; протягивать; простирать' не очень убеждает из-за отдалённости значений, во всяком случае остаётся непонятным, каким был механизм семантического перехода. То же можно сказать в отношении слова *king, käng* 'ботинок', к тому же получается, что и *king* 'ботинок', и *sink* 'окорок' происходят из одного раннегерманского источника, при такой этимологии для *king* 'ботинок' непонятен семантический переход от 'лапа, нога (животного)' к 'ботинок'. Хотя древняя обувь была из одного куска кожи (и у солдат Древнего Рима), но жители Севера вряд ли носили обувь, напоминающую ботинки, скорее они смахивали на сапоги, защищающие ноги при хождении по лесам и болотам. Очевидно, кусок кожи с ноги оленя, лося не был достаточен для тогдашней обуви. Ср. всё же вепс. *kämbud* 'берестяные полусапожки'.

Слово **kõlbama** 'годиться' (ф. *kelpo* 'хороший, порядочный; изрядный') в фонетическом плане как будто годится для выведения от праформы нем. *helfen* 'помогать', но нельзя не признать, что значения этих слов далеки; в SSA[1] (с. 342) такое же, как и в EES, объяснение, в SKES (Suomen kielen etymologinen sanakirja), с. 180, германское происхождение не упоминается. Так же обстоит дело с лексической группой с ф. *löytää* 'находить'. В UEW (с. 247): фу **lewdä-* находить, пф – ? в. *lel-, lél* id., а SKES и SSA[2] (с. 132b) не упоминают о германском происхождении пф слова. EES (с. 235b) не приводит венгерского слова, выводит пф (э. **leidma**) из раннегерманского (что может быть и верно).

Разумеется, в более подробных работах эти моменты могут стать для читателя более ясными. Но всё же несколько удивляет то обстоятельство, что в пф языках находят многие сотни германизмов и балтизмов, а вот в прагерманском и прабалтийском заимствований из прибалтийско-финского языка-основы практически не обнаруживается.

Трудно спорить, когда новая этимология представлена лишь праформой: **paras** (генит. **paraja**) 'в самый раз', 'подходящий' < др-индо-иран. **bhadrám* (эта праформа в EES дана без значения, с. 353), и нет доступных для нас дополнительных данных. В UEW (724 с.), SSA[2] (с. 313b, ф. *paras* 'лучший', с. 314a, ф. *parempi* 'лучше' – мар. *пуры, поро* 'хороший, добрый') нет такого видения. Всё же кажется, что

первичным в древности для слова должно было быть значение 'правый' (ср. э. **paremat kätt** 'справа, по правой стороне, по правую руку', мар. *пурла, пурмыла, вургымла* 'правый', удм. *бур* и к. *бурда* и *пурда* 'правый'), слово со значением 'хороший' могло выделиться из более важного в те древние времена слова со значением 'правый'. К тому же понятие 'хороший' более абстрактно, чем 'правый', понятие 'хороший' и в наше время легко можно выразить и без слов (или междометием экспрессивного характера, напр., *о!*).

Удм. *гыбед* 'перегной, торф', *гыбдась сюй* диал. 'торф' (*букв.* 'тлеющая земля' при *гыбданы* 'тлеть, гореть без пламени') всё же как будто ближе всего к *кыв-* в марГ. *кывемшы* (в Диалектном словаре Beke тж. *кувемше*) 'перегной', а не с э. **komp.** ф. *китри* 'холм, бугор' и т.д. К орнитониму **koskel** (= ф. *koskelo*) 'крохаль' в EES под вопросом приводится к. *косысь* 'серая утка'. Возможно, сюда же под вопросом удм. *куаси* 'селезень', мар. *косо* 'гоголь', Г. *касы* 'бекас; крохаль'.

В статье **kõri** 'гортань, горло' под вопросом наряду с удм. *гур-: гурл* 'подборок' приводится к. *garaŋ* 'пищевод'. В больших словарях коми языка такое слово не обнаруживается, в Коми-русском словаре 2000 года есть только *сёян гориш* 'пищевод'.

EES во многих случаях представляет несколько иной взгляд на объяснения происхождения слов (хотя чаще всего взгляд авторов EES совпадает с этимологиями в SKES и SSA). По UEW (с. 135), SSA[1] (с. 486): ф. *köysi*, пф., саам. (сюда, очевидно, могут быть мар. *кыл*, удм.; к., манс. *kāləj* 'верёвка', х. *ketə* 'ремень', *kol* 'верёвка, ремень'), а в EES (с. 211b): э. **köis** верёвка (пф.) – ?удм., ?к., ?х., ?манс. (без мар. *кыл, kəl* 'струна; дужка, ручка; связь'. Но сюда, без сомнения, и мар. *кыл-, kəl-* в *кылыиде, kələmdə* 'пупок' – слово явно не заимствованное).

По SSA[1] (с. 467a): ф. *kyy* (пф) – морд. *гуй, кийов*, ?мар. *кишке* (если *-ишке* – суф.) – удм. *кый* 'змея', к. *кый* 'змея', диал. 'минога', кП сев. *кӧй* 'уж; гадюка', к., в., нен., сельк. (*šü* 'змея'). В EES (с. 215b, э. диал. **küü** 'змея-медянка') без знака вопроса представлены лишь пф и морд. слова. Ср. также удм. диал. *гайгуби* 'шампиньон' (*губи* 'гриб'). В марийских диалектах, соседствующих с удмуртами, есть миконим *kiške poŋgo* 'шампиньон' (букв. также 'змея-гриб'), поэтому *гай-* скорее всего связано с удм. *кый* 'змея'.

SSA[2], с. 126: статья *lännikkö* 'низкая деревянная посудина для молока', не доказано, что пф слово из балт. А по EES в статье **lännik** 'вид посудины', ф., вод., ингер. – из балт., ср. литов. *lenta* 'доска'. – Корабли и в древности строили из досок, но их при отсутствии лесопилок строили очень долго, поэтому сомнительно, что бочки, кадки и т.п. из досок (клёпок) начали делать столь же давно, ещё два-три столетия назад даже речные лодки чаще выдалбливались, не говоря уже о бочках, кадках.

SSA[2] ф. *maata* (рассматривает как пф слово) 'спать' не считает германизмом (с. 136b), в EES это под вопросом принимается (при нем. *machen* 'делать', но, учитывая труднопреодолимое различие в семантике, приводятся и *gemach* 'спокойный' [и 'медленно; спокойно'], *Gemach* 'покой', 'комната', тж. 'спальня'. Но тут всё же возникают сомнения, так можно ли быть уверенным, что последнее слово (да ещё

со значением 'спальня') уже существовало в речи древних германцев при имевших место контактах с древними предками прибалтийских финнов? По свидетельству римлян, в IV–V веках у германцев и жителей Британии дома по своей планировке были простыми, даже без потолочных перекрытий и каких-либо перегородок или комнат, и предполагать о наличии в них тогда комнат-спален нет оснований. У скандинавов жилища, которых римляне не видели, вряд ли были другими.

В SSA² ф. *maima* 'маленькая рыбка, наживка' даётся лишь как пф слово (с. 138a), в EES (э. *maim* id.) под вопросом возводится к др-герм. источнику, что не представляется убедительным. Ср. мар. *маймá, мáйме, мальмá* 1) 'малёк' 2) 'вид мелкой рыбы, небольшая красивая рыбка', (?) *мыл'е* 'малёк', (?) вепс. *mol'aine* 'малёк', *mol'ed* 'мальки', (?) удм. *моля, уля* 'пескарь', (??) *мули* 'налим', рус. (Даль) *малёк* 'самая мелкая рыбёшка, [NB:] моль, мулька', к. *майва* 'уклейка' (по КЭСК, с. 168: вероятно, из ф. *maiva* 'маленькая рыбка', ср. рус. арханг. *мойва* id.). SSA² (140b) отсылает *maiva* к статье *maima*, где слово рассматривается как пф, рус. *маймушка, маймуха*, *мойва* – из кар., вепс., а к. *майва* – из рус. диал. – Очевидно, в некоторых случаях имело место сравнительно недавнее смешение слов из финно-угорских и русского языков. – Фасмер (II 559): тат. *майна* 'мелкая рыба' – заимств. из рус. – Тат. *маймыч* 'малёк', на наш взгляд, из рус. *маймушка*, из рус. *майма* – якут. *майба, байба*, тунгус. *майма, маγма* 'малёк; пузатая рыбка'.

В SSA² ф. *metsä* 'лес' даётся как пф слово + (под вопросом) саамские и венгерские слова, гипотеза о его балтийском происхождении не принята (с. 163b). EES (с. 284b) без вопроса выводит его из балтийского праязыка.

В SSA² ф. *muta* 'ил, торф; грязь' даётся как пф-саам.-морд. слово, мысль Йормы Койвулехто о германском происхождении не принимается (с. 184a). EES (с. 281) без вопроса возводит его к двум раннегерманским источникам. Наличие слова в мордовских языках как будто не стыкуется с таким объяснением. Не исключено, что слово в нижненемецком и скандинавских языках – из пф языка-основы.

Э. **musu, musi** 'поцелуй' – ср. удм. *мусо* 'милый, любимый; мило, ласково', к. *муса* 'милый, любимый', х. *mos-: mosəttəta* 'целовать'. Близость их явно случайна, но она подтверждает мысль (EES, с. 289-290) об ономатопоэтическом происхождении этих слов.

SSA² (с. 185) удм. *мыд* 'другой' не связывает с ф., э. **muu** 'другой, иной' (фу, напр., в. *más* 'другой, иной'); SSA² удм. *мыд* 'другой, иной', *мукет* 'другой, иной' и к., кП *мöд* 'второй, другой, иной' связывает с ф. *moinen* 'такой, подобный, этакий' (с. 169a). EES (с. 290) приводит к **muu** и удм. *мыд*. UEW (с. 281-2) к фу **mu* 'другой, ?этот, тот' приводит и удм. слово, и к., кП *мöд*. – Всё же эти слова по значению (в отличие от ф. *moinen*) ближе к **muu**.

В EES, с. 291b, удм. *majaltyny* 'вытереть начисто; погладить' под вопросом сопоставляется с э. **mõistma** 'понять', иначе в SSA (с. 173-4, в статье *muikea* 'кислый'): удм. *majaltyny* 'вытереть, помазать' [по УРС 1983 *маялтыны* 1) вытирать, протирать; смахивать 2) подметать, мыть (пол) 3) гладить, поглаживать (напр., волосы) 4) *перен.* красть] – под вопросом сопоставляется с кар. *тијоа* 'отве-

дать'. – Ср. ещё удм. *маялляны* 1) гладить, поглаживать 2) мазать, замазывать 3) вытирать, протирать, КЭСК (с. 187) удм. *маялтыны* под вопросом сопоставляет с к. *мавтны, майтны* 'мазать', на с. 169 сравнивает и с к. *малавны* 'щупать, гладить', кП *ки маласон* 'ощупью рук' (*ки* рука'), *маласьны* 'ощупывать; медлить', *малтышалны* 'мазать' (указывая, что в истории этих слов много неясного).

По SSA² (с. 195b) ф. *mäyrä, mäkrä* 'барсук' – пф слово, сопоставимое с ф. *myyrä, mykrä* 'крот' (также пф слово), не германизм. EES (с. 294) это слово (э. **mäger** 'барсук', людик., вепс. *mägr* id.) под вопросом признаёт германизмом (ср. нем. *Marder* 'куница'), приводя в пользу этого то, что барсук и куница относятся к семейству куньих. Вряд ли это весомый аргумент, поскольку барсук и куница как внешне, так и образом жизни весьма отличаются друг от друга. Значительны и различия в фонетическом облике этих пф и германских зоонимов. А э. **mügri** 'водяная крыса' в EES не сопоставлено с группой слов, означающих 'барсук' (с. 299b).

По SSA² (с. 195b) фин. *mänty* 'сосна' (ср. вепс. *mänd* 1. сосняк на болоте [не 'сосна', хотя ср. мар. диал. *пӱнджӧ* 'сосна' и 'сосняк'] 2. рыхлая заболонь – обычно сосны) – объяснено как пф, образованное от балтизма *mäntä* 'поршень; головка маслобойки'). EES (с. 296a) не принимает такое объяснение (его отвергал и Юлиус Мягистэ). Возникает вопрос: неужели слово для обозначения '(хилая, болотная или молодая) сосна' вошло в пф языки лишь после появления поршня (техн.) и/или маслобойки? В вепсском языке, кроме слова *pedai, pedei* 'сосна', есть и *hoŋg* 'сосна (сухая, высокая); высохшая на корню сосна', ф. *honka* 'кондовая сосна', ср. и мар. *пӱнчӧ*, а тж. *якте* '(стройная и высокая) сосна', *тырке* 'молодая сосна'. У лесных народов в древности не могло быть лишь одного слова для часто встречающихся деревьев. И нет сомнения, что у народов, жизнь которых тесно связана с лесом (и с болотами), скорее всего было своё слово для обозначения 'болотная сосна'. Если в мар. *пӱнджӧ, пӱнжӧ, пӱнчӧ, пӱнтшӧ, pən(d)žə*, СЗ. *пӱʷнцӧ* 'сосна' согласный *-н-* не вторичен (ср. мар. диал. *pən, pin* 'сосна'), то почему не предположить, что **penčä* (UEW, на с. 727, допускает и такой вариант праформы для ф. *petäjä*, э. **pedajas**, саам. *bæccce*, морд. *piče, pičä*, удм. *пужым*, к. *пожӧм* 'сосна') является древним фонетическим (и частично семантическим) вариантом для фин. *mänty*, э. *mänd* 'сосна'? Ср. яп. *мицу (micu)* и латин. *pinus* 'сосна'. Звукосоответствие *m- / p-* не редкое явление, ср. э. **putukas** и **mutukas** 'насекомое', **pugima** 'мякать (хлеб)' и **mugima** 'уминать (что-л.)', ф. *muru* 'крошка' – э. **puru** 'крошка и т.д.', вепс. *pičiine, pučiine* 'маленький' – *mičiine, mičine* id. В тат. златоустовском *məšä* 'миндовая сосна' *m-* < *p-* (скорее всего, тат. *məšä* из мордМ *pičä*).

Интересно, что в SSA² (с. 385) в статье *poika* 'сын; мальчик; парень' мар. *пӱ-* в Г. *пӱеŋə?* 'мужчина' приведено под вопросом, в EES (с. 378, **poeg** 'сын; мальчик; парень') мар. *пӱ-* не упоминается. Это понятно: если *пӱ-* означало 'сын; мальчик; парень', то почему этот компонент присоединился к *ерŋə* с идентичным значением и приобрело значение 'мужчина'? Всё это трудно объяснить, но ведь семантические и фонетические изменения в истории отдельных слов подчас нелегко проясняются.

EES (с. 462) э. **saun, sann** 'баня', 'избушка' под вопросом выводит из раннегерманского (но даже сравнительно близкое по значению швед. диал. *stake, stack* 'очаг' по фонетическому облику, да и по значению, на наш взгляд, мало подходит в качестве источника). В SSA[3] (ф. *sauna*, лив. *sõna, sān* 'баня', саамN *suow'dnje* 'выкопанная в снегу яма') дано лишь как пф-саамское слово (с. 161b).

По EES (с. 548b) э. **tsura, tsora, sura** 'парень' под вопросом из латыш. *èura* 'беспомощный, неловкий человек и т.д.' – что более вероятно, чем сближение с мордЭМ *цёра* 'сын', ср. и марГ *цóра* 'мальчик', они считаются тюркизмами, ср. тат. *чура* 'дружинник; работник (крепостной из пленных)', чув. *чура* 'раб', 'рабство'.

В SSA[3] ф. *vanha*, э. *vana*, лив. *vanā* 'старый', *va'nnit* 'возраст' (и т. д., пф слово) сопоставлено без вопроса с удм. *вуж*, к. *важ* 'старый' (с. 405a), в EES *вуж, важ* даны под вопросом (с. 404-5).

Конечно, для приведённых выше сомнений относительно объяснений отдельных слов в EES не всегда достаточны обоснования, к тому же надо учесть, что эстонские этимологи являются исследователями своего языка, и у них в распоряжении вся литература, касающаяся их родного языка и этимологий эстонских слов. Вообще-то ошибки, имеющие бесспорный характер, в рассматриваемом словаре единичны.

Авторы рассматриваемого словаря (в отличие от финнов и венгров) использовали не устаревшие, нередко искажённые, названия языков (tscheremissisch или ceremissisch, votjakisch, ostjakisch и т.д.), а национальные названия (mari, udmurdi, komi, saami, mansi, handi, neenetsi, eenetsi, nganassaani, sölkupi), а это говорит о том, что эстонцам хорошо понятны чувства и желания других, небольших по численности, народов.

Хотя практически все этимологические словари со временем немного (некоторые даже относительно быстро) устаревают, можно быть уверенным: EES не устареет достаточно долго. Нельзя не упомянуть, что EES будет чрезвычайно полезен для составления этимологических словарей других уральских народов, а также для продолжения этимологических изысканий для других языков, которые уже имеют такие словари. Кое-что полезное и рациональное можно взять и в концепции (принципах построения) EES.

Достойно похвалы и подражания то, что издание этимологических словарей у финнов, эстонцев, венгров считается важным делом. Нет сомнения, что это первый (и успешный) шаг эстонских этимологов не последний, и через какое-то время интересующиеся языком увидят более подробный и развёрнутый этимологический словарь эстонского языка.

Остаётся только поздравить эстонцев с появлением очень интересного, содержательного и в то же время достаточно компактного этимологического словаря хорошего научного уровня.

Валерий Вершинин
Йошкар-Ола

ХРОНИКА

ИТОГИ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-КРАЕВЕДЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ОЛЫКА ИПАЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ»

28 июня 2012 года в п. Морки Моркинского района Республики Марий Эл в Центре народного творчества и культурно-досуговой деятельности состоялась региональная научно-краеведческая конференция «Жизнь и творчество Олыка Ипая в контексте современности», посвященная 100-летию со дня рождения марийского поэта-новатора Олыка Ипая – Степанова Ипатия Степановича (1912–1937).

В конференции приняли участие заместитель Председателя Правительства Республики Марий Эл, министр культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл М.З. Васютин, глава муниципального образования «Моркинский муниципальный район» С.М. Иванова, депутат моркинского районного собрания А.В. Павлов, директор Государственного бюджетного научного учреждения при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева» А.С. Казимов, председатель правления общественной организации «Союз писателей Республики Марий Эл», член Союза писателей России С.Д. Архипова, ведущие ученые республики, исследователи-краеведы, учителя средних и основных общеобразовательных школ.

На открытии конференции прозвучали приветственные выступления заместителя Председателя Правительства Республики Марий Эл, министра культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл Михаила Васютина, представителей Государственного Собрания республики, Моркинского муниципального района, председателя правления Союза писателей республики Светланы Архиповой, а также директора МарНИИЯЛИ Александра Казимова, руководившего пленарными заседаниями и ходом работы всей конференции.

На пленарном заседании выступили: зав. отделом литературы МарНИИЯЛИ Надежда Федосеева, рассказавшая о творчестве поэта Олыка Ипая и художественном опыте марийской литературы; зав. отделом этнологии МарНИИЯЛИ Влади-

мир Шаров, проинформировавший участников конференции об отражении творчества Олыка Ипая в сети Интернет; директор Национального музея им. Т. Евсеева Анатолий Муравьев, сообщивший о культурном наследии лауреатов премии им. Олыка Ипая в фондах Национального музея Республики Марий Эл им. Т.Евсеева.

В ходе пленарного и секционных заседаний из заявленных 29 докладов заслушано 18 выступлений по актуальным проблемам изучения жизни и творчества Олыка Ипая, лауреатов молодежной премии им. Олыка Ипая, марийского литературоведения и фольклористики, литературной классики в диалоге культур.

Обсуждались проблемы изучения жизни и творчества марийского поэта-новатора Олыка Ипая в следующих аспектах: Олык Ипай и его эпоха, литературное окружение; творчество Олыка Ипая: идейно-тематическое содержание, поэтика и стилистика; фольклор в творчестве Олыка Ипая; литературная классика в диалоге культур; творчество лауреатов молодежной премии Олыка Ипая; вклад Олыка Ипая в развитие марийской литературы XX века.

Важное место в работе конференции заняли вопросы, связанные с преподаванием творчества Олыка Ипая в школе, с изучением творчества лауреатов им. Олыка Ипая.

Представленные доклады отличались высоким профессиональным уровнем, научной актуальностью и вызвали живой интерес участников конференции, нередко возникали дискуссии, проходившие в атмосфере доброжелательной заинтересованности.

Конференция прошла успешно и плодотворно. Большой вклад в ее проведение внесли Правительство Республики Марий Эл, Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл; администрация МО «Моркинский муниципальный район»; Государственное бюджетное научное учреждение при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева». Существенной оказалась поддержка ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет» и ГБОУ ДПО (ПК) С «Марийский институт образования».

Участники конференции отметили следующее:

· Проведение научно-краеведческой конференции, посвященной столетнему юбилею со дня рождения марийского поэта-новатора Олыка Ипая, поднявшего марийскую поэзию на качественно новую ступень развития, имеет важное значение. Основной пафос художественных произведений направлен на изображение культурных традиций народа мари.

· К участию в конференции удалось привлечь ученых и учителей Республики Марий Эл, разносторонне изучающих как творческие идеи Олыка Ипая, так и продолжателей его дела. Научный форум организовал единое культурное пространство для общения деятелей науки, авторитетных исследователей, молодых ученых и учителей школ, заинтересованных в изучении и применении выработанных ими научных подходов.

Участники конференции выражают благодарность организаторам научного форума за проведение региональной научно-краеведческой конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Олыка Ипая, на родине поэта в Моркинском районе.

В ходе работы научно-краеведческой конференции были высказаны следующие рекомендации и предложения:

· Выразить благодарность Главе Республики Марий Эл и Правительству Республики Марий Эл за поддержку развития культуры и искусства Республики Марий Эл, а также организацию проведения региональной научно-краеведческой конференции «Жизнь и творчество Олыка Ипая в контексте современности», посвященной 100-летию со дня рождения марийского поэта Олыка Ипая.

· Издать сборник материалов региональной научно-краеведческой конференции «Жизнь и творчество Олыка Ипая в контексте современности».

· Проводить конференцию с периодичностью один раз в два года с расширением тематики научного форума.

· Общеобразовательным учреждениям, администрациям муниципальных районов и городских округов Республики Марий Эл активизировать работу по популяризации изучения творчества Олыка Ипая; пропагандировать культурное наследие лауреатов молодежной премии им. Олыка Ипая.

· К участию в конференции привлекать аспирантов, молодых ученых, молодежные организации, студентов вузов, учащихся школ.

· Министерству образования и науки Республики Марий Эл, Марийскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, Марийскому государственному университету разработать и издать методическое пособие по марийской поэзии для учащихся школ.

· Союзу писателей Республики Марий Эл рекомендовать перевести на горномарийский литературный язык произведения Олыка Ипая, которые включены в школьную программу, и опубликовать их в журнале «У сем».

Надежда Федосеева,
Владимир Шаров
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2012, № 2

VI ФИННО-УГОРСКИЙ КОНГРЕСС: «ЯЗЫК И НАРОД»

С 4 по 8 сентября 2012 года финно-угорский мир очередной раз встречался в городе Шиофок Венгерской Республики. Шестой конгресс родственных народов собрал представителей 25-миллионного сообщества. Около 600 делегатов и наблюдателей, представителей народов языковой ветви из России, Эстонии, Венгрии, искали ответы на важные вопросы, продиктованные жизнью.

Консультативный комитет заранее объявил тему очередного конгресса: «Язык и народ». Это позволило видным политическим деятелям, общественности более внимательно присмотреться к проблемам малочисленных народов в глобализирующемся мире.

От имени марийского народа в Шиофок ездили 20 делегатов, 15 наблюдателей. В состав делегации вошли учёные, преподаватели, представители власти, общественные деятели, бизнесмены, журналисты, студенты.

Первый день конгресса начался с пленарного заседания. На открытии конгресса 5 сентября 2012 года присутствовали президент Венгрии Янош Адер, Финляндии – Саули Ниинистё и Эстонии – Тоомас Хендрик Ильвес. Российскую Федерацию на конгрессе представлял министр культуры Владимир Мединский.

Как сохранить язык? Этот вопрос звучал все дни с трибуны конгресса. Ответ на этот вопрос можно было услышать и в приветствиях президентов Венгрии, Эстонии, Финляндии.

Президент Венгрии Янош Адер в своей речи заверил присутствующих в важности финно-угорского единства для Венгрии. В частности, он сказал: «У нас, финно-угорских народов, есть общие корни, реконструировать которые трудно, но работают языковеды, этнографы, археологи – из тумана прошлого проявляют картину общего праязыка и прародины. Мы, кто собрался на VI конгрессе, должны склонить головы перед учеными».

Президент Эстонии Х.Ильвес связал современные проблемы финно-угров с экономическими причинами. «Прогнозы, которые давали пессимистично настроенные аналитики, теперь все мы ощутили на себе, – сказал президент Эстонии. Экономические потрясения сказались на культурной политике: рабочие места исчезают, расходы на культуру сокращаются – культура страдает больше всего... Каждый народ может привести пример того, как в это сложное время не реализуются мечты, о которых говорили четыре года назад… Финно-угры должны отстаивать свою свободу», – заключил он.

Президент Финляндии Саули Ниинистё говорил о проблеме сохранения языков финно-угров, не прибегая к политической риторике. В частности, в своей речи

он сказал: «Язык – это то, что принадлежит не самому народу, который на нем говорит. Это достояние всего мирового сообщества, его, если так можно выразиться, культурный арсенал. Поэтому самое важное для всех нас: способствовать развитию финно-угорских языков, и, соответственно, культур, традиций и обычаев».

В своем выступлении министр культуры Российской Федерации Владимир Мединский подчеркнул, что в России проживают представители 193 народов, которые говорят на 273 языках и диалектах. «Мы рассматриваем каждый народ как коренной, – подчеркнул он. – Главное – не противопоставлять один народ другим. Наша страна отличается своей полиэтничностью, и финно-угры являются важной государствообразующей частью Российской Федерации. И государственная политика нацелена на поддержку, сохранение и развитие языков и самобытной культуры всех народов, населяющих Российскую Федерацию. Россия – сердце финно-угорского мира, при этом иные народы не поглощают финно-угров, напротив, жизнь в нашей стране строится по принципу: сила народностей в поддержании своей самобытности».

В качестве примера Мединский привёл и Марий Эл, где ведется строительство объектов культуры и искусства, в частности: школа-интернат для одаренных детей, театр оперы и балета, кукольный театр. Отметил целенаправленную работу по развитию этнической культуры в Марий Эл, сохранению самобытности малочисленного народа.

Возглавлявший делегацию марийцев Анатолий Иванов выступил на родном, марийском языке, выразил добрые пожелания в адрес участников форума. Говоря о республике, он подчеркнул: «Проблемы финно-угров, проживающих в России, у всех одинаковые. Как сохранить свой народ, улучшить его будущее, передать культуру и традиции молодому поколению? Нам нужно найти ответы на эти непростые вопросы и идти вперед, воплощая наши решения в жизнь». Анатолий Николаевич, отмечая проблему сокращения численности мари, указал пути её решения: нужно уделять больше внимания развитию детей в семье; прививать любовь к родному языку; в школах активнее использовать возможности национального компонента; более активно участвовать в программах социальной защиты и здравоохранения и т.д.

Докладчик отметил, что ежегодное празднование «Пеледыш пайрем», «Марий Талешке кече», «Марий тиште кече», посещение молитвенных рощ (кӱсото) благотворно влияет на самосознание народа. Праздничные и обрядовые традиции, которые сохранились и среди мари, проживающих за пределами Республики Марий Эл, помогают самосохраниться мари.

Председатель Международного консультативного комитета финно-угорских народов (МККФУН) Валерий Марков в первый день работы конгресса представил отчет о деятельности МККФУН и достижениях финно-угорских народов за четыре года, прошедшие с предыдущего конгресса в Ханты-Мансийске.

На секционных заседаниях «Этнополитика и право», «Язык и образование», «Культура», «Информационные технологии и СМИ», «Здоровье, демография и эко-

логия» участники конгресса обсудили перспективы дальнейшей работы. Наши делегаты и наблюдатели приняли активное участие в обсуждении вопросов изучения родного языка (В.Ф. Галкин, Г. Сидорова, А.В. Гурьянов), развития этнотуризма (И.А. Степанова, А.И. Таныгин), взаимодействия власти и общественных объединений (Л.Л. Михеева, А.А. Казанцева). В «круглом столе» по вопросам молодёжи приняли участие В.В. Аптулаев, А.А. Иванова, Т.В. Юзыкайн. Интересным был доклад М.З. Васютина на секции «Культура». Он дал высокую оценку победе Барановских бабушек на Евровидении: «Невооружённым взглядом, без всяких соцопросов и исследований видно, что это уникальное событие повлияло на самосознание не только удмуртов. Сотни тысяч, миллионы людей разных национальностей – русские, татары, марийцы, чуваши и прочие – задумались о родном языке и культуре, ощутили своё место в этом глобализирующемся мире. Чем для нас, людей, профессионально занимающихся культурной политикой, является данный факт? Барановские бабушки и тот эффект, который они произвели, есть результат культурного строительства – десятилетий работы отрасли культуры по поддержке традиционной культуры, самодеятельного творчества, клубной работы, подвёл итог 20-летней работы финно-угорского мира».

От марийцев в редакционном комитете работал Валерий Мочаев.

По итогам многосторонних обсуждений делегаты приняли Резолюцию конгресса и определили новый состав Международного консультативного комитета финно-угорских народов, членами которого избраны четыре представителя марийского народа.

Следующий, VII Всемирный конгресс финно-угорских народов, пройдёт в 2016 году в финском городе Лахти.

Зоя Дудина
Йошкар-Ола

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Вершинин Валерий Иванович – старший научный сотрудник отдела языка МарНИИЯЛИ

Водясова Любовь Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры мордовских языков ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е.Евсевьева»

Гуляева Наталья Ивановна – младший научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Дудина Зоя Михайловна – поэтесса, редактор литературы и публицистики газеты «Марий Эл»

Казанцев Дмитрий Егорович – доктор филологических наук, профессор МарГУ

Колчева Эльвира Мазитовна – кандидат искусствоведения, заместитель директора Национального музея Республики Марий Эл им. Т.Евсеева

Лаврентьев Гурий Иванович – доктор филологических наук

Малева Анастасия Валерьевна – младший научный сотрудник сектора литературоведения Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Миннияхметова Татьяна Гильмияхметовна – кандидат исторических наук, доктор философии, научный сотрудник Института истории и европейской этнологии Инсбрукского университета

Мокшина Елена Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии МГУ им. Н.П.Огарева

Морозов Валерий Алексеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры региональной истории МарГУ

Ракин Анатолий Николаевич – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Садиков Ранус Рафикович – доктор исторических наук, заведующий отделом этнологии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН

Садовин Игорь Геннадьевич – координатор общества М.А.Кастрена по Республике Марий Эл

Сажина Светлана Александровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Сурнина Лидия Егоровна – младший научный сотрудник сектора литературоведения Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Уткина Татьяна Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры литературы и методики обучения литературе, заведующая сектором аспирантуры и докторантуры ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева»

Федосеева Надежда Александровна – кандидат филологических наук, заведующая отделом литературы МарНИИЯЛИ

Чикина Наталья Валерьевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора литературы и фольклора Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Шаров Владимир Дмитриевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом этнологии МарНИИЯЛИ

CONTENTS

ARTICLES

Kazantsev D.E. Diachronic universals of word formation. 3
Chikina N.V. Children's literature in Finnish in Republic of Karelia in 1960–1980 years. 13
Vodyasova L.P. The text and its basic parameters (on the materials of modern Erzya language). 21
Sadikov R.R. Estonian settlements in the Southern Urals: historical essays. 35

REPORTS

Sadovin I.G. Mari aspect in contemporary international Finno-Ugric cooperation. 42
Malyova A.V. Lyrical heroine of Komi poetess L.Z. Vtyurina: features of world-attitude. 47
Kolcheva E.M. Male archetypes in works of Mari Art of 1920–30 of the National Museum of Mari El Republic named after T. Evseyev. 52
Surnina L.E. Aspects of the national character in the poem of I.A. Kuratov «Poor Guy» and «The Rural Girl to the City Rich Person». 59
Utkina T.V. The traditions and customs of the Mordvinian people in fairy tales of N.A. Podgurskaya. 69

PERSONS

Gulyayeva N.I., Sazhina S.A. Life in Science: 70th anniversary of V.A. Lyashev.. 72
Mokshina E.N. The 75th anniversary of I.M. Peterburgskiy. 76
Morozov V.A. The teacher, scientist, rector: the 75th anniversary of A.Ya. Antipin. 81

SURVEYS AND REVIEWS

Minniyahmetova T.G. Rev.: Shutova N.I., Kapitonov V.I., Kirillova L.E., Ostanina T.I. Historical and cultural landscape of Kama-Vyatka region: The collective monography / Science editor, author of introduction and conclusion N.I. Shutova; Udmurt Institute of History, Language and Literature of Ural Department of Russian Academy of Science. – Izhevsk, 2009. – 224 pp.: ill. 84
Lavrentyev G.I. Rev.: Wikstrom O., Zorina Z. Case system of Modern Mountain Mari language. – Yoshkar-Ola, 2010. – 164 pp. 86
Rakin A.N. Rev.: Peksheyeva E.I. Ihtionyms and vocabulary of fishing in the Mari language. – Thesis submitted for the Degree of Candidate of Philology. – Yoshkar-Ola, 2012. – 230 pp. 94
Vershinin V.I. Rev.: Metsmägi I., Sedrik M., Soosaar S-E. Eesti etumoloogia – sõnaraamat. – Tallinn, 2012. – 792 s. 105

CHRONICLE

Fedoseyeva N.A., Sharov V.D. Results of regional science and regional conference «Life and Work of Olyk Ipai in the present context». 112
Dudina Z.M. VI Congress of Finno-Ugric peoples: «The language and the people». 115
Information about the authors. 118

«Финно-угроведение», 2012, № 2

Научный журнал
Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации ПИ № 77–5360

Редактор *Н.И. Сараева*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Обложка художника *Ю.П. Клюкина*
Английский текст *Э.И. Пекшеевой*

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44
Телефон: 64-19-28, 45-39-94
т. факс (8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.ru

Подписано в печать 06.11.2012. Формат 70x100/16.
Усл.п.л. 9, 68. Тираж 300 экз. Заказ № 5917.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Издательский дом Сельские вести»
425200, РМЭ, п. Медведево, ул. Советская, 5